

63.3(49=41)

С60

К 1150-ЛЕТИЮ
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Владимир Соловьев

доктор исторических наук, профессор

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ

I-X ВЕКА

Таинственные и увлекательные истории
о славянском мире

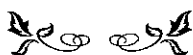

КНИГА
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Владимир Соловьев

**ДРЕВНИЕ
СЛАВЯНЕ**

I-X ВЕКА

КНИГА
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Владимир Соловьев

**ДРЕВНИЕ
СЛАВЯНЕ
I-X ВЕКА**

**Таинственные
и увлекательные истории
о славянском мире**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 929
ББК 63
С60

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается
без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Соловьев В.М.

С60 Древние славяне. Таинственные и увлекательные истории о славянском мире. I—X века. / Владимир Соловьев. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. — 317 с.

ISBN 978-5-227-02917-1

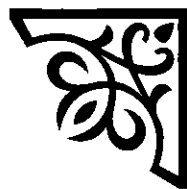
При чтении этой книги далекое прошлое славянских народов оказывается вдруг неожиданно близким. Те далекие века почему-то вовсе не кажутся глубокой древностью. Может быть, это оттого, что многое в раннесредневековой истории восточных, западных и южных славян отложилось в легендах и преданиях, сказках и былинах, уже хорошо знакомых читателю, особенно юному.

Где и когда было первое упоминание о славянах? Что общего между мифом о Гиперборее и чудо-островом Буяном? Кем на самом деле является Баба-яга? Кто из князей восточных славян вымышленный, а кто настоящий? Почему иностранные очевидцы считали славян дикими и темными?

**УДК 929
ББК 63**

© В. Соловьев, 2011
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-227-02917-1

**СЛАВЯНСКИЙ
МИР**

В то давнее время, когда мир был наполнен лешими и водяными да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, жили-были древние славяне.

Обычно после слов «жили-были» следуют царь с царицей, старик со старухой или купец с купчихой. Но в данном случае автор этой книги позволил себе маленькую вольность и умышленно заменил в хорошо знакомом сказочном зачине традиционные персонажи древними славянами.

Нам не всегда ведомо то, что с детства памятные русские народные сказки переносят нас в тот стародавний мир, когда человечество едва вышло из поры своего младенчества, когда общность между народами была гораздо больше, чем сейчас, и многочисленные племена славян считали друг друга близкородственными, связанными узами братства, ведущими род от одного корня.

В. Васнецов.

Сирин и Алконост. Песнь радости и печали. 1896

В этой книге приоткрывается тайна происхождения общей семьи славянских народов, рассказывается о ее восточной, западной и южной ветвях.

Предыстория и ранняя история славянства восстановлена в течение столетий десятками ученых не только по свидетельствам современников, археологическим материалам, но и по сказкам, преданиям, легендам. Иные исследователи, чтобы проследить, как складывались судьбы древних славян, совсем как в сказке вынуждены были отправляться в своих научных изысканиях «туда — не знамо куда, за тем — не знаю чем» и в результате кропотливой работы вознаграждали себя, находя «дива дивные» и «чуда чудные», — так образно можно назвать бесцен-

ную информацию, которую они обнаружили и которой мы благодаря им располагаем сейчас.

При чтении книги далекое прошлое славянских народов оказывается вдруг неожиданно близким. Что из того, что речь идет о веках, когда предки нынешних русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, сербов, словенцев, болгар, македонцев и др. были в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе новопоселенцами и только осваивались там? Те времена почему-то вовсе не кажутся глубокой древностью. Может быть, это оттого, что многое в раннесредневековой истории восточных, западных и южных славян отложилось в легендах и преданиях, сказках и былинах, уже хорошо знакомых читателю, особенно юному?

Объединенные общностью происхождения, единой языковой группой, культурой, славяне, конечно, очень похожи, и никакие границы и различия в судьбах не в силах разорвать их давнее, уходящее корнями в глубь столетий содружество.

О происхождении, первых зафиксированных источниками появления славян на исторической сцене, их больших племенных союзах и государствах накоплен необъятный фактический материал. Но летописи и хроники, археологические находки и архивные изыскания, исследования ученых не исчерпывают бесконечные вопросы, возникающие при обращении к таинственной и увлекательной истории древних славян.

Гей, славяне!

Вопрос о происхождении, или, по-научному, об этногенезе, славян — один из самых сложных и запутанных.

Сейчас славяне с достаточно высокой плотностью живут по крайней мере в двадцати странах, составляя примерно 270 миллионов человек на нашей планете и основную часть населения Европы. Еще недавно славянских стран было гораздо меньше, так как целый ряд ныне самостоятельных государств входили в качестве союзных республик в состав СССР и Югославии.

Теперь в мире 14 стран, где славяне количественно преобладают, но при этом представителей славянского этноса, то есть людей одной национальной группы, объединенных общностью территории и языка, больше не стало. Даже наоборот — в силу разных причин, и прежде всего региональных локальных конфликтов 1990-х годов (например, на Балканах) и отсутствия естественного прироста населения, наблюдается убыль славян.

Исторически так сложилось, что Россия, Белоруссия и Украина — это страны, где большинство населения — восточные славяне; Польшу, Чехию и Словакию издавна населяют западные; Болгарию, Сербию, Черногорию, Хорватию, Македонию, Словению, Боснию и Герцеговину — южные.

К восточным славянам, помимо русских, белорусов и украинцев, относятся поморы, липоване,

К. Лебедев. Пляска. 1900

горюны, русины; к западным, кроме поляков, чехов и словаков, — лужичане и кашубы; к южным — наряду с болгарами, сербами, черногорцами, хорватами, македонцами, словенцами, боснийцами — еще и помаки. Это значит, что географически границы расселения славян в европейских странах весьма условны. И к тому же надо иметь в виду, что вкрапления славянского этноса не замыкаются Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европой, но распространяются и на Западную и что славянские диаспоры возникли в Америке, Австралии, Закавказье, Средней Азии.

У славян есть общие праздники: 24 мая — День славянской письменности и культуры и 25 июня — День дружбы и единения славян. Еще в 1848 году на славянском съезде в Праге было учреждено национальное знамя всех славян из трех горизонтальных полос сверху вниз: синей, белой и красной. И сегодня в государственном флаге любой из славянских стран обязательно присутствует один из этих цветов.

Современные славяне — по преимуществу христиане. Большинство из них (болгары, сербы, македонцы, черногорцы, русские, белорусы, украинцы) — православные; на втором месте — католики (поляки, чехи, словаки, словенцы, хорваты, лужичане); на третьем и четвертом — старообрядцы и протестанты; некоторые (например, боснийцы и др.) исповедуют ислам. Разумеется, есть и неверующие.

Общность религии, безусловно, очень сближает, но главное, что объединяет славянские народы, — это, конечно, язык. Славяне говорят на языках индоевропейской группы — одной из самых крупных среди языковых семей на Земле. При всех различиях и несовпадениях устная речь русских, поляков, болгар или чехов имеет много схожего, что проявляется в словах, именах, названиях, построении фраз. И клич «гей, славяне!» как призыв о помощи (мол, наших бьют!) или выражение солидарности и поддержки в равной степени понятен любому человеку, чей родной язык — один из многих славянских.

Некогда же все славяне и вовсе говорили на одном языке, свободное общение между ними осуществлялось без всяких затруднений, и проблема беспрепятственной коммуникации не упиралась в так называемый языковой барьер, как сейчас нередко бывает. Если сегодня люди из разных славянских стран, чтобы установить контакт, о чем-то договориться, зачастую переходят с родного языка на английский или французский, то в исторически отдаленные времена этого не бывало. Распад языкового единства произошел у славян, по мнению видного российского лингвиста Вячеслава Всеволодовича Иванова, не раньше IX века после Рождества Христова.

Ныне славяне неравномерно расселены от горного массива Судет в Европе до берегов Тихого океана в Азии.

Первое, с чем мы сталкиваемся, пытаюсь отыскать древнейшие следы славян на Земле, — это их если не бесконечные, то очень частые перемещения — миграции. Создается впечатление, что где-то две тысячи лет назад они — наполовину оседлый, наполовину кочевой народ. Иначе зачем бы им раз за разом покидать обжитую территорию и устремляться неведомо куда?

На самом деле возделывание земли не мешало славянам вести подвижный образ жизни, характерный для кочевников-скотоводов, чередуя его с оседлым. То есть они совмещали одно с другим. Рано или поздно им приходилось пускаться в путь в поисках нового места под солнцем.

Сколько раз менялась и перекраивалась политическая и этническая карта древних славян — не поддается учету. Причиной переселений были и природные катаклизмы, и чужеземные нашествия (например, гуннов), и истощение почвы, и естественный поиск новых, пригодных для пашни и пастбищ земель.

В связи с историей любого народа важно установить, где и откуда он первоначально появился, когда, как и чем заявил о себе?

В отношении славян все эти вопросы получили лишь частичный ответ. Многое остается пока не только не ясным, а завязанным в тугую узел противоречивых гипотез, безосновательных догадок, плохо согласующихся между собой фактов, словно пытаясь распутать таинственную историю славян, каждый исследователь вытянул из сложных хитросплетений образовавшегося клубка загадок свою отдельную нить, но в целом ряде случаев концы оказались ложными целями и потому не приблизили к истине, а, пожалуй, даже отдалили от нее, образовав новые узлы.

Прародина славян, как показали обстоятельные исследования последних десятилетий, может располагаться в широкой географической амплитуде от бассейна Одера до Урала. Авторитетный археолог и этнограф Мария Гимбутас (она родилась в Литве, но ее профессиональная научная деятельность в полную силу разворачивается в университетах США, куда она переехала после Второй мировой войны) локализовала

обширную зону, где следует искать истоки славян, до двух ареалов. Это, во-первых, район между Одером и Вислой, на стыке Германии и Польши, и, во-вторых, территория современной Украины севернее Черноморского побережья. М. Гимбутас и более точно указывает место первоначального расселения славян: область между бассейнами Вислы и среднего Днепра. К этим выводам ученый приходит, проведя фундаментальное изучение ранних исторических источников и сравнив их с лингвистическими (географические названия — топонимы) и археологическими сведениями.

Тем не менее в научной литературе, посвященной этногенезу славян, до сих пор велика примесь баснословного. Несколько столетий историки упорно отделяли достоверное от вымыслов, но цветистые и яркие подробности из разных легенд и сказаний нет-нет да вплетались в канву на первый взгляд вполне академических текстов.

Как и другие большие народы, славяне выводили свое прошлое из библейской истории. Отсюда предание о первопредке славян Гелисе — сыне Явана который в свою очередь был сыном Яфета и внуком прародителя человечества Ноя, спасшегося на своем ковчеге во время Всемирного потопа.

По другой версии, начало славянскому роду положили Яфетовы правнуки Скиф и Зардан, поселившиеся в Северном Причерноморье. От них произошли пять братьев: Славен, Рус, Болгар,

Коман и Истер, каждый из которых — родоначальник одного из славянских народов.

Есть разные вариации раннего и сравнительно позднего эпоса, связанные с мифическими братьями-первославянами. Например, известно предание о том, как в долине Дуная (или какой-то другой местности: в Татрах, на Карпатах, у побережья Адриатики и т. д.) некогда жили братья Чех, Лех и Рус, но потом они разбрелись в разные стороны, и от них произошли чехи, поляки (ляхи) и русские.

Интересно разобраться в этимологии (происхождении) самого слова «славяне». Славяне — это самоназвание, то есть так называли себя в древности они сами, подчеркивая свою принадлежность к понятно говорящим, в отличие от немцев («немых»), чужестранцев, изъясняющихся на неведомом языке. Славяне — значит ясно говорящие, такого же речения, объединенные общим словом, «слывущие» (могущие быть услышанными). Следовательно, имя этого народа — производное от «слова».

По другому объяснению, природа слова «славяне» связана со славой: славные люди, славные в воинстве, мужестве и храбрости.

Собственно говоря, «слово» и «слава» — лексемы, образованные от одного корня, и происходят от глагола «слыть» — быть известным.

Малосостоятельной и вместе с тем менее лестной представляется гипотеза, согласно которой славяне — обозначение невольников. Так назы-

вали военнопленных чужестранцев из дальних земель древние римляне, и затем из латинского *sclavus* (раб) последовали западноевропейские заимствования в немецком, английском и скандинавских (шведский, норвежский, датский) языках.

Рослые, сильные, славяне в самом деле нередко становились, попадая в плен, живым товаром, широко продавались и пользовались спросом на невольничьих рынках, но в то же время — не больше чем, например, фракийцы, даки, германцы, франки, балты или представители других «диких» народов, которых римляне высокомерно называли варварами или вандалами.

Не выдерживает критики и выдвинутое на рубеже XIX—XX веков предположение языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ о происхождении этнонима «славяне» от имен собственных, оканчивавшихся на «слав»: Владислав, Судислав, Мирослав, Ярослав и других. По мнению этого исследователя, название «славяне» возникло вначале в среде римлян, захвативших на восточных границах своей империи множество рабов с такими именами. Звучное окончание «слав» будто бы постепенно превратилось в Риме в нарицательное название всякого раба вообще, а в дальнейшем и народа, выходцами из которого была изрядная часть этих рабов. Особенно абсурдным представляется допущение Бодуэном де Куртенэ того, что слово переняли у римлян сами славяне и тоже именовали себя рабами.

От Прикарпатья до Альп

Как бы широк ни был географический разброс точек изначального обитания славян, точнее, пра-, или протославян, они устойчиво тяготели к берегам Черного моря — Понта Эвксинского, как называли его проникшие сюда в качестве колонистов древние греки. Именно древнегреческий ученый Птолемей (ок. 90 — ок. 160) в труде «География» дал сводку основных сведений об античном мире — ойкумене и впервые упомянул о «словенах» (славянах). После него в VI веке о них уже как о «скловенах» в сочинении «Война с готами» пишет византийский историк Прокопий Кесарийский.

У одних античных авторов со славянами ассоциируются венецы (венеты) и анты, у других — скифы и сарматы, но сколько-нибудь убедительные доказательства в пользу того, что эти народы могут быть соотнесены со славянскими этносами, отсутствуют, причем наиболее уязвимый и спорный момент принадлежности славян к антам или прочим вышеназванным народам — разноязычие. Так, например, и скифы, и сарматы — представители иранской языковой группы.

Нет оснований не доверять лингвистической географии — выделившейся из языкознания науке, изучающей территориальное распространение языковых явлений. Так вот, согласно ее данным, привязка доминирующих мест обитания древних славян к черноморским берегам вызы-

Ж.-П. Лоренс. Смерть Тиберия. 1864

вает серьезные сомнения, так как не находит подтверждения в языке: морская лексика с обозначением природы, климата, рельефа местности (залив, ущелье, дюны и т. п.) или напрочь отсутствует, или совершенно очевидно заимствована из неславянских языков, тогда как в широком употреблении слова, которые никак не отнесешь к прародине у моря: для буйных трав, густых лесов, кустарников, деревьев, болот, рек, озер, заводей, то есть того, что составляет пейзаж не южной, а скорее северной полосы, названий более чем достаточно. В порядке вещей такие элементы ландшафта, как поляны, холмы,

овраги, но нет ни гор, ни скал, ни шале, ни при-
боя, ни гальки, ни морской шири и штормов,
бриза и штиля.

Разумеется, славяне сколько угодно могли ме-
нять географические зоны, скитаться из региона
в регион, но быть все-таки выходцами с берегов
Понта Эвксинского. Но тогда почему следы их
первоначального пребывания не отложились и
не закрепились в языке? Может быть, потому,
что сами они были «не местные» и их неодолимо
тянуло в теплые и сытые края из суровых и го-
лодных земель, где борьба за выживание слиш-
ком дорого им обходилась?

Нет сомнения в том, что славяне не только
сами по своему почину меняли места обитания,
но и вынуждены были спешно бежать, встав на
пути могущественных завоевателей древности.
Попав под волны агрессивных нашествий, уце-
леть, сохранить свои традиции, обычаи, этниче-
скую целостность и идентичность было весьма
проблематично. Естественно, что, если славяне
не успевали скрыться и маршруты очередных
вторжений и захватов пролегли по их землям,
ассимиляция, утрата индивидуальных особен-
ностей и культурной самобытности оказыва-
лись неизбежны. Однако славянский этнос не
был погребен ни под лавиной скифов, ни под
натиском сарматов, ни при набегах аваров. Он
выстоял, и частично пришельцы сами раствори-
лись среди местного населения. Сарматы, к
примеру, даже поменяли кочевой образ жизни

на оседлый и фактически слились со славянскими племенами.

Конечно, вытеснение более сильными и воинственными слабыми в так называемую эпоху Великого переселения народов было неизбежной реальностью, но к славянам это не относится. Во-первых, они обладали достаточно высокой сопротивляемостью, чтобы покорно дать себя поглотить; во-вторых, сами зачастую были нападающей стороной. В тогдашнем жестоком мире они вполне боеспособные участники бесконечных схваток и стычек за передел территорий, и считать их всего лишь мирными пахарями и кроткими пастухами, которые лишь трудятся не покладая рук, было бы не только наивным, но и заведомо притянутым за уши отступлением от истины. Во всяком случае, соседи славян что на севере, что на западе (германские племена, кельты и балты), что на востоке и юге (скифы, сарматы, фракийцы, иллирийцы) видели в них реальную угрозу. И им было чего опасаться. Даже могущественная Византия времен императора Юстиниана (527—565) вынуждена считаться со славянами, после того как ее экспансия на Дунай и в глубь Причерноморья не принесла ожидаемого результата и оказалась напрасной тратой времени, сил и средств. К тому же вскоре греки получили адекватный ответ, который, кстати, сами и спровоцировали. Отряды славян смели византийские укрепления на Дунае и дошли до центра Балкан, а военные

флотилии грозили Царьграду и свободно плавали по Эгейскому и Средиземному морям. Византия не смогла воспрепятствовать этому активному проникновению в зону своих геополитических интересов и смирилась с тем, что восточная часть Балканского полуострова была заселена поднепровскими и приднепровскими славянами, а также пришедшими из Прикарпатья хорватами. Одновременно западославянские племена утвердились в Центральной Европе. Вероятно, от правого берега Дуная они поначалу продвинулись вплоть до Альп, но затем откатились на восток. Наличие в их лексике слов из италийских языков, в частности очень схожие названия гончарной посуды, красноречиво свидетельствует о том, что славяне длительное время располагались не только на задворках Западной Европы. Это не значит, что, взаимодействуя с другими племенами и народами, они знали лишь язык войны и все их соприкосновения и контакты с соседями не обходились без оружия, но именно военный ресурс и готовность к вооруженному противостоянию «чужакам» играли не просто важную — решающую роль.

Если достоверны свидетельства византийских историков, в VI веке римский император Тиберий вознамерился сокрушить славян руками воинственных аваров во главе с их каганом Баяном. Собрав тяжеловооруженную и многочисленную (около 600 тысяч человек) конницу, он обрушился на славянские поселения, уничто-

жая все на своем пути. Считая, что дело сделано и сопротивления не будет, Баян послал к славянским вождям гонцов с требованием принять его власть, покориться и платить ему дань. Гордый ответ славян не заставил себя ждать. «Да разве есть на свете человек, — прочел заносчивый Баян, — который осмелился бы насмехаться над таким народом, как наш? Мы привыкли подчинять другие народы, но не признавать их владычество. Мы не позволим никому править нами, пока можем сражаться и держать в руках оружие».

К сожалению, на протяжении мировой истории не раз бывало так, что военные успехи славянства вскоре обесценивались, ибо славяне побеждали, а противники выигрывали.

Здесь уместна ремарка: со времен Средневековья про славян ходило много небылиц. Так, им приписывали избыточную жестокость и гипертрофированную агрессивность. Современный российский историк А.А. Бычков, к сожалению, принимает подобные измышления за чистую монету и в своей претендующей на сенсационность книге «Происхождение древних славян» (М., 2007), не оспаривая и даже не комментируя, приводит следующий отрывок из «Славянской хроники» немецкого миссионера Гельмольда:

славяне — народ беспримерной жестокости, который не может жить мирно и не перестает досаждать соседям как на суше, так и на море. Невозможно вообразить все виды смерти, которые

они изобрели для уничтожения христиан. Иногда они привязывают конец их кишок к дереву и выматывают их, заставляя ходить вокруг ствола. Иногда они их распинали на кресте, чтобы таким образом посмеяться над символами нашего спасения. Ибо они считают, что нет большего злодеяния, чем распятие на кресте. Тех, за кого они решили взять выкуп, они подвергают мучениям и надевают на них путы самым невероятным образом».

Конечно, Гельмольд не беспристрастен и более чем заинтересован представить славян (в данном случае полабских) как можно более дикими и свирепыми. Еще в начале XX века московский профессор Д.Н. Егоров в своей докторской диссертации «Славяно-германские отношения в Средние века...» дал отповедь инсинуациям немецкого хрониста. Его опубликованное в двух томах исследование (М., 1915) — это кропотливый источниковедческий разбор сочинения Гельмольда и опровержение пункт за пунктом его данных, включая приведенные «ужастики». Любителей цитировать соответствующие места из «Славянской хроники» нашлось немало. Так что А.А. Бычков — далеко не исключение, не первый и, по-видимому, не последний. Но вот если бы он познакомился с трудом Д.Н. Егорова, не было бы необходимости по второму кругу доказывать очевидное: славяне нарочно изображены монстрами и изуверами, дабы как-то оправдать кровавое и беспощадное подавление их

яростного сопротивления в ответ на насильственное крещение. Пожалуй, пламенная публицистка В.И. Новодворская впадает в другую крайность, когда без тени сомнения уверяет: «Славяне единственные в Европе не знали пыток...», но она, безусловно, права в том, что во все не у них была пальма первенства в расправе с недружественными людьми.

Манера некоторых средневековых авторов с тем или иным расчетом выдавать частные, единичные случаи за массовую практику хорошо знакома. При желании и древлян, подвергших киевского князя Игоря изощренной казни, можно представить отъявленными садистами. Ведь они не просто умертвили его, а привязали за ноги к верхушкам двух сведенных вместе пеньковой бечевой гибких деревьев, затем отпустили веревку, и несчастного Игоря разорвало пополам. Что и говорить, жуткая смерть. Но это была крайняя мера, наказание за безудержную алчность князя, который, взяв одну дань, тут же вернулся за другой, решив, что получил слишком мало. То есть древляне специально устроили ему жестокую образцово-показательную казнь в назидание, чтобы другим неповадно было.

Известны две яркие и значимые археологические культуры позднего бронзового и раннего железного века — лужицкая и черняховская, косвенно повлиявшие на становление протославян. Генетически та и другая связаны с ними лишь гипотетически, но обе сформировались в обла-

стях будущего обитания славянского этноса: первая — на территории Восточной Германии, Польши, Чехии и Западной Украины, вторая — на правобережье Днепра. В чем-то эти культуры походили на складывающуюся у праславян, какие-то отдельные черты и особенности они позднее воспроизвели и заимствовали. Скажем, такие элементы лужицкой культуры, как поселки из домиков на столбах и со стенами, обмазанными глиной или забранными досками, получают распространение в жилых строениях славян, а из черняховской они почерпнут навыки земледелия и раннего ремесла. В точности не установлено, кем были носители лужицкой культуры. Одни исследователи относят их к кельтско-италийской языковой группе, другие — к иллирийской. Но польские и чешские археологи не исключают здесь протославянскую, восходящую к глубочайшей древности составляющую. Что же касается «черняховцев», то они — в основном иранцы и фракийцы. Вместе с тем среди них, возможно, уже были и праславяне. Во всяком случае, чисто хронологически (памятники черняховской культуры датируются II—IV веками) это вполне допустимо.

Таинственные готы

Когда о ком-нибудь из русских, чехов, поляков, украинцев и т. д. говорят «типичный славянин» или «настоящая славянка», тем самым обращается

внимание на нечто общее, характерное именно для этого этнотипа: разрез глаз, прямой или картошкой нос, высокие скулы, правильные черты лица.

Подчас споры о сущности «славянской расы» и степени ее устойчивости и непроницаемости выходят за рамки научного поля и приобретают откровенно националистическую (с акцентом на «особость», исключительность) окраску.

Есть и противоположное мнение: славяне — не чистый этнос, их кровь — причудливый «коктейль», результат смешения многих племен и народов, которых некогда свела вместе история.

Известное присловье «Поскреби любого русского — проступит татарин» как раз напоминает о плотных контактах восточных славян не только с монголами, но и со степняками или «степью», как собирательно названы в древних летописях половцы, крымцами, ногайцами, кочевья которых пролегали когда по соседству с Русью, а когда и прямо через русские границы.

Примерно так же обстояло дело у южных и западных славян. Их монолитность и этническая стерильность постоянно подвергались проверке на прочность.

Вряд ли сегодня есть сомнения в том, что период Великого переселения народов (IV—VII века) не был тем самым плавильным котлом, в котором кому-либо удалось не утратить свою этническую девственность. Это невозможно, как говорится, по определению. И в то же время,

У. Кеки. Гунны вторгаются в Италию

смешиваясь, ассимилируясь, славяне наряду с некоторыми другими народами, по-видимому, в высокой степени сохранили этнонесущее ядро, вобравшее в себя язык, обычаи, особенности.

Генетическая и культурная однородность никогда не была гарантом консолидации славян в единую общность. Происходя из одного лона, они порой быстрее находили общий язык не между собой, а с теми разноэтническими массами, которые на короткое или долгое время становились их соседями по среде обитания.

Единение славян — величина относительная и непостоянная. Пожалуй, заявительно, на уровне риторики, желаний и благих намерений оно присутствует в прошлом, как, впрочем, и в настоящем, обильно и неизменно, но, увы, это больше метафора, золотой миф, плод идеализации, дань

традиции и известному направлению (панславизм) общественно-политической мысли, чем реальность. На деле солидарность и взаимопонимание в славянском мире на чаше весов истории уравновешены конфронтацией и разногласием, и временами недружественные отношения внутри отдельных племен и между целыми межплеменными союзами достигали не меньшей остроты, чем конфликты с внешними врагами. Диалектика такова, что братские узы не всегда оказывались достаточными, чтобы жить в ладу, а с не родственными «по крови» племенами и народами вдруг устанавливалась полная близость, налаживались стабильные связи. У восточных славян — предков русских — именно такие отношения сложились, например, с финно-угорскими племенами — мерей, мордвой, муромой и т. д.

Надолго и всерьез исторические судьбы славян пересеклись с готами. На территории современной России (Ярославско-Костромское Поволжье и междуречье Волги и Клязьмы) проживала меря — народ, который в III веке входил в образованное группой восточногерманских племен государство готов.

В начале нашей эры готы населяли южное побережье Балтики и земли по течению нижней Вислы. В первой половине III века они распространили зону своего пребывания до Подунавья, нижнего Приазовья и Крыма. Именно тогда они вошли в плотное соприкосновение со славянски-

ми и финно-угорскими племенами, ставшими их военными союзниками. Через готов (помимо Византии) славяне приобрелись к христианству (те приняли эту веру в IV веке в форме арианства) и к рунической письменности. Преломление наследия готов в культуре славян еще ждет обстоятельного исследования.

Готы — выходцы из Скандинавии. Их язык относится к восточной группе германских языков. Поскольку готские и славянские племена нередко сообща действовали против римлян, последние тех и других считали единым народом и называли варварами. Длительное время (вплоть до XVIII века) принадлежность славян к готам допускалась хронистами и историками. Тем не менее, будучи индоевропейцами, они представляют собой разные этнические группы.

Археологи проследили пути миграции готов и установили, что к началу III века они заняли громадное географическое пространство от Дона до Дуная и облюбовали, в частности, полуостров Таврида — современный Крым. Они настолько там освоились и укоренились, что позднее средневековые авторы будут воспринимать их как автохтонов, то есть аборигенов, исконное местное население. Прежние греческие колонии Боспор, Херсонес, Ольвия и другие, где попеременно утверждали свою власть римляне и скифы, теперь стали частью аморфного, но географически обширного конгломерата, который историк Иордан даже пышно именует империей готов.

На самом деле приоритет собственно готов в военизированном политическом объединении, существовавшем в III—IV веках, вовсе не очевиден и достаточно номинален. Завоеватели Северного Причерноморья растворились в многочисленном и этнически пестром местном населении (в том числе праславянском), которое они втянули в морские и сухопутные походы на Кавказ, в Малую Азию, на острова Родос, Крит, Кипр, в византийские владения на берегах Средиземного моря.

Было время, когда ученые не исключали, что открытая в конце XIX столетия киевским археологом В.А. Хвойко на правом берегу Днепра черняховская культура в основе своей — готская. Однако новейшие исследования опровергли это предположение — сохранившиеся материальные памятники однозначно позволяют прийти к выводу: идентификация «черняховцев» как готов ошибочна.

Впрочем, это не отменяет того, что, смешавшись с жителями Тавриды и других причерноморских земель, готы привнесли туда что-то свое, оставили в местной среде обитания свой след. И конечно, результатом их долгого присутствия были неизбежные заимствования, отразившиеся в славянских языках в виде названий, понятий, морфем и фонем. Автор работ «Судьба крымских готов» (Берлин, 1890) и «Разыскания в области гото-славянских отношений» (СПб., 1899) Ф. Браун справедливо обращал внимание

на целый ряд совпадений, проистекающих не из индоевропейского родства германского и славянского языков, а из длительного совместного проживания их носителей. В качестве примеров ученый приводил близкие значения и схожее звучание многих слов, и не нужно быть специалистом в транскрипции, чтобы убедиться в его правоте. Так, готские существительные *hlaifs*, *hlaiw*, *hus*, *stalla*, *gauba* или глаголы *afmojan*, *domjan* заметно перекликаются с русскими, семантика которых соответственно «хлеб», «хлев», «хижина», «стойло» (конюшня), «роба» (платье, одежда), «маяться» (уствовать, выматываться), «думать». Если продолжить этот ряд примеров, то вполне возможно, что этимологию слова «буковка» надо искать в готском *boka* — одновременно означавшем бук (название дерева), буквы (их вырезали на букowych дощечках) и книги, а слово «хоругвь» образовано от готского *hrugga* — палка, стяг на палке.

Но готский фактор в языке и культуре славян в отечественной науке лишь недавно не отмечается с порога и не сбрасывается со счетов как заведомо неприемлемый и антиисторичный. Ведь тот же Ф. Браун — яркий представитель так называемой варяжской теории, согласно которой дикая первобытная Русь приобщилась к государственности и вообще к цивилизации посредством призванных на княжение восточными славянами скандинавских князей.

С XVIII по начало XXI века «варяжский вопрос» и рассматривался в литературе в спокойной тональности, и становился камнем преткновения между «патриотами-славянофилами» и «космополитами-западниками». Первые весьма болезненно реагировали на признание вторыми непреложным фактом того, что фундамент государства Российского был заложен норманнами (варягами).

И в самом деле, сама по себе такая постановка вопроса, особенно в контексте с конкретной политической ситуацией, может претить русскому сердцу, оскорблять и ранить национальное самолюбие, мешает испытывать законную гордость за свою страну и ее славное прошлое. И пусть к науке эти эмоции прямого отношения не имеют, но и сегодняшним гражданам России в большинстве своем, мягко говоря, не слишком приятно читать безапелляционные сентенции того же Брауна типа следующей: «Русское государство, как таковое, основано норманнами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будет напрасным праздным трудом».

Понятно, почему констатация готской составляющей в истории и культуре славян приравнивалась едва ли не к антипатриотизму и национал-предательству, а выведение даже малой толики русского лексикона из словаря готов рассматривалось как верный признак принадлежности к норманнистам — поборникам «варяжской теории».

Сегодня гото-славянские отношения освещаются в отечественной исторической литературе сравнительно ровно, и, хотя отдельные перегибы, натяжки, отступления за рамки научной полемики пока еще встречаются, в целом история готов и славян трактуется со всеми ее изломами, изгибами, хитросплетениями, взаимовлияниями и в увязке с адаптацией к предшествующим и последующим контактам славян с суперэтносами тогдашнего мира.

После готов славяне были вовлечены в водоворот завоеваний пришедших в первой половине III века из Центральной и Средней Азии кочевников — гуннов. Однако это нашествие обрушилось главным образом на германцев и иранцев, а дружественным гуннам предкам славян оно даже пошло на пользу. На волне гуннских походов те их племена, которые еще не покинули берега Балтики, начали движение на новые территории и расселились на обширных пространствах Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, в основном в бассейне Одера, Дуная, Днепра, Оки и на их притоках. Достигли переселенцы и границ Византии, дав грекам новый повод бояться славянской угрозы.

Миф о Гиперборее

Давний миф об Атлантиде Севера — Гиперборее — в последние годы вдруг приобрел реальные исторические очертания. И вот уже в некоторых

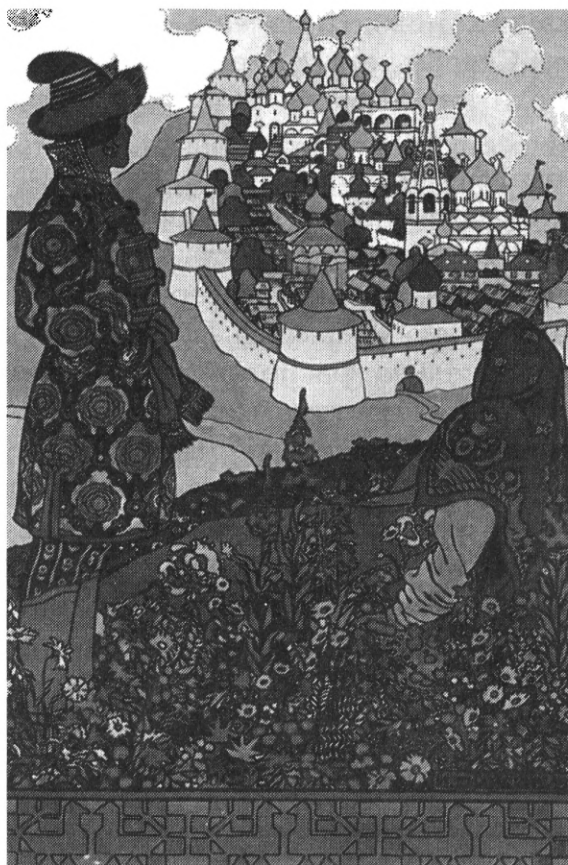
публикациях можно прочесть, что именно на Крайнем Севере некогда находилась прародина славян, или, иначе говоря, гипербореев (гиперборейцев).

Имя этой легендарной страны состоит из двух греческих слов: «гипер» (за, по ту сторону) и «борей» (северный ветер). То есть Гиперборея буквально означает: страна за северным ветром. Еще одно ее название — Арктида. Географически она, предположительно, располагалась на самом севере Евразии, за полярным кругом.

О Гиперборее, где солнце не садится за горизонт по несколько месяцев и столько же продолжается зимняя ночь, поведали древнегреческие авторы Геродот, Страбон, Диодор Сицилийский, а римский писатель, ученый, полководец и государственный деятель Плиний Старший, ссылаясь на предания, пишет, что в этой стране каждый день длится полгода.

В литературе античного времени Гиперборея-Арктида именуется по-разному (Туле, Скандия, Рутения, Эритий и т. д.). Есть расхождения и в ее местоположении. В большинстве случаев координаты таинственной страны — это Крайний Север, но великий ученый древности Клавдий Птолемей в своем знаменитом астрономическом сочинении «Альмагест» сообщает, что она находится в 250 километрах (по меркам современной метрологии) от Черного моря.

Описание земли, в северных широтах омываемой Ледовитым океаном, присутствует в Ведах —

И. Билибин. Остров Буян. 1905

древнеиндийском эпосе и Авесте — собрании священных книг Ирана первой половины 1-го тысячелетия до нашей эры.

В сказаниях славянских народов встречается сюжет, связанный с хрустальной горой. В русской народной сказке, например, ее главный ге-

рой Иван-царевич, превратившись в ясного сокола, долетел до тридесятого государства, «а то государство больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору». Очень может быть, что стекло, а тем более хрусталь здесь всего лишь метафора. Некоторые фольклористы предполагают, что на самом деле речь идет о снежно-ледяной вершине или застывшей и затвердевшей на морозе массе воды. Ведь, как известно, айсберги, громадные куски, отколовшиеся от ледника, бывают не только на плаву. Нередко их выносит на поверхность, они прочно садятся на мель, составляя характерную часть красочного арктического пейзажа. Почему бы не допустить, что такой своеобразный ландшафт окружал древних гипербореев?

Впрочем, если учесть, что в более поздние времена по берегам студеного Белого моря выкладывались каменные пирамиды, служившие маяками-ориентирами, не исключено, что и в Арктиде подобные рукотворные нагромождения, обдаваемые высокими штормовыми волнами, застывали в гигантские ледяные глыбы, создавая эффект стеклянно-хрустальной горы.

Лед, по-видимому, был привычен и естествен в среде обитания гипербореев и сопровождал их в жизни и смерти. Так, в ледяных нишах-погребках удобно было долго сохранять, словно в современных холодильниках, скоропортящиеся продукты (мясо, рыбу), а сказка о мертвой царевне наводит на мысль, что и погребение покойников,

предположительно, тоже осуществлялось иначе, чем в южных широтах: трупы вмораживались в вечную мерзлоту, оставаясь нетленными в ледяном саркофаге. Отсюда, вероятно, также и хорошо знакомый по сказкам образ хрустального гроба с телом прекрасной девы, которая, как кажется, вот-вот очнется от своего затяжного сна (смерти) и оживет.

В русском фольклоре, а также в древних сказаниях южных славян Гиперборея нашла воплощение в чудо-острове Буяне, который был где-то в Океане-море или в студеном море. Более определенный «адрес» отсутствует. Ясно одно: остров лежал в акватории Северного Ледовитого океана.

С Буяном связаны мифологические представления о времени благоденствия людей и всеобщего изобилия — золотом веке. Более поздний вариант Буяна — блаженная земля Беловодье, фигурирующая в старообрядческих преданиях. Находилась она тоже на самом севере, у устья Беловодной воды, то есть Ледовитого, или, как его называли в старину, Молочного океана.

Буян иначе именуется Ледяным островом, Ледяной землей. Столица Буяна в русской версии — Леденец, в сербской и болгарской — Ледяной град.

В описании природы Буяна-Гипербореи смущает то обстоятельство, что картина севера сильно разбавлена чуждыми ей вставками типа зеленых садов с райскими птицами. Упомянутые в

произведениях древнего фольклора ледяные стены, пол, потолок, печка как-то не сочетаются с золотыми цветами меж трав, цветочными венками и цепями и сияющими деревьями. Точно так же «рыбий зуб» (моржовые клыки) — деталь, безусловно, указывающая на север как место действия, — плохо вяжется с медоносными пчелами и чисто южной флорой, придающей дивному острову вид зеленой и цветущей лужайки.

Это причудливое смешение разных природных зон отчасти объясняется неизбежными искажениями при устной передаче изначального текста сказителями более поздних времен. Но, помимо вольной интерпретации, наложение южных географических примет и «красот» на северные, возможно, результат кардинальных пространственных перемещений первопредков славянских и других народов, оказавшихся в течение исторически длительного времени в совершенно противоположных зонах обитания. Тогда отчасти становится понятно, как гиперборейские мотивы попали в индийские Веды или древнеиранскую Авесту.

При этом важно не переносить сегодняшнюю бинарную оппозицию север—юг в далекое прошлое. Столкнувшись в настоящее время с феноменом глобального потепления, мы теперь хорошо представляем, что казавшаяся хрестоматийной полярность зон тепла и холода не раз навсегда установившийся, а достаточно подвижный и переменчивый порядок вещей. И допусти-

мо, что в Гипорборее в ту отдаленную эпоху была вовсе не вечная мерзлота, а преобладал примерно такой же оптимальный температурный баланс между минусовой и плюсовой температурой, как, скажем, на нынешних горнолыжных курортах. К тому же, если неведомая Гиперборея, подобно современной Исландии, была краем горячих гейзеров, это тоже может объяснить странный симбиоз летней ботаники посреди зимы.

Судя по свидетельствам античных авторов, климат в Арктиде был вполне благоприятный, и гипербореи отнюдь не походили на полярников на дрейфующей льдине. Напротив, они жили в свое удовольствие и, можно сказать, процветали, ни в чем не зная нужды, не обремененные ни изнурительным трудом, ни тяжелыми повседневными заботами. В стране были неистощимые запасы золота. Его скопилось столько, что истратить на свои желания и прихоти даже малую часть людям никак не удавалось. Но взять его кто попало не мог. Целые груды драгоценного металла зорко стерегли свирепые грифоны — полуорлы-полульвы.

Трудно судить, насколько заслуживают доверия баснословные предания, на которые ссылается, например, Плиний Старший, но, согласно приводимым им данным, Гиперборея — страна с благодатным климатом, здесь нет никакого вредного ветра. Жители живут в рощах и лесах, не ведая ни раздоров, ни болезней. Старики, тяготясь

своим долголетием, не дожидаются смерти, а по собственной воле после обильного пира и буйного веселья бросаются со скалы в море. «Это, — пишет Плиний, — самый счастливый род погребения... Нельзя сомневаться в существовании этого народа».

Однако «отец истории» Геродот, хоть и уклоняется от описания Гипербореи, все же не признает ее реальной страной. Наверное, его смутили безоблачное благополучие и ничем невозмутимое счастье гиперборейцев. Умудренный жизнью грек знал, что в действительности так не бывает.

Не менее скептически настроен первый русский историк-классик Николай Михайлович Карамзин. Он воспроизводит известные описания античных авторов, но не принимает их на веру и подходит к ним с присущей ему критичностью. Повторяя, что земля у гипербореев плодоносная, воздух чистый и благоуханный, что живут они дольше и счастливее всех иных людей, ибо не знают ни болезней, ни злобы, ни войны и проводят свои дни в невинной, беспечной веселости и гордом спокойствии, Карамзин в то же время отмечает: «Сие описание, основанное на баснословиях греков, пленило воображение некоторых ученых мужей севера, и всякой из них хотел быть единопольцем счастливых гипербореев... Мы, русские, могли бы также объявить права свои на сию честь и славу!»

В самом деле, Гиперборея в изображении древних очень напоминает чудо-остров из современной детской песенки, жить на котором легко и просто, — только и успевай есть кокосы и жевать бананы.

Но вот вопрос: если Гиперборея была в действительности, то куда она делась, почему нет никаких убедительных материальных ее следов — только фольклорный материал?

Выдвинута точка зрения, что Атлантида Севера сгинула в результате каких-то сокрушительных природных катаклизмов. Скорее всего, она вместе с несметными сокровищами, которыми будто бы располагали ее жители, исчезла с резким похолоданием, наступившим на Земле. Ее задавили надвинувшиеся льды, а уцелевшее население в поисках более теплого климата снялось с насыщенного места.

Сегодня популярны околонучные спекуляции, распространяющие культуру легендарной Гипербореи и на северные территории современной России, включая Ленинградскую область, и на южные (Причерноморье), и на другие большие регионы и малые географические точки. Эта тенденция находит понимание и поддержку хотя бы по одной простой причине: мифы о великом прошлом, о сверхдержаве глухой древности, будто бы вершившей судьбы мира, будоражат воображение, льстят национальному самолюбию, греют сердце, напоминая, что имперский размах был свойствен не только России XVIII — начала

XX века и СССР, но и их далекой предшественнице Гиперборее, лежавшей главным образом в границах нынешней РФ.

Другими словами, нашлись россияне, которые, если цитировать Карамзина, предъявили права на честь и славу быть потомками гиперборейцев и заявили, что адрес этой легендарной страны вполне определен, сомнений не вызывает, и они знают, где искать ее следы.

В пользу реального существования могущественной Атлантиды Севера косвенно свидетельствуют некоторые материальные, но не нашедшие пока внятного и исчерпывающего научного объяснения памятники: неплохо сохранившиеся искусственно созданные валы, фундаментальные сооружения, остатки монолитных стен, монументальные изваяния и обелиски, а также бесчисленные характерные для архаики произведения искусства, известные как менгиры и дольмены — вертикальные столбы и горизонтальные кладки из камней и плит.

Все это даже порознь производит сильное и серьезное впечатление, а собранное вместе и предъявленное во всем разнообразии средств новейшего позиционирования наглядности конечно же беспроблемно работает на громкую сенсацию, будь это гипотеза о пришельцах или версия о чудесной Гиперборее.

Официальная историческая наука реальность Гиперборейи, как и Атлантиды, не признает. Но есть энтузиасты и любители, которые, вдохно-

венно фантазируя, вписывают в древнейший пейзаж человеческой истории и упоминаемых античными авторами карликов, великанов, амазонок и прочих сказочных существ. Почему же нужно игнорировать атлантов с гиперборейцами, тем более что последние, если очень захотеть и привести необходимые доказательства, предстанут как наши возможные первопредки, а сама таинственная Гиперборея — как наша полярная прародина?

Люди и божества

Пантеон славянских божеств состоит примерно из десяти особо значимых культовых фигур и множества второстепенных. Порожденные страхом перед голодом, дикими зверями, болезнями, но прежде всего — смертью, они наделялись людьми могуществом и волей, которые определяли судьбы всего живого и мертвого. Славяне обожествляли силы природы, верили, что не только зверь, растение, но и огонь, вода, камень, глина обладают тайными свойствами, способными влиять на ход вещей, приносить везение или неудачу.

Прослеживается целая иерархия славянских божеств, но она не была универсальной. При всей общности западно-, южно- и восточнославянские племена относили к своим высшим и низшим чудесным покровителям не одни и те же

сверхсущества, хотя имена у них могли быть очень схожие или даже одинаковые.

Скажем, культ Перуна — бога грозы — присутствует во всей славянской мифологии, но если в языческой Руси он почитается как самый главный и «авторитетный», то в иных славянских землях его место принадлежало другим божествам, а громовержец всего лишь входил в их первую десятку. Так, у западных славян верховным «богом богов» был Святовит, обеспечивавший победу в войне и одновременно считавшийся защитником полей.

Язычество, или, по-научному, политеизм (многобожие), — это целый сонм располагающих запредельными в глазах человека возможностями властителей неба, земли, ее недр, водной и воздушной стихий...

Сферы влияния и зоны приложения сил были разделены между древнеславянскими божествами на современный взгляд неравномерно, даже хаотично. То и дело бросается в глаза, что функции бога солнца у восточных славян выполняют и Сварог, и Дажьбог, и Ярило, а у балтийских, например, помимо Святовита, исход войны зависит также от Руевита, Поревита и Яровита.

Но нельзя подходить к архаичной картине мира с сегодняшними мерками и пытаться ее структурировать с позиций новейших знаний или хотя бы элементарной логики. С нашей точки зрения, названные выше божества дублируют друг друга. В действительности же каждое из них делает то,

В. Прушковский. Русалки. 1877

что не до конца под силу другому. Если Дажьбог «заведует» солнцем вообще, то Сварог и Ярило в чем-то ему помогают, в чем-то дополняют его. Первый отвечал за небесный огонь и открывал, расчищал небесный покров для дневного светила,

а в «компетенции» второго была забота о том, чтобы летом солнечный жар был сильнее и даруемое сверху тепло обернулось на земле хорошим урожаем.

Та же широкая «специализация» касается и божеств, ведавших войной и миром, жизнью и смертью, радостью и горем. Язычники-славяне, апеллируя к своим всемогущим ирреальным патронам, не пренебрегали оттенками и нюансами. Буквально на каждую житейскую малость и мелочь обязательно находился ответственный заступник — соответствующий персонаж богатой мифологии древности. И точно так же ни один чих, по первобытным представлениям, не обходился без вмешательства извне. Даже волос с головы не мог упасть просто так и сам по себе — все зависело от благорасположения или, напротив, от злобных проявлений потусторонних властителей мира, которые и определяли течение жизни, принося в нее то хорошее, то плохое.

Для поддержания необходимого погодного баланса и оптимального чередования солнечных и дождливых дней, залога нормального земледелия, требовалась поддержка целого ансамбля могущественных покровителей славян, и они, дабы их задобрить, приносили жертвы каждому из повелителей стихий. Эти дары дифференцировались: кому-то было достаточно зерна, злаков, плодов и ягод, а ради наиболее сильных и грозных божеств вроде Перуна или Святовита

как минимум резали петуха, но по большим праздникам и в особо важных случаях умерщвляли козла, быка, медведя. Бывало, что на заклятие шли и люди. Как правило, это были пленники-иноверцы, не чтившие языческих богов (например, христиане), или чем-то сильно провинившиеся соплеменники. Интересно, что в качестве искупительной жертвы в некоторых средневековых источниках (в том числе русских летописях) упоминаются «проштрафившиеся» жрецы. На них возлагалась миссия обращаться к соответствующим божествам и вызывать в нужное для земледельческого цикла время дождь. Если долгожданная влага не проливалась с небес и продолжала свирепствовать засуха, волхвы, как нерадивые «делатели дождя», держали перед родом-племенем ответ, и именно их, чтобы умиловить разгневанных богов, принимали решение принести им в жертву. Случалось такое нечасто. Какие бы рассказы ни распространяли о славянах германские и прочие хронисты, человеческие жертвоприношения были, конечно, исключением, а не правилом. И дело здесь даже не в гуманизме — понятии, совершенно чуждом людям языческой эпохи, а в чисто практическом подходе славян. Окропить человеческой кровью подножие идола труда не составляло, но никакой другой пользы от этого ритуала не было. Между тем славянам был свойствен архаичный прагматизм. Они не допускали, чтобы мясо жертвенных животных доставалось

стервятникам или шакалам, и, славя божество, съедали бычью или медвежью тушу сами, убежденные к тому же в том, что к ним перейдут сила и выносливость пошедшего на общую трапезу зверя. Поскольку даже самые лютые недруги славян каннибализма среди них не отмечают, естественно предположить, что они предпочитали жертвоприношение не людей, а животных, что давало возможность, воздав должное соответствующему божеству, потом без помех предаться веселому пиршеству.

Деление на «старших» и «младших» богов, очевидно, в той или иной мере повторяло отношения, которые сложились внутри славянской родовой общины, где тоже выделялись родовладыки, вожди и старейшины, жрецы и воины, а пленники, если не годились в заложники для получения хорошего выкупа, были (у западных и южных славян) на положении рабов. Причем наблюдалась тенденция постепенного сокращения многобожия, шедшая параллельно со свертыванием древней демократии, предусматривавшей равенство людей внутри того или иного племени.

Но если исходить из разноуровневой и многоступенчатой модели славянского олимпа и переносить ее на социальную структуру больших и малых сообществ праславян, получается, что равенство между сородичами и соплеменниками было не таким уж полным и безусловным, как это принято считать.

Сложная субординация между языческими бо- жествами дополняется не менее разветвленной как по горизонтали, так и по вертикали расста- новкой ролей и мест в следующем ярусе древней мифологии, куда фантазия протославян разме- стила так называемых духов. Их возможности по сравнению с богами невелики, но они тоже ак- тивно взаимодействуют с человеком, так или ина- че влияя на него, когда приходя на помощь и за- ступаясь, когда посылая порчу.

В сказках, легендах, былинах, в фольклоре ма- лых форм (приговоры, заговоры, пословицы и т. п.) присутствует весьма представительный де- монологический (от слова «демон» — злой дух) ряд потусторонних персонажей, выстроенный в большой степени по образу и подобию вышесто- ящих богов.

Культовые атрибуты славянского языческого бога — посвященные ему храм, святилище или капище, то есть место, где установлен его идол и где время от времени приносятся жертвы. Черто- ги бога могли быть в виде крытого и защищенного стенами и земляными валами строения. Сохрани- лось описание храма Святовита, крыша которого держится на четырех столбах-колоннах, стены сложены из вертикальных плит, а дверь украшена резным орнаментом и завешана темными полот- нищами.

Были и храмы под открытым небом. Их обычно и называют святилищами и капищами. Это пло- щадки с плотно утоптанной, утрамбованной зем-

лей, окруженные густой растительностью, колючими кустарниками и деревьями, и с деревянным или каменным истуканом посередине и жертвенником подле него.

На духов, в отличие от богов, привилегия на храмостроительство в честь них не распространялась, но в остальном они вполне самодостаточны и тоже окружены целой свитой помощников и подручных, которые «ассистируют» им, поддерживая приоритетное право на ту или иную территорию. Так, например, в услужении водяного, духа рек и озер, и его жена — водяница, и целый штат сородичей типа ичетика и всякой речной мелкоты вроде камышовых русалок — лобастов — или коварных, заманивающих в омут дев — бродниц. Хозяин леса леший командует маленькими, серенькими, похожими на ежей существами — лесавками во главе с их предводителем листином, а еще его слушаются все лесное зверье от мала до велика.

Мифы мифами, фантазии фантазиями, но не могли же язычники-славяне конструировать сказочный мир богов и демонов из ничего, просто из головы, монтируя его как придется, как почудится или привидится во сне? Должны же они были на что-то опираться, что-то воспроизводить и копировать?

Речь не идет о полном соответствии фольклорного и исторического, и тем не менее вряд ли верно исключать, что какие-то реалии не проступают сквозь произвольную игру воображения.

Если даже в мифологии боги и духи поделили между собой все жизненное пространство, не значит ли это, что и среда обитания славян, и все, чем они располагали, были не совсем в равном пользовании? И не вытекает ли тогда отсюда, что и социально-имущественное равенство было у них далеко не поголовным, ровным и тотальным?

Вопросы заданы, но ответы на них за отсутствием предметного материала в источниках, крайне ограниченным кругом которых располагают историки, пока не даны.

Дети природы

Селение раскинулось в центре широкой, совершенно круглой поляны, к которой по краям почти вплотную подступил лес. Большую площадь, где не росло ни травинки, окружали полуземлянки с соломенными крышами — жилища, похожие не столько на дома, сколько на норы.

В поселке царит оживление. Из леса возвращаются женщины с тяжелыми заплечными корзинами, полными плодов, семян, клубней, съедобных корней. Появляются двое мужчин-охотников с уже освежеванной тушей лани. Лес, как и река, настоящие кормильцы, и все, что недодает поле, чего мало и не хватает на всех в хозяйстве древних земледельцев и скотоводов, люди добывают среди дикой природы.

В редком учебнике истории не упомянуто о том, что славяне занимались бортничеством, то есть добычей меда диких пчел. Но что за этим стоит? Рой насекомых, перерабатывающих цветочные соки в мед, иногда гнезвился в таких дупляках, что добираться туда приходилось мучительно долго, протискиваясь через поваленные стволы, минуя старые замшелые пни, извилистые корни, большие камни, смолистые ветки, подтопленные заросли, острые как нож листья. Но дойти до нужного места — полдела. Предстояло еще вскарабкаться на огромное дерево, продаться между ветвями не боясь гнева пчелиной семьи и преодолевая боль от укусов. Ведь, чтобы достать несколько сладких восковых лепешек, нужно просунуть руку в дупло, в самую середину роя, и извлечь наполненные янтарным соком соты, несмотря на грозно гудящих и со всех сторон разящих своими беспощадными жалами насекомых.

Лес — это мощный, всепоглощающий мир. Это замкнутая вселенная, со своим ритмом жизни, своими правилами, своими обитателями — тысячами видов растений и животных. И еще примерно столько же, если не больше, было создано фантазией славян, «заселивших» непроходимые чащи, опушки, поляны всякими духами и нечистью.

Каждому мужчине из славянского племени приходилось добиваться расположения Ипабога — покровителя охоты. По преданию, он сам

М. Врубель. Пан. 1899.
Третьяковская галерея, Москва

заядлый охотник и благоволит к тем, кто бьет зверя в сезон и не из удали и забавы, а единственно ради пропитания и нужды. Если человек во владениях Ипабога ведет себя негоже, не уважает лесных законов, не щадит стельную

самку, убивает звериную молодь, не будет такому удачи и несдобровать ему при встрече с медведем или вепрем. А то и просто напрасно проплутает до сумерек и вернется с пустыми руками.

Кто же держит себя правильно, охотится с умом, знает толк в повадках животных, того Ипа-бог привечает и открывает ему лесные кладовые и сокровища — только успевай забирать. Иногда и далеко ходить не надо, но чаще все же путь за хорошей добычей неблизкий.

Охота — не прогулка. Бывалый следопыт зорко всматривается, чутко вслушивается в лес, чует все его запахи, слышит малейшие шорохи. Ни одна мелочь не укроется от него. Ни источенные червями пни, ни рухнувшие деревья, ни запахи бьющей через край жизни. Не сразу и не всем ведомо, что лес обитаем. И правда, сколько долго порой нужно преодолевать мхи и болота, чередующиеся с полянами и лужайками, прежде чем взять первый трофей — жирного зазевавшегося зайца.

Сквозь густые кроны и замысловатый растительный орнамент солнце едва пробивается. От его брызг буйная масса листьев и трав словно пробуждается и как бы подставляет под горячие лучи и струи свое жаждущее тепла и света зеленое естество. И тогда лес превращается в диковинный питомник, где все растет, цветет, плодоносит так неудержимо, так торопливо, что кажется, будто это видно и слышно.

Среди некоторых славянских племен были настоящие лесные люди, дети природы. Даже в самой густой, непроходимой чаще они чувствовали себя как в привычной обстановке и безбоязненно шли под высокими стволами, гигантским кружевом листвы. Их не обманывала внешняя пустыньность леса. Они знали, что это лишь видимость, обманчивое впечатление и что каждый вершок почвы здесь кем-нибудь заселен и, если присмотреться, то повсюду копошатся, снуют, возятся, сталкиваются друг с другом всевозможные живые существа.

Вот прогалина, образовавшаяся при падении могучего дерева. Она служит пристанищем для диких свиней, а в непролазном подлеске, заплетенном вьющимися и стелющимися ветвями, притаились чуткие олени. Чуть слышно звенит тетива, свистя, рассекает воздух пущенная из тугого лука стрела, потом звук уходит в сторону, слабеет, уплывает. Значит, промах, выстрел мимо цели. Что ж, на этот раз не повезло, охота есть охота.

Потревоженные человеком птицы подняли невообразимый гвалт снизу доверху, по самый лесной свод. Может, это вмешались незримо присутствующие повсюду обитатели лесного царства — духи? Ведь они, как считали праславяне, таинственным образом связаны со всякой живностью, что здесь водится, и защищают ее.

По разумению древних, звери — существа, по меньшей мере равные людям, их надо бояться и

уважать, потому что они якобы способны испытывать неведомые человеку ощущения и не всегда знаешь, чего от них ждать. А уж такие злые духи, как див, скрывающиеся на вершинах деревьев, и вовсе обладают непостижимой властью, несут страх и смерть. Очень они опасны, от них только и жди беды, и, если начинал тот же див строить свои козни, какая уж тут охота — надо ноги уносить!

Леший, див, Баба-яга, большеголовый старичок боли-башка, который если пристанет с разговорами, пропадешь, — все эти сказочные лесные персонажи некогда были для славян неотъемлемой частью их мира, их жизни, такой же, как деревья, крики птиц или собственные тревоги.

Точно так же и любое другое жизненное пространство — река, озеро, заводь, небо, степь, поле, сам дом — было наполнено сверхъестественными существами, порожденными воображением язычников, поклонявшихся силам природы, веривших в заговоры, белую и черную магию, колдовство и ведовство.

Жестокие на войне, в мирной жизни славяне, по свидетельству большинства побывавших у них иноземцев, отличались природным добродушием, простотой нравов, дружелюбием и редким гостеприимством. Хитрость и лукавство они прибегали для полей сражений. При военных столкновениях славяне были мастера использовать преимущества местности: биться в ущельях, скрываться в траве. Их выигрышными тактиче-

скими приемами при вступлении в бой были незапность, быстрота и отсутствие строя. Они наступали не стеной, не сомкнутыми рядами, как противник, а рассеянной толпой. Оружием им служили мечи, дротики, стрелы с пропитанными ядом наконечниками, а защищались они большими тяжелыми щитами.

«Моральный облик» древних славян сегодня никак не назовешь образцовым примером для подражания. Потребность в воинах и защитниках диктовала необходимость прежде всего заботиться о пополнении рода за счет мальчиков и давало право матери избавляться от новорожденной дочери, если семейство и без того уже было слишком многочисленным. У славян обычно не было вдов, потому что вдовство приравнивалось к бесчестию. Жены не переживали мужей и после смерти супруга добровольно всходили на траурный костер, чтобы сгореть вместе с трупом умершего.

Почтение к родителям и уважение к старшим не мешали славянам умерщвлять дряхлых, больных, ставших обузой иждивенцев. Впрочем, такое избавление от лишних ртов характерно для всех первобытных народов.

Нормой была кровная месть. За убийство следовало убийство, пролитая кровь обязательно требовала отмщения и расплаты. Обида не прощалась. Долг сына, внука, племянника был рассчитаться с самим убийцей или его родичами за отца, деда, дядю.

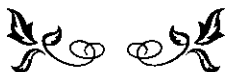
Жить так, как подобает, славянину архаической эпохи, по современным понятиям, — это быть преступником. Тогда же многое из того, что теперь расценивается как чистая уголовщина, было в порядке вещей. Из чего следует, что каждой культуре свое время, свой черед и свое место.

Разумеется, сами славяне вовсе не считали, что у них царят произвол и безначалие. По их представлениям, все было устроено наилучшим образом. Повседневная жизнь регламентировалась определенным сводом правил, строжайшим кодексом поведения. В этой системе разрешений и запретов, заповедей и клятв нужно было ничего не нарушать и неукоснительно придерживаться заведенных обычаев и порядков: ходить только туда, куда дозволено, чтить богов, соблюдать обряды, не якшаться с кем попало, уважать решения общеплеменного собрания — веча и т. п.

Византийских, арабских и других иностранных авторов (это военачальники, купцы, путешественники, дипломаты), оставивших по личным впечатлениям сочинения о славянах, немало что из увиденного удивляет, изумляет, заставляет негодовать или приводит в недоумение. Но, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не ходи. Ведь нередко нападки иностранных очевидцев на славян за их дикость и темноту вызваны элементарным непониманием природы некоторых местных обычаев. Это касается, например, вопроса о чистоте. Заезжие гости никак не могли взять в толк, почему славяне, сами опрят-

ные, не моют своих маленьких детей, и те бегают грязные, с чумазыми мордашками, со спутанными волосами, в которых застрял всякий сор. Недоразумение разъясняется просто. Оказывается, это была традиционная языческая предосторожность, защитная мера против злого умысла и чужого сглаза. Ведь дети беззащитны, и, чтобы скрыть от кровожадных богов, грозных духов, всяких опасных существ и недобрых людей красоту и чистоту ребятишек, не дать повода для зависти и губительного проявления черных сил, лучше всего, пока мальцы достаточно не выросли и не окрепли, повременить с каждодневной гигиеной — пусть, дабы отвести беду, побудут замарашками.

**ИЗ ГЛУБИНЫ
ВЕКОВ**

Восточнославянские древности хорошо прослеживаются по главному кладезю сведений о Руси изначальной — сводной летописи под названием Повесть временных лет, а также по многочисленным археологическим материалам.

Появление на карте мира первых поселений восточных славян связано с легендами, преданиями, невероятными, похожими на сказки историями. Но такими же небылицами и фантастическими повествованиями расцвечен исторический дебют самых разных народов, в том числе и южных и западных славян — собратьев восточных.

Самый длительный период в истории нашего Отечества — первобытный. Родо-племенные отношения сохраняются у восточных славян вплоть до эпохи раннего Средневековья. Примерно в VI веке начинается складывание государственных образований, которые условно уже можно назвать Прарусью. Это как бы прабабушка будущей Руси — Древнерусского государства с центрами в Новгороде и Киеве.

М. Микешин, И. Шредер, В. Гартман.
Памятник «Тысячелетие России».
1862. Новгород Великий

Долгое время основу Древней Руси составляли сильные союзы племен во главе с вождями-князьями. Соседями восточных славян были балтские и финно-угорские племена. Главенствующая

прежде родовая община постепенно распадается и уступает место территориальной, где люди связаны уже не родством, а трудовыми отношениями, совместной собственностью на лесные угодья, пастбища, землю под пашню, водоемы. Например, название поляне или древляне указывает не на объединение по признаку кровного родства, а на общее место обитания.

Народное собрание — вече сохраняет свое значение даже с формированием самостоятельных княжеств и утратой прежнего равенства всех членов племени. Но вечевая вольница неотвратимо уходит в прошлое, военные предводители — князья больше не избираются сообща, а получают власть по праву наследования.

Работающие в поле общинники-земледельцы содержат князя с дружиной. Княжества соперничают между собой, более сильные поглощают и подчиняют слабые, и вот на обширном географическом пространстве выделяется мощное Киевское княжество, а соседние восточнославянские территории оказываются зависимыми от него и подпадают под единую систему управления, выплаты дани и несения повинностей.

Ранняя история Руси полна загадок, мифов и крайне противоречивых сведений. Но при всем том из глубины веков отчетливо проступают контуры вполне жизнеспособного государства с развитыми городами, налаженным земледельческим хозяйством, разветвленной торговлей, богатой культурой. Среди русских князей немало выда-

ющихся государственных мужей, блистательных полководцев, талантливых дипломатов. И не случайно к середине XI века Русь — это страна, которая, по словам одного из славных отцов русской церкви митрополита Иллариона, «ведома и слышима во всех концах земли».

Какая она — Древняя Русь? В преломлении и отображении общественной мысли (в том числе исторической) происхождение Руси, ее судьбы и линия развития слишком замутнены идеологическими догмами, политическими штампами, заплевываемыми стереотипами, замшелыми и давно морально устаревшими оценками, легко- или, напротив, тяжеловесными конъюнктурными построениями и версиями, приуроченными к злобе дня. И сквозь все эти шторы Древняя Русь предстает то стерильно славянской, то целиком проистекающей «из варяг», то насквозь «азиатской», прочно ставшей на ноги лишь благодаря опоре на сильные и особо жизнеспособные тюркские этносы от половцев до монголов.

Упорное стремление обрисовать сам акт деторождения Древней Руси в возможно более «чистом виде», без досадных посторонних примесей и чужеродных влияний, превращается порой в навязчивую идею. Но не менее давно и упорно пробивает себе дорогу другая тенденция: показать, что славянство — основное ядро будущей древнерусской народности постоянно было кем-то ведомо, словно ему по определению отказано самостоятельно прокладывать свой путь в истории.

Полемика по поводу того, насколько самобытна Русь, насколько «запятнаны» или «не запятнаны» ее белые славянские одежды от общения с разными племенами и народами, подчас приобретает не только не научный, а попросту во всех отношениях неприличный характер.

Между тем этническая полифония Древней Руси, совместное (пусть не всегда мирное и добрососедское) проживание на ее просторах не только восточных и не только славян вряд ли как-то умаляет и принижает изначальную историю нашего Отечества. Ведь Древняя Русь — это, помимо славян, меря и чудь, югры и черемисы (мари), мордва и мурома, мешеры и буртасы, емь и водь, весь и пермь, а параллельно — скандинавы, греки, степняки Дикого поля.

Что же тут плохого, обидного, оскорбительного? Не изоляция, а активное взаимодействие с мировой семьей народов, включение с ними в культурный диалог — разве это не повод для гордости, для патриотического осознания, что уже под сенью Древней Руси на зачаточных уровне и стадии начал складываться многонациональный народ современной России?

Поляне, древляне и другие

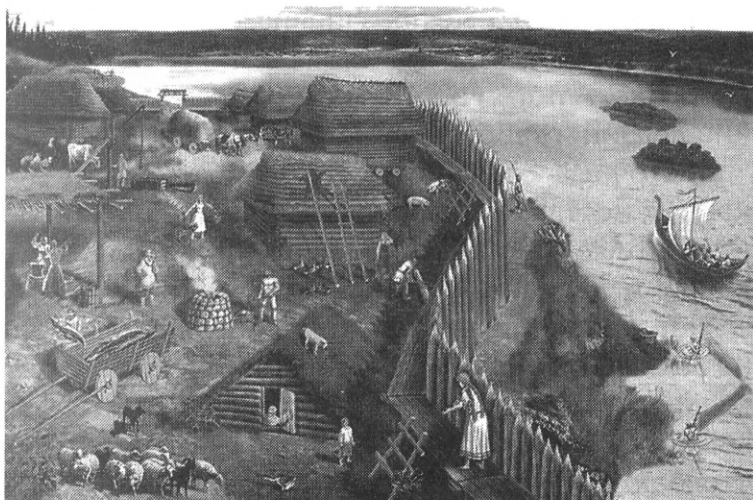
Археологические данные позволяют утверждать, что восточные славяне — предки нынешних русских, украинцев и белорусов — начали обживать-

ся на территории современной Западной Украины и Восточного Приднепровья примерно с V и в VI и VII веках нашей эры, а в верховьях Немана, на берегах Волги и Чудского озера они оседают не раньше IX и на рубеже XI—XII столетий. Местами расселения восточных славян были также земли, прилегающие к Ильмень-озеру, по течению больших и малых рек Восточно-Европейской, или Русской, равнины.

Летописи (описания событий по годам — летам), в том числе составленная в 1112 году монахом Нестором знаменитая Повесть временных лет, сохранили названия крупных восточнославянских племенных объединений и дают возможность проследить примерный географический ареал их расселения: «...славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота... Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славяне и построили город. И назвали его Новгород. А другие сели на Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами». Всего по Повести временных лет известно двенадцать племенных союзов, из которых со временем образовались княжества. Помимо полян, древлян, дреговичей, полочан, ильменских славян, или словен, существовали следующие крупные объединения восточносла-

Славянский поселок

вянских племен: волыняне (они же бужане), хорваты, тиверцы, уличи, радимичи, вятичи и кривичи с ответвлением от них северянами.

Раскопки археологов подтвердили эти летописные сведения и значительно пополнили их и уточнили, дав возможность нанести на карту зоны расселения восточных славян.

Основные занятия полян, древлян и прочих названных выше племен вполне традиционны для всех славян. Это земледелие и скотоводство. Причем первое играет заметно большую роль, чем второе. Жизнь в восточнославянском поселке была простой и не баловала разнообразием. Один день был похож на другой, и почти каждый из них был заполнен напряженным трудом. Но зато какое наступало веселье в редкие, но оттого осо-

бенно долгожданные праздники! Песни чередовались с играми, состязаниями в силе, ловкости, сноровке. А потом опять приходили будни со своими делами и заботами.

Восточные славяне избегали селиться на открытых местах. Жилищем им служили небольшие квадратные землянки, надежно укрытые в лесу кронами деревьев и густым кустарником. Быть может, точнее называть дома восточных славян не землянками, а полуземлянками, поскольку они были углублены в землю не больше чем на метр, крыши над ними крепились на шестах и опорных столбах. Стены были двух типов: бревенчатые и свитые из прутьев, обмазанных глиной. Пол или оставляли земляным, застилая его хвойным лапником, или делали глинобитное покрытие. Помещалась в такой хижине семья не более чем из шести-семи человек. Обогревался дом-землянка сложенным в углу из камней очагом или печью-каменкой. Помимо леса, излюбленным местом расположения восточнославянских деревень были крутые, неприступные берега рек.

Среди древнейшей утвари, обнаруженной во время раскопок учеными, преобладает примитивная керамика — вылепленные вручную, без гончарного круга, из глины с примесью песка изделия в форме горшка с расширяющимися к вершине выступами и вертикальными насечками. То ли в ритуальных целях, то ли для придания крепости в состав керамики входили также раздавленные части насекомых. К посуде более позднего вре-

мени (VIII—IX вв.) относятся сосуды из глины, изготовленные уже на гончарном круге и украшенные резьбой или волнистыми линиями, нанесенными словно гребнем. Примерно тогда же в обиходе появляются круглые бронзовые тарелки, а из орудий труда — железные резак, серпы, лемехи, ножи для плугов, долота, топоры, наконечники для бороны и копий. Из металлических предметов археологами найдены пряжки от ремней, пастовые бусины, браслеты, серьги, перстни, брошки, а также характерные женские украшения, известные как височные кольца, которыми славянки пользовались как заколками для того, чтобы красиво уложить волосы. Интересно, что у каждого восточнославянского племени была своя форма височных колец: в виде спирали, незамкнутого круга с изогнутыми концами, трилистников, причудливых цветков на пышном стебле, солнечного диска с расходящимися лучами, изделий из витой жгутом проволоки или тонких металлических пластин с кручеными подвесками и т. д. По этим отличиям ученые устанавливают, где какое племя обитало.

Община, которой жили восточные славяне, была не родовой, а территориальной. Это значит, что она представляла собой объединение на общей территории малых семей, занятых коллективным трудом.

Расчистка подходящих земель под поле и пастбище требовала групповых усилий. Но, помимо борьбы с природой, восточным славянам прихо-

дилось отстаивать право на место под солнцем, отбиваясь от агрессивных соседей. Подчас враг был столь многочислен и силен, что одолеть его можно было, лишь пустившись на какую-то хитрость. Потому-то и в свои вожди на общем собрании племени — вече выбирали тех, кто обладал не только большим жизненным опытом, но и изворотливым умом и знал, как в случае опасности защитить соплеменников, сохранить скarb и домашнюю живность. При набегах чужеземцев восточные славяне показывали буквально чудеса маскировки. Они становились практически невидимы, делая себе простейший камуфляж из ветвей и трав и сливаясь таким образом с листвой деревьев. Пока женщины, дети и старики прятались в лесах, мужчины, искусно изображая паническое бегство, заманивали врага в ближайшее болото или заставляли при преследовании ступить на покрытые дерном жерди — зыбкий настил над глубоким оврагом с острыми кольями на самом дне. Попав в такие ловушки, враги находили там неминуемую смерть.

Восточные славяне были язычниками. Волхвы или жрецы как посредники между грозными божествами и людьми обладали немалой властью. Их боялись и почитали, потому что верили, что от них зависит и жизнь племени, и судьба отдельного человека. Ведь они, по общему мнению, могут влиять на все происходящее, нести одним добро, другим зло, вызывать дождь и насылать засуху. Конечно, все это они творят не сами, а взывая то

к могучему громовержцу Перуну, то к повелителю неба и огня Сварогу и его сыну Дажьдбогу, во власти которого находится солнце, то к Велесу — покровителю домашних животных и скота.

Идолов — вырезанные из дерева или высеченные из камня фигуры этих божеств — выставляли на видном месте и приносили им в жертву животных, птиц, а иногда и людей. Особенно щедрые подношения делались, если у племени возникали какие-то серьезные трудности и нужно было задобрить всемогущих богов, ведающих силами природы, и добиться от них помощи. Если боги оставались глухи к просьбам и мольбам людей, это расценивалось как плохой знак. И тогда начинался поиск виновных, то есть тех, кто мог чем-то прогневать, рассердить носителей высших сил. Бывало и так, что все старания угодить богам оказывались напрасными, и тогда славяне в сердцах ругали своих идолов, пинали их, дружно оплевывали, колотили по ним палками, тем самым желая «наказать» за отсутствие помощи. Потом, правда, если что-то менялось к лучшему, являлись к истуканам с дарами, плакали и раскаивались, осыпая ударами и затрещинами самих себя и друг друга, униженно просили прощения.

Подобно диким зверям, восточные славяне умели «видеть» и «слышать» носом. Не слишком хорошо различая цвета, они зато прекрасно чувствовали запахи и могли издали как бы считывать информацию из воздуха — например, учуять приближение чужого человека или хищного живот-

ного. Им были известны секреты целебных трав и корней. С их помощью они лечили себя от разных болезней, останавливали кровь, снимали зубную боль, изгоняли простуду. Кроме того, каждый из них был немножко магом и, используя возможности своего биополя, помогал и сам себе, и ближнему.

До сих пор, когда в лесу кукует кукушка, русский человек механически задает ей вопрос, сколько еще лет будет он жить, причем особо не задумывается, почему это делает. Если разобратся, птиц в лесу много. Отчего же принято адресоваться, как к пророчице-весталке, именно к кукушке, у которой, кстати, в царстве пернатых не самая безупречная репутация? Ведь она плохая и легкомысленная мать, ибо ленится высидить птенцов, предпочитая подкидывать свои яйца в чужие гнезда. Куда большего доверия заслуживает, например, трудолюбивый дятел. Но вот не сложилось так, чтобы по его стуку, точнее, по количеству ударов железного клюва этой неутомимой птицы определялось бы человеческое долголетие. В чем же причина того, что в качестве предсказательницы выбор пал на кукушку? А дело в том, что этот древний обычай пришел от далеких предков, в давние-предавние времена считавших, что с наступлением весны в кукушку превращается родоначальник всего живого — славянский бог Род. От него, по языческим поверьям, зависело и пополнение семьи, и длительность жизни людей.

О почитании Перуна сегодня напоминает суеверная привычка некоторых людей три раза стучать по дереву, дабы не испугнуть удачу. Когда-то во избежание сглаза стучали не по всякому дереву, а лишь по дубу, потому что этот лесной исполин был напрямую связан со славянским Зевсом Перуном — повелителем грома и молний, грозы и дождя, града и снега. Заметив, что именно в дубовое дерево чаще всего попадают молнии — Перуновы стрелы, люди стали высаживать в честь главного божества священные дубовые рощи и устраивать святилища, где неподалеку от идола-громовержца, представлявшего собой стоящую на железных ногах вырезанную из дерева статую с серебряной головой, бородой и усами из золота, горел неугасимый огонь. Кстати, вечный огонь в память о павших воинах — традиция, берущая начало именно из тех времен. Перуну приносили кровавые жертвы: птиц, домашних животных, а бывало, и человека. Так, существовало правило: каждого сотого пленного из вражеского племени закалывали мечом и обагрjali кровью убитого железные ноги деревянного истукана.

Язычество живет и в современном русском языке. Имя Лихо — одного из персонажей славянской мифологии — огромной, безобразной и очень сильной одноглазой великанши, отвращающей людей от добрых дел, превращающей их жизнь в невыносимое хождение по мукам, а то и не останавливающейся перед людоедством, стало нарицательным, синонимом слов «беда»,

«горе», «несчастье». Языческого происхождения глагол «чураться». Это значит боязливо чего-нибудь избегать, уклоняться от общения с кем-либо. Чур (Цур или Щур) — языческий бог семьи, домашнего очага, в которого переселилась душа умершего родственника, предка. Славяне верили, что чуры заботятся о своих близких, людях одной с ними крови. Для того чтобы чур пришел на помощь человеку, с которым его связывали кровные узы, нужно было обратиться к нему со словами: «Чур меня!», то есть «Защити меня, предок!». Когда люди произносили «чур», они ограждали себя от чего-то плохого, от неприятностей, от возможной опасности, хвори, от того, что угрожало их жизни.

Из времен архаики берет свое начало и так называемая обценная лексика — сквернословие, особо грубая брань, известные как мат, то есть неприлично-гнусные выражения с упоминанием слова «мать».

Однако если сегодня эти ругательства однозначно воспринимаются как грязные оскорбления, обидные для человека, унижающие его достоинство, то у древних славян они были речевыми явлениями иного порядка и выполняли охранительную функцию заклятий, оберег, были призваны защитить от бесплодия, обеспечить продолжение рода. И, если разобраться, все слова из ряда тех, что в наше время относят к нецензурным и непечатным, когда-то давным-давно были ритуальными формулами, подобающими

тому или иному случаю. Так, была в ходу свадебная брань — залог того, что у молодоженов родится здоровое потомство, а ратная ругань преследовала цель обезопасить, отвести от себя беду и посрамить врага.

За пресловутым матом наши далекие предки не то что имели в виду нечто невинное, безобидное и произносившееся без всяких ограничений, но они и не вкладывали в него теперешний сугубо непристойный смысл. Таинство сотворения жизни, по их представлениям, нуждалось в особых восклицаниях, выполнявших сакрально-магическую роль в детородной сфере. Эти заклятия выкрикивались громким голосом, или благим матом, что, кстати, навело некоторых филологов на мысль выводить слово «мат» также и из этой основы.

В обценной лексике все так или иначе сводится к мужскому и женскому началам и вертится вокруг главного и осевого, из чего завязывается и слагается новая жизнь. И в общем-то в эпоху архаики в мате не было ничего предосудительного или порочного, но после крещения Руси он как бы уходит в подполье. Ведь все языческое отныне осуждается как нечистое, поганое. Однако прежние заклятия как крепкий и надежный приворот на зачатие отнюдь не вышли из употребления — только постепенно приобрели совсем иную окраску, попали в разряд стыдных, непотребных, запретных слов и выражений, какими раньше вовсе не были.

Соперник Перуна

По представлениям язычников-славян, Перун не только повелевал громом и молниями, но и был богом войны. Вот почему он считался и покровителем дружины, и как бы личным патроном ее предводителя — князя. Этот владыка небесный был первым и главным среди восточнославянских богов, пока у него не появился соперник — Велес.

Из древней мифологии нелегко понять, что меж собой не поделили два могущественных божества. Ведь у них были совершенно разные «сферы влияния». Велес почитался русами как бог богатства, скота и охоты и еще «по совместительству» был восточнославянским Аполлоном — опекуном всех творцов, сочинителей песнопений, сказов, умелых мастеров и т. п. Люди, наделенные тем или иным талантом, воспринимались как бы отмеченными Велесом.

То, чего Перун достигал силой и оружием, Велес добивался с помощью хитрости и золота. Понятно, почему именем Перуна обычно клялись князья и княжеские дружинники, а купцы и прочие торговые люди давали клятву, призывая в свидетели Велеса.

По какой-то неведомой причине громовержец рассердился на «скотьега бога» и обрушил на него бесчисленное число своих смертоносных стрел. Тот, спасаясь, вынужден был превращаться то в камень, то в дерево, то в животное, то в змея, то в

Богиня плодородия — Мокошь

воду. Наконец Перун нагнал страха на соперника, одержал победу, в ознаменование чего на землю пролился плодородный дождь.

Что собой олицетворяет этот поединок, какие исторические мотивы отражает, можно только предполагать. Допустимо, что здесь нашли воплощение обострившиеся противоречия между дву-

мя реальными силами — власть предержавших в лице князя и его военного окружения и имущественно состоятельным коммерческим слоем общества, особенно его верхушкой. Тогдашняя «бизнес-элита» не без успеха преследовала и пыталась отстаивать свои интересы при княжеском дворе.

Конечно, рискованно переносить эпизоды из мифологии в жизнь и примеривать их к известным событиям и фактам. Но в Новгороде, например, боярство, состоявшее в основном из местных оборотистых купцов, в значительной мере подчинило себе и князя, и его людей, предопределяло решения веча, вмешивалось во внутреннюю и внешнюю политику и, можно сказать, основательно контролировало ситуацию на северо-западе Руси.

Но есть и другое толкование фольклорного сюжета, которое на современный лад условно можно обозначить популярным теперь уже не только у французов крылатым выражением *cherchez la femme* — «ищите женщину».

Похоже, что возможная причина конфликта Перуна и Велеса — их борьба за благосклонность богини дождя, покровительницы мелкого домашнего скота (овцы и козы), патронессы женских работ (прядение и ткачество), охранительницы дома и домашнего благополучия по имени Мокошь. Она — единственное женское божество восточнославянского пантеона, удостоенное собственного идола. То есть Мокошь входила в из-

бранный круг ВИП-персон, кумиры (статуи) которых в языческом Киеве располагались на вершине холма — отдаленном аналоге Олимпа в древней Элладе.

И еще Мокошь — богиня плодородия и мать урожаев.

Исходя из мотивов восточнославянских мифов, правомерно заключить, что Перун имел на нее виды, но не преуспел, потому что его опередил Велес, женой или возлюбленной которого она стала вопреки воле громовержца.

Эту богиню-кормилицу изображали с коровьей головой на человеческом теле. Видимо, традиционный для славянок женский головной убор в виде двух рогов — кика обязан своим происхождением именно облику Мокоши.

Известно написание Макошь, где гласная «а» и слог «ма» дают основания лингвистам выводить это слово из общих для индоевропейских языков корней и объяснять его как мать счастливого жребия, богиня удачи, судьбы, восточнославянская Фортуна.

Созвучность имени богини древнеславянскому понятию «мокос» (пряжа, клубок с нитями) символизирует не только ткачество, но и плетение судеб, козней, интриг. Отсюда неизменные подручные пряжи — пауки, искусные мастера плести ловчие сети, путать и запутывать, заманивать в силки.

Изображение Мокоши в образе неолитической Венеры, с рогом изобилия и между двух стельных

лосих, позволяет ассоциировать ее с богиней-матерью, с матерью сырой землей и с рожаницами, воплощавшими изобилие, женскую силу и плодородие.

Власть Мокоши велика. Она — властительница дикой природы, богиня колдовства и хозяйка перехода из земного мира в иной, потусторонний. В ее руках нити человеческих судеб, от нее зависят счастье и согласие в семье. Она сурова, требовательна, непреклонна, и тот, кто с ней не считается, рискует сильно поплатиться за своеволие, ибо ее главные помощницы — Доля и Недоля, прядущие вместе с ней судьбы людские, — вплетут кому-то в жизнь добрые, а кому-то злые нити.

Перенос на Мокошь черт древнегреческой Афродиты, скандинавской Фрейи, финикийской Астарты или вавилонской Иштар, олицетворяющих плотскую любовь, красоту и плодородие, не представляется ни натяжкой, ни чем-то произвольным, ибо отображает в мифологии разных народов важнейшую роль женского начала, его привлекательность, притягательность, креативность. И плюс к тому все эти богини выступают подательницами и носительницами как жизни, так и смерти.

В восточнославянской мифологии Мокошь наделена изрядными чародейными силами, и некоторые фольклористы предполагают, что, со временем утратив свое приоритетное место в иерархии языческих божеств, она перевоплотилась в Бабу-ягу.

Победа Перуна над Велесом не была полным триумфом громовержца, так как если они схлестнулись из-за Мокоши, верховному восточнославянскому божеству так и не удалось отбить ее у соперника, что показывает: возможности этого властелина были не беспредельны и, в чем-то торжествуя и добиваясь преимущества, в другом он был вынужден уступать таким менее сильным, но более изворотливым противникам, как, например, «скотий бог» Велес.

Деревянный идол Велеса был не менее распространен у восточных славян, чем истукан в честь Перуна, но, как именно выглядел, что собой представлял, сейчас неизвестно. Ставился он, как правило, в низинах или на ровных местах.

По преданию, на земле Велес изредка показывался в образе того или иного животного (есть, например, сведения о змеевидном обличье, которое он любил принимать), а его небесные чертоги (владения) — «звериные» созвездия — Большая и Малая Медведицы и другие.

Как следует из мифов, Велес претерпевает довольно сложные метаморфозы, по-видимому параллельные динамике общественного развития восточных славян: сначала он — божество, которое как бы стоит над лешими, и в его ведении находится все лесное зверье; затем Велес «востребован» как покровитель скота; позднее — как бог богатства и золотого тельца. Наиболее контрастные его трансформации — это образ «чахнувшего над золотом» заядлого женолюбца и похитителя мо-

лодых красавиц Кошея Бессмертного и уже христианская ипостась святого Власия, к которому апеллируют, прося защиты от сглаза, порчи и падежа домашних животных.

Видный отечественный историк и археолог XX века академик Борис Александрович Рыбаков пришел к выводу, что в Велеса вселялся дух убитого медведя. Поскольку косолапый считался у восточных славян священным зверем, убить его означало навлечь на себя и сородичей беду. Поэтому, умертвив медведя, русы непременно просили у него прощения и, дабы задобрить, спешили принести искупительную жертву. В то же время, в отличие от почитающих корову индусов, которым древняя религия строго запрещает есть говядину, русичи в исключительных случаях отваживались отведать кусочек-другой медвежатины, причем делали это не для утоления голода, а в ритуальных целях, надеясь таким образом перенять силу могучего зверя. Кроме того, с медведем были связаны представления о быстром и чудесном излечении: съевший его сердце будто бы избавлялся от любых хворей и недугов, а с помощью окуривания медвежьей шерстью изгоняли лихорадку, снимали стресс; отвар из медвежатины, как верили, исцелял от болезней сердца; медвежье сало предохраняло от обморожений, ревматизма, радикулита, прострелов, а намазанное на лоб, укрепляло память. Коготь и шерсть животного оберегали от сглаза и порчи.

Несмотря на то что мяса в медвежьей туше было много — хватило бы накормить не одну семью, ее, так больше и не тронув, предавали земле, совершая погребальный обряд со всеми положенными почестями.

Иногда русы позволяли себе не съесть заветный кусок медвежатины, а отрезать у мертвого зверя голову или лапу, так как, по поверьям, они обладали магическим свойством оберегать домашний скот от болезней и защищать его от хищников. Со временем, правда, такой обычай был искоренен, потому что желание обрести спасительный талисман в нарушение всех заклятий оборачивалось повальным истреблением медведей. Тогда вместо настоящих голов и лап пошли в ход искусственные, выделанные из дерева или бронзы. Их называли «скотьем богом» и помещали в хлеву или на столбе загона с домашними животными.

Истинное имя зверя — бер — вслух не произносили, прибегая к иносказательным обозначениям: медведь, косолапый, мишка, топтыгин и т. д. Однако слово «берлога» все же выдает настоящее имя хозяина ^{берлого} леса, раскладываясь на две составляющие: логово бера.

Восточные славяне почитали бера за силу и находили в этом животном сходство с человеком: он может ходить на задних лапах, есть и мясо, и растительную пищу, любит лакомиться медом (отсюда медведь, или медоед) и малиной. У него чело-вечьи ступни и пальцы, если снять с медведя шку-

ру (освежевать), то он выглядит совсем как человек. Охотники замечали, что и на медведя, и на незнакомых людей собака лает одинаково, не так, как на другие живые существа. Все это послужило причиной особого отношения древних русов к беру. Они считали, что когда-то он был человеком, но потом превратился в зверя. Позднее, уже в христианские времена, медвежий культ не исчез. В косолапом и теперь продолжали находить нечто общее с людьми. Так, его залегание с наступлением зимы в берлогу, когда он практически обходился без пищи, расценивалось как своеобразный пост.

Нет ничего удивительного в том, что популярного «скотьего бога» Велеса славяне постепенно стали чаще всего наделять чертами медведя, и изображение этого божества со временем получило воплощение именно в виде бера.

С медвежьими чарами восточные славяне связывали гарантированное прибавление в семье и приплод у коров, овец, коз, свиней. Народная фантазия допускала брачные союзы между зверем и человеком, идущие во благо потомству, поскольку в результате якобы рождались дети, обладающие редкой богатырской силой. Так, в фольклорных произведениях шестилетний ребенок, полумедведь-получеловек, легко с корнем выворачивал из земли огромный дуб.

Был у восточных славян и жестокий обычай «медвежьей свадьбы»: если косолапый, не находя пропитания в лесу, начинал наведываться в бли-

жайшую деревню и задирали то телку, то барана, то лошадь, суеверные русичи принимали решение умягчить зверя подношением ему пригожей красной девицы, на которую выпадет жребий. Несчастную в наряде невесты отводили к медвежьему логову, накрепко привязывали к дереву и, испросив прощения (дескать, ничего личного), оставляли, чтобы она «ублажила» лютого зверя. Потом на этом месте обычно находили лишь кости, красноречиво свидетельствующие о том, чем кончилась «медвежья свадьба».

С домом и дружиной

Если верить полулегендарным сведениям, содержащимся в Несторовой летописи, восточные славяне и другие племена, жившие по берегам озера Ильмень и по рекам Ловать, Волхов, Мста, Молога, очень страдали из-за того, что их старейшины вступили между собой в острое соперничество. Каждый из них хотел быть первым и главным и не желал уступать другому. Эти междоусобицы и раздоры продолжались так долго и так всем надоели, что было в конце концов решено пригласить на княжение кого-нибудь из соседней Скандинавии. Жившие там норманны, или, как называли их в восточнославянских землях, варяги, славились своей отвагой, воинским искусством, высокой организованностью. Было известно также, что они охот-

В. Васнецов. Варяги. 1909

но нанимаются на службу в другие страны, если она хорошо оплачивается.

Ходила, правда, о скандинавах недобрая, но справедливая молва как о дерзких морских пиратах, сочетавших разбой с торговлей. Они передвигались на крупных парусных судах и весельных лодках и совершали грабительские рейды на приморские и приречные города Европы и Азии.

Шлезвигский историк Харм Паульсен даже считает варягов «изобретателями блицкрига» — молниеносной войны, поскольку они первыми стали практиковать внезапные и жестокие нападения и, применяя эту откровенно бандитскую тактику, разграбили и сожгли Севилью, громили Париж и Гамбург, атаковали Константинополь.

И все же выбор ильменских славян (словен) был сделан в пользу воинственных норманнов. Вероятно, здесь сыграли свою роль давние связи, установившиеся между восточнославянскими племенами и скандинавами. Важной торговой артерией, соединявшей земли славян с богатой и могущественной Византией — великой державой тогдашнего мира, был древний путь «из варяг в греки»: из Балтийского моря в Черное. И обычно надежную охрану купеческих караванов несли наемные варяжские воины. Из летописи можно понять, что вознаграждение за эти услуги они получали данью. Так что ясно, почему после тщетных поисков достойного вождя среди своих соплеменников и соседних народов — еми, води и прочих — словене вместе с дружественными им чудью, весью и кривичами решили отправить посольство именно на берега Балтийского моря, к норманнам. Прибыв на место, послы будто бы сказали варяжским князьям так: «Земля наша велика и богата, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами». Те откликнулись на этот заманчивый призыв, и вскоре скандинавский военный предводитель Рюрик прибыл со своей дружиной в город Новгород и начал там княжить. Произошло это в 862 году.

Вот как случилось, что у истоков будущего государства Новгородско-Киевская Русь оказались варяги. Норманнского происхождения был не только Рюрик, но и следующие за ним князья Олег, Игорь и княгиня Ольга. Их имена звучали

весьма странно для славянского уха, но были вполне обычными в Скандинавии.

Согласно летописной традиции, с Рюриком пришли два его брата — Синеус и Трувор. Однако сегодня большинство историков признают их вымышленными персонажами, появившимися на свет в результате неверного прочтения скандинавской хроники. В ее тексте говорится, что Рюрик прибыл «сине хус трувор». Это было понято как имена собственные: «Синеус» и «Трувор». На самом же деле «сине хус трувор» на древнешведском означает «с домом и дружиной» или, по другой версии, «с верной дружиной».

По-видимому, и самим своим именем Русь обязана варягам. Не все историки и филологи с этим согласны, и все же точка зрения, что слово «русь» пришло из Скандинавии одновременно с Рюриком, имеет немало сторонников. В буквальном переводе с древнешведского «русь» — это «воины-гребцы». И, когда в летописи мы читаем, что Рюрик, приняв приглашение словен и их союзников, отправился к ним, взяв с собой «всю русь», нужно иметь в виду под этим словом военную дружину, которая водным путем, «на веслах», прибыла в землю славян.

Существует и другой взгляд на вещи. Ряд ученых считают, что «русь» — производное от Рось — реки, точнее, сразу нескольких восточноевропейских рек с таким названием. В этом случае иноземное происхождение имени страны исключается.

Есть и еще одно толкование. Сами восточные славяне понимали слово «русь» как «светлая земля». Ведь издавна «русый» означает «светлый».

Сам факт призвания скандинавов из-за моря уже давно оспаривается, поскольку в некоторых летописях Рюрик представлен предводителем наемной варяжской дружины, стоявшей в Ладоге, где в качестве опорного пункта был построен замок, окруженный укреплениями. Тогда получается, что Рюрик и его воины хоть и были норманнами, но уже порядком натурализовались, поскольку долго проживали на берегах Волхова. В литературе (правда, без вызывающих доверие ссылок на источники и научной аргументации) высказывается предположение и о неваряжском происхождении Рюрика. По этой версии его родословная, если брать последнее колено, выглядит так: отец — князь бодричей (ободритов, или рарогов) Годослав, а мать Умила — дочка новгородского князя Гостомысла. Тогда, стало быть, Рюрик вообще не варяг, а наполовину полабский, наполовину восточный славянин (полабские славяне — одно из племен, населявших Северную Германию).

Судя по обнаруженным археологами на территории России скандинавским погребениям с характерными для них предметами (например, амулетами, связанными с культом Тора — почитавшегося в Скандинавии бога-громовержца), в IX—X веках варяги проживали на Руси наряду с местными жителями. Приблизительно в пятидеся-

ти городах России и Киеве найдены следы прежних торговых колоний норманнов (район Новгорода, Старой Ладogi и др.). Интересно, что почти все русские и украинские топонимы (географические названия) вдоль знаменитого пути «из варяг в греки» восходит к шведским и норвежским корням. Таковы, например, названия днепровских порогов.

Стереотипный образ варяжского воина — викинга — бесстрашный и благородный витязь, готовый верой и правдой служить тому, кто его нанял.

Однако такое представление о варягах мало соответствует истине. Как установлено в последних работах британских и французских исследователей, норманнам действительно были присущи доблесть, невероятное мужество, стойкость к лишениям и страданиям, но эти качества отступали на задний план перед беспредельной, неукротимой алчностью. Жажда наживы и вечная погоня за ней и заставляли викингов предпринимать самые опасные походы и пускаться в рискованные авантюры. Смыслом их жизни и главным мерилom ценности было серебро. Они копили его год за годом, устраивая многочисленные тайники и закапывая клады в землю. Арабский путешественник X века пишет о варягах: «Когда один из них накопит 10 тысяч монет, он дарит своей жене кольцо или ожерелье, когда накопит 20 тысяч — дарит второе, и так всю жизнь». Они были богаты, но не пользовались

своим богатством. Владея горами серебра, норманны продолжали жить в убогих, сырых землянках, питаться безвкусной кашей и грубым хлебом с примесью коры, не заботясь ни о своем здоровье, ни о чистоте своего тела.

О самом Рюрике известно, что он, как и подобало настоящему варягу, был очень жаден до денег и жесток. Впрочем, стоит ли этому удивляться? Кто из основателей европейских или азиатских государств отличался кротостью и ангельским нравом?

Культура варягов отнюдь не превосходила культуру восточных славян, власть над которыми они приняли. Землю славян пришельцы из Скандинавии называли Гардарикой — страной городов. У самих варягов городов еще не было, а у славян к середине IX века их было не менее десяти, но в древнейшей летописи упомянуты лишь восемь: Белоозеро, Изборск, Киев, Ладога, Муром, Новгород, Полоцк, Ростов. А в XI веке в Древнерусском государстве насчитывалось уже более ста городов!

Вероятно, слово «Гардарика» — славянского происхождения и образовано на основе слова «град» — «город». Однако скандинавы произносили это непривычное для них слово на свой лад — вот и получилась Гардарика.

Есть версия, что приход варягов-язычников оттеснил на задний план христианство, которое еще в 860-х годах была сделана попытка принять в Киеве в качестве государственной рели-

гии. Когда беспокойный и воинственный варяжский элемент влился в верхушку древнерусского общества, это сразу значительно укрепило позиции язычества, отодвинув в сторону христианство. Тем не менее устойчивая тяга и интерес к христианской вере сохранялись, чему всемерно способствовали связи не только с Византией, но и с Симеоновской (времен царя Симеона: 919—927 годы) Болгарией, откуда Русь по крайней мере столетием ранее крещения при Владимире в 988 году получила изрядную долю того, чем владела эта близкая ей южнославянская страна: богословские сочинения славянских просветителей Кирилла и Мефодия, тексты Священного Писания на церковнославянском языке и другую литературу.

Зерна и плевелы

К концу IX века за землями восточных славян и их соседей от Ильмень-озера до нижнего течения Волги закрепилось название Русь, а за жителями этой обширной географической территории — имя русы или русичи.

При огорчительно малом числе дошедших до нас мифов древних славян, которые частью отложились в народных сказках, былинах, обрядовых песнях, устных легендах или праздничных традициях, неизбежно встает вопрос, насколько заслуживают доверия такие памятники фольклора, как

«Велесова книга», «Книга Коляды», «Перуница», гадательные книги и другие подобные тексты, ранее однозначно или с оговорками объявленные фальшивками и подделками?

Исследователи при вынесении экспертной оценки по поводу подлинности того или иного древнего произведения обычно руководствуются следующим золотым правилом: если существует письменный оригинал, который по всем признакам относится именно к предполагаемой эпохе, значит, есть все основания с высокой долей вероятности утверждать, что памятник настоящий. Когда же тексты сохранились лишь в копиях гораздо более позднего времени, хотя и повествуют о давно минувших событиях, правомерно усомниться в «чистоте» их происхождения. К тому же многие сенсационные находки, подвергнутые даже не слишком тщательному анализу, быстро распознавались как откровенные подлоги.

Однако когда сегодня авторитет серьезной науки значительно упал и подорван, а параллельно пышным цветом расцвели различные наукообразные теории и околонучные и лженаучные «школы», началась безудержная «реабилитация» многих, прежде резонно отвергнутых как более чем сомнительные или просто сфальсифицированные памятники.

Если раньше строго критический подход, разумный скепсис и осторожность авторитетных ученых не давали особо разгуляться квазинауке, то сейчас наблюдается поразительная доверчивость

и странная готовность по самым поверхностным деталям и характеристикам объявлять подлинными явные фальшивки. Другими словами, зерна и плевелы не отделены друг от друга.

Так, например, обстоит дело с пресловутой «Книгой Велеса». Есть версия, что до появления славянской азбуки Кирилла и Мефодия русичи писали рунами, или так называемой влесовицей — по имени языческого божества Велеса. Именно этими древнейшими русскими буквами будто бы и написана в конце IX века новгородскими волхвами «Велесова книга». В ней рассказывается о происхождении славян, их перемещениях, расселении.

Есть публицисты, которые из ложно понятых патриотических соображений не только признают подлинность «Книги Велеса», но и именуют ее священным писанием славян и датируют появление «памятника» самое раннее V и самое позднее IX столетием, хотя уже подобные «хронологические качели» невольно наводят на подозрение, что здесь, мягко говоря, желаемое выдается за действительное и имеет место вольное измышление.

До начала XX века о «Велесовой книге» не было, как говорится, ни слуху ни духу. Она всплыла в смутное для России время в 1919 году. Ее вдруг обнаружили в разграбленной дворянской усадьбе Неклюдовых-Задонских в Курской губернии. находка представляла собой не рукопись, а низанные на шнур 43 деревянные дощечки с письменами. Далее следы «Велесовой книги» ведут в Бельгию, куда она была вывезена спасавши-

мися от революции русскими эмигрантами и где таинственно и бесповоротно затерялась. Правда, сохранились ее копии и фотографии, но без оригинала они идентификации не подлежат, потому что не позволяют установить подлинность первоисточника и определить его точный возраст. Короче, есть причины до обнаружения пропавших дощечек воздержаться от поспешных выводов и уж тем более не делать категоричные широковещательные заявления типа того, что «Велесова книга» — не что иное, как древнерусские веды. Все это по меньшей мере преждевременно и опрометчиво.

Однако если вспомнить историю со знаменитым памятником древнерусской и мировой культуры Словом о полку Игореве, которому очень долго отказывали в статусе подлинника и который и поныне иные считают ловкой стилизацией и мистификацией XVIII века, вероятность того, что когда-нибудь в обозримом будущем древние сочинения, считающиеся сейчас навсегда утраченными, так или иначе напомнят о себе, а возможно, и материализуются во вполне удовлетворительном для квалифицированного опознания состоянии, все же существует. Ведь, по сведениям, которыми располагает современная наука, в Древней Руси до монгольского нашествия (XIII век) было не менее 150 тысяч книг, а до наших дней сохранилось только 190. Причем многие из уцелевших — это лишь фрагменты, повествования без начала, конца и с большими про-

пусками в середине. О тех же, что исчезли в горниле войн, пожаров, мятежей, грабежей, часто нет даже и помину. Неизвестна, например, судьба подлинника древнейшей поэмы родоначальника русской художественной словесности Бояна, созданной задолго до Слова о полку Игореве. Вопрос о том, найдется ли это произведение или его оригинал безвозвратно погиб, остается открытым.

К сожалению, были любители подделывать памятки старины. Так, коллекционер XIX века А.И. Сулакадзев буквально поставил производство мнимых историко-культурных реликвий на поток, из-за чего приобрел репутацию «фабриканта подделок». Искал ли он дешевой славы, или ему нравился сам процесс введения в заблуждение как можно большего круга лиц, сказать трудно, но только он увлеченно работал над лжетекстами и обнародовал «Гимн Бояну», «Перуна и Велеса вещания», «Отповедь» и другие печально известные сочинения.

Сулакадзев был виртуозом своего дела, и его продукция подчас выглядела весьма правдоподобно, потому что он прибавлял собственные вставки к подлинным рукописям, прибегал к включению в корпус рукописных раритетов абзацев, написанных псевдорунами или же неким непонятным архаическим языком, сплошь состоявшим из странных и темных словосочетаний.

Разоблачения лишь подзадоривали неугомонного фальсификатора и заставляли его совершен-

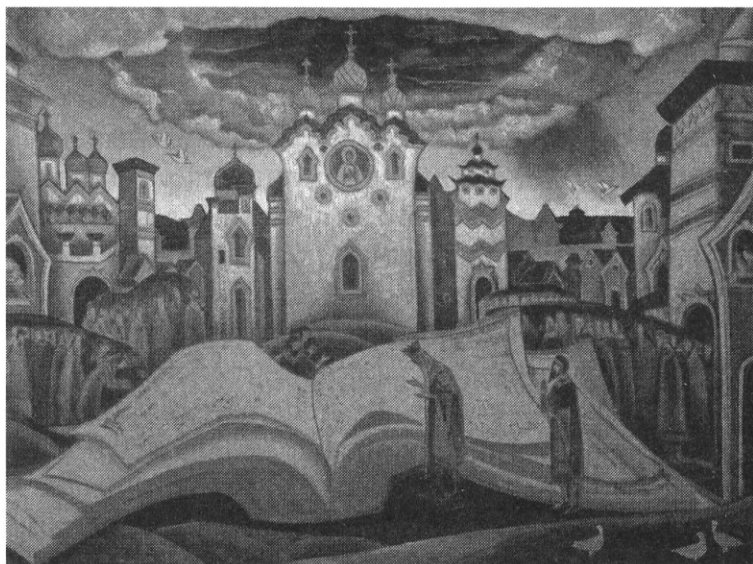
ствовать свое пагубное искусство и разнообразить технику подделок.

К пересказам сюжетов языческих мифов, в устной и письменной форме воспроизведенных в духовных стихах XV—XVII веков и несколько позднее, отношение ученого мира тоже до сих пор остается настороженным и, пожалуй, куда более критичным, чем к летописям, хотя последние изобилуют побасенками, измышлениями, небылицами, всяким враньем и вздором почти в той же степени, что и произведения, исполняемые (распеваемые) на Руси каликами переходжими, то есть богомольцами-странниками.

Интересным и ярким памятником, в котором, по словам знаменитого знатока и собирателя русского фольклора Александра Николаевича Афанасьева (1826—1871), «что ни строка — то драгоценный намек на древнее мифическое представление», была, есть и будет «Голубиная книга» — своеобразная фольклорная мистерия христианства.

Афанасьев был одним из первых исследователей, которые увидели в этом произведении не просто игру народной фантазии, не поэтический обман с целью занять свободный досуг небывальными и невозможными вымыслами и красочными подробностями, а смешение христианских и языческих образов, соединение сказочного эпоса с историческим.

Первоначально книга называлась глубинной, то есть одновременно и древней, и мудрой, а в голубиную ее переименовал сам народ, усмотрев в

Н. Перих. Голубиная книга. 1922.
Государственный музей Востока, Москва

таким наименованием связь с голубем как библейским символом. По евангельскому преданию, во время крещения Христа на Него сошел Святой Дух в виде белого голубя. Согласно легенде, получившей широкое распространение на Руси, книга, в которой были изложены тайны мироздания, некогда чудесно упала с небес:

Из-под той страны из-под восточной
Восходила туча гремучая,
Да из той из тучи гремучей
Выпадала книга Голубиная,
Ни малая, ни великая,
Длины книга сорока сажень,
Поперечины двадцати сажень.

Книга заключала в себе рассказ о событиях священной истории, которые нуждались в объяснении, и толкователем ее содержания якобы выступил святой Авраамий Смоленский, живший в конце XII — начале XIII века. Однако самые ранние списки книги (всего их порядка двадцати) относятся к XVII веку, хотя текст в устной форме датируется рубежом XV—XVI столетий.

Духовный стих о «Голубиной книге» вдохновил замечательного русского художника Николая Константиновича Рериха (1874—1947). В своей картине (1911), которая так и называется — «Голубиная книга», он изобразил, как принявший святое крещение народ получил бесценное сокровище, ниспосланное с небес, — православную веру, открывшую тайну бытия и смысл жизни и смерти.

«Под свою руку»

В ранней истории Руси непреложных фактов гораздо меньше, чем об этом принято думать. Одни летописные известия не согласуются с другими, противоречия и несообразности в сведениях источников нередко приводят к путанице и ставят в тупик.

Общим местом, к примеру, стало ведение от Рюрика целой династии правителей — великих князей и царей, последним из которых был сын Ивана Грозного Федор Иванович, умерший в 1598 году.

Однако уже два первых преемника Рюрика — Олег и Игорь, возможно, вовсе не были связаны с ним узами родства и пришли к власти не по праву кровного наследования. В Повести временных лет есть туманное указание на то, что Рюрик оставил Олегу новгородский стол (престол), поскольку тот был «от рода ему суца», но на самом деле прослеживается скорее не родство, а свойство, ибо, по некоторым данным, Олег приходился Рюрику или тестем, или зятем (братом жены).

Выбор Рюрика пал на Олега будто бы и потому, что они были старыми боевыми товарищами, побывавшими вместе во многих походах, схватках, пиратских вылазках. По укоренившейся версии, Олег должен был принять бразды правления лишь временно, пока не повзрослеет малолетний Игорь. Опекунство Олега над последним, само собой, предполагало, что Игорь — сын Рюрика и его прямой наследник. Но закавыка в том, что отцовство Рюрика по отношению к Игорю далеко не факт и, что называется, притянута за уши. Зачем, с какой целью? Да хотя бы для гладкости и удобства выстраивания династической схемы и придания властной пирамиде, представленной последовательной цепочкой Рюриковичей, основательности и убедительной преемственности.

По-видимому, и Рюрик, и Олег, и Игорь — вполне самостоятельные князья, и твердо говорить о переходе великокняжеской власти от отца

к сыну можно лишь начиная со Святослава Игоревича. Если же Олег был всего лишь регентом, то маловероятно, что он подпустил к власти законного преемника, когда тому было уже хорошо за тридцать — по тем временам возраст более чем солидный.

Нельзя, конечно, с уверенностью утверждать, что родословная Рюриковичей местами сочинена задним числом и носит полумифический характер, но то, что редкие летописные памятники дошли до нас в первоначальной чистоте, сегодня общеизвестно. Искажения текста, позднейшие вставки и правки, к сожалению, были в порядке вещей, и критические исследования историков выявили достаточно много таких инородных вкраплений. Как правило, к ним прибегали, когда возникала необходимость продемонстрировать завидную незыблемость и непрерывность правящей династии, обосновать претензии на престолонаследие или древность того или иного рода.

Так или иначе, князь Олег в отечественной истории — персонаж почти хрестоматийный. Он знаменит тем, что объединил под своей властью Новгород и Киев (882) и сделал последний «матерью городов русских» — столицей. Город на Днепре Олег захватил обманом, выдав себя и своих воинов за мирных купцов, направляющихся в Византию. Это была типичная варяжская тактика типа «северной хитрости» германцев. По его инициативе разворачивается строительство новых крепостей. Он собирает «под свою руку»

Ф. Бруни. Олег прибавляет щит свой к вратам Царьграда.
Гравюра. 1839

многие племена и устанавливает для них дифференцированную дань: для кого легкую, для кого обременительную — в зависимости от того, насколько послушны они были и насколько лояльно себя вели по отношению к киевскому князю. Олег подчинил себе Любеч и Смоленск, совершил далекий поход на Константинополь (Царьград) (907). Причем, приблизившись к городу, хитроумно поставил свои ладьи на колеса и, воспользовавшись попутным ветром, подступил к византийской столице не с моря, как ждали греки (они заблаговременно загородили гавань цепями, чтобы закрыть доступ кораблей), а с суши.

Русская дружина начала осаду, но тут греки запросили мира, и вскоре был заключен выгодный для Олега договор, предусматривавший выплату единовременной контрибуции в 300 пудов серебра, обложение Царьграда данью и предоставление русам права привилегированной беспошлинной торговли. В знак торжества русский князь прибил боевой щит прямо на въездных воротах Константинополя.

Прославился Олег и разгромом воинственных хазар — тюркоязычного степного племени, захватившего территории юго-востока современной России (Дагестан, Нижнее Поволжье, Приазовье), а также Крым. Теперь власть русского князя простиралась от берегов Ильмень-озера до Таманского полуострова, где укрепленному городку Тмутаракани со временем предстояло стать центром нового русского княжества. Хазары терроризировали Русь своими набегами и тем самым вынудили Олега нанести по ним удар, дабы пресечь их агрессию. Бывших недругов хазар он искусно склонил к военному союзу, что свидетельствует о его незаурядных дипломатических способностях. И действительно, талантливый полководец, он достигает многих целей вовсе не силой оружия, а за столом переговоров.

На долю Олега как создателя основ Древнерусской державы приходится столько великих свершений и выдающихся деяний, что уже одно это заставляет задаться вопросом: под силу это ли

одному, пусть и необыкновенно предприимчивому, решительному и политически дальновидному человеку?

Но в том-то и дело, что очень возможно, что Олег — это собирательная фигура, и он один выступает в двух или даже в трех лицах, которых объединяют сходные черты и близкие даты биографии. И происхождение, и обстоятельства жизни и правления, и место и год гибели Олега как-то очень приблизительны. Обычно в литературе на основе летописной традиции он представлен как выходец из Скандинавии, но недавно высказана заслуживающая внимания гипотеза, согласно которой у Олега не норманнские, а восточные корни, а его имя образовано не от варяжского Хельги, а от иранского Халег.

По косвенным данным, род Олега как-то пересекался с норвежским королевским домом. Уже в молодости он выдвинулся как отважный викинг и вместе с Рюриком и в составе его удалого отряда избороздил всю Северную и Западную Европу. Порой его даже отождествляют с героем исландской саги витязем Орваром Оддом, но след Олега вдруг обнаруживается и в Моравии, и на Балканах. Существует, например, надпись 904 года на протоболгарском языке с характерным словом «олгу», означающим «великий» и входившим в титул тогдашних правителей, в том числе византийских императоров, которые именовались «олгу таркан». Непосредственная причастность Олега к Моравии находит подтверждение в принятии за-

имствованной оттуда новой, на основе кириллического алфавита письменности, разработанной специально для славян братьями-просветителями Кириллом и Мефодием.

Не меньше чем географический разброс жизнедеятельности Олега, впечатляют противоречивые данные о его смерти. Непонятно, во-первых, где и, во-вторых, когда она произошла. Романтическая, воспетая А.С. Пушкиным история о кончине князя от укуса змеи фигурирует и в Повести временных лет, и в Новгородской летописи, но с той разницей, что в первой он принял смерть «от коня своего» в Киеве, а во второй — в Ладогге. Общепринятая дата гибели Олега — 912 год, по сообщению Новгородской летописи — 922-й, и, наконец, согласно одному из хазарских источников, князь пал в бою во время похода в Персию где-то в середине 40-х годов X века. С той или иной натяжкой и допуском разных предположений историки с переменным успехом пытались устранить эти хронологические несоответствия, как бы округлить биографию Олега, придав отдельным разрозненным и разорванным в пространстве и времени фактам какую-то укладывающуюся в рамки формальной логики связь. И все-таки по многим признакам выходит, что легендарный Олег прожил как бы не одну, а две-три жизни — даром, что ли, у него было прозвище Вещий, то есть знающий будущее, всеведущий, всезнающий?! Впрочем, вещими в языческие времена называли людей, способных волхво-

вать — общаться с божествами, что наталкивает на мысль о совмещении Олегом функций князя как верховного правителя и предводителя дружины и миссии жреца-волхва. Правда, в этом случае ему вроде бы не было нужды обращаться с просьбой предсказать судьбу к встреченному им в пути кудеснику. Но возможно, собственный дар предвидения не мешал князю прибегать к помощи других чародеев и магов. Ведь не сегодня придумано мудрое присловье: одна голова — хорошо, две — еще лучше.

Как бы то ни было, и летописные известия, и легенды и предания, отложившиеся в фольклоре разных народов, связывают смерть Олега именно с укусом змеи. Так, в исландской саге об Орваре Одде, с которым персонифицируют русского князя ряд ученых, рассказывается, как отважный викинг и его спутники-воины быстро куда-то шли, очевидно спешили, и как «ударился Одд ногой и нагнулся. «Что это было, — воскликнул он, — обо что я ударился ногой?» Он дотронулся острием копья, и увидели все, что это был череп коня, и тотчас из него взвилась змея, бросилась на Одда и ужалила его в ногу повыше лодыжки. Яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. От этого укуса так ослабел Одд, что... пришлось помогать ему идти к берегу, и когда он пришел туда, сказал: «Вам следует теперь поехать и вырубить мне каменный гроб, а кто-то пусть останется здесь сидеть подле меня и запишет тот рассказ, который я сложу о дея-

ниях своих и жизни». После этого принялся он слагать рассказ, а они стали записывать на дощечке, и как шел путь Одда, так шел рассказ... И после этого умирает Одд».

Несколько иначе восстанавливает события, связанные со смертью князя Олега, автор книги «Русь летописная» (М., 2002) В.Н. Демин. Не будучи профессиональным историком, он тем не менее кропотливо познакомился с источниками, въедливо проник в материал и по-своему попытался раскрыть, почему оборвалась жизнь Олега. Ссылаясь на Новгородскую летопись, Демин допускает, что змея ужалила русского князя не где-нибудь, а в Византии, «за морем», куда отправился Олег в очередной поход. Там, на чужбине, он «разболелся» и, предвидя смертельный исход, повелел доставить его на родину, то есть на Русь, где были у него дом и семья. В «Руси летописной» высказано предположение, что аспиды (ядовитого гада) Олегу подпустили коварные греки. Они были мастера избавляться от врагов, прибегая к отравленной пище и вину или подстраивая несчастный случай с помощью прирученной смертельно опасной змеи. Похожим образом византийцы извели немало своих недругов. Например, два столетия спустя, в середине XI века, во время застолья греческий посол впрыснул цианид в кубок с вином внука Ярослава Мудрого Ростислава, княжившего в Тмутаракани и представлявшего угрозу для соседней Византии, так как проводил самостоятельную, шедшую вразрез с интересами

империи политику. Князь сначала слегка занемог, в течение нескольких дней ему становилось все хуже, и потом он слег и уже не вставал, пока жизнь не ушла из него без остатка.

Невезучий князь

Преемником Олега был князь Игорь (912—945). Летопись всячески подчеркивает вопиющий контраст между тем и другим. Если при Олеге сложилось политическое ядро Древней Руси и сидевшие по городам его наместники выполняли волю и защищали интересы великого князя Киевского, то с приходом к власти Игоря все быстро разладилось и пришло в упадок. После смерти Олега почти все подчиненные ему племена прекратили платить дань, решив выждать, посмотреть, каков будет новый правитель, хватит ли у него сил и смелости удержать их под своей рукой. Древляне, а вслед за ними уличи, отказав Игорю в дани, бросили ему таким образом вызов. Это был пробный камень, а в дальнейшем строптивые племена при бездействии со стороны великого князя конечно же поспешили бы отложиться (отделиться. — *Ред.*) от Киева. Однако Игорь, не мешкая, пришел с дружиной выбивать дань, причем в наказание заставил непокорных платить больше, чем прежде. Ни жалобами, ни ропотом его было не пронять. Он жестко стоял на своем, и постепенно недовольные смирились

перед силой и выполнили требования князя, хоть и считали их непомерными.

В большинстве источников Игорь показан как правитель, слепо копирующий своего предшественника и во всем стремящийся ему подражать. Олег дал отпор хазарам — Игорь в свою очередь идет войной на степняков-печенегов, но, видно, не может одержать над ними верх и заключает мир (915). Спустя пять лет он вновь снаряжает на них рать, и, вероятно, опять безрезультатно. По примеру Олега Игорь предпринимает два похода (в 913 и 943) в прикаспийские страны, но ни в том ни в другом особо не преуспевает, что не мешает ему продолжать выстраивать внешнюю политику по образу и подобию Олеговой. Отсутствие поступлений дани заставляет его в 941 году вторгнуться в черноморские владения Византии, и тут греки пускают в ход свое «секретное оружие» — «жидкий огонь», который даже на расстоянии 25 метров зажег русские корабли. Когда они вспыхнули, началась паника, и флот Игоря в одно мгновение был выведен из строя. Можно себе представить страх и растерянность его воинов, когда из медных труб с грохотом изверглась горячая смесь и летела, поджигая все на своем пути. Смельчаки пытались сбить пламя, но тщетно — «греческий огонь» горел даже на поверхности воды, что вызывало мистический ужас. Откуда было знать неискушенным русам, что это вовсе не разгневанный христианский бог греков мечет в них молнию небесную, а так действуют

изобретенные еще в Древней Элладе в IV веке до нашей эры огнеметы, изрыгающие самовоспламеняющееся вещество, в которое входят негашеная известь, сера и сырая нефть?

Для русов внезапное загорание от некой загадочной силы их кораблей было, конечно, большим потрясением, и они обратились в бегство, спасаясь кто как мог. Именно на такой эффект и рассчитывали греки, применив эту своего рода психическую атаку.

Потери Игоря были огромны: от 10 тысяч кораблей осталось не больше десятка, и многие его воины нашли смерть в морской пучине.

Однако два-три года спустя, собрав огромное войско, куда входили также варяги и печенег, Игорь на ладьях и по суше конным строем вновь вступил в византийские пределы, но на сей раз греческие послы еще на Дунае встретили его и предложили заключить мир, возобновить выплату дани, а сверх того обещали одарить русского князя золотом и дорогими тканями — лишь бы он убрался восвояси и согласился увести свой флот и войско. Игорь нашел такие заманчивые условия приемлемыми, но потребовал составить договор, пунктами которого были бы защищены права и интересы русских послов, купцов, воинов и частных лиц во время их пребывания на территории Византийской империи.

В 945 году князь Игорь был убит древлянами за то, что, собрав с них дань, не удовлетворился ею, а потребовал еще.

Ф. Бруни. Казнь князя Игоря. Рисунок

Летописцы дружно навязывают Игорю «имидж» никудышного, непутевого и невезучего князя, что не совсем вяжется с теми сведениями, которые о нем известны. Если подойти к фактам беспристрастно, то он не производит впечатления фатального неудачника. На его счету не только поражения и ошибки, но и победы и успехи. И княжение Игоря — не самое худшее. Тем не менее в посвященных ему страницах летописей буквально сквозит молчаливое неодобрение. Прямых отрицательных оценок в его адрес не высказано, но между строк они присутствуют.

Чем же не хорош Игорь, почему не устраивает он летописцев? Быть может, причина в том, что,

в отличие от Олега, он ни в чем никак не продвинулся, не преумножил владения своего княжества, не расширил границы Руси, а лишь сохранил то, что перешло ему в руки, когда он вокняжился?

Нет, прохладное отношение древнерусских хронистов к Игорю вызвано другим. Он порицается за алчность. Ведь летописные своды, которыми располагают историки, составлялись уже после крещения Руси, и монахи, погодно записывающие события, по-христиански осуждали князя за непомерную жадность. Например, в Повести временных лет исподволь, ненавязчиво проводится мысль, что Игорь был готов слушать и делать лишь то, что сулило наживу.

Безусловно, летописцы преследовали вполне определенные назидательно-воспитательные цели, и плоды их трудов несут очевидную нагрузку, призванную наставлять и поучать.

Отчетливо заметно, что Игорь, который предстает перед нами в летописных памятниках, сильно уступает как своему предшественнику Олегу, так и своей преемнице Ольге. Сравнение с ними обоими складывается явно не в его пользу, но зато он замечательно подходит, чтобы лучше оттенить достоинства и добродетели двух других правителей, которые в глазах летописцев каждый по-своему лучше его.

Историки давно обратили внимание на серьезные расхождения в летописной биографии Игоря.

Как, спрашивается, мог он жениться на Ольге в 903 году, если сын у них родился только тридцать девять лет спустя, когда самому князю было за шестьдесят, а его супруге — около пятидесяти?

Подобных накладок, к сожалению, в летописном повествовании о княжении Игоря немало, и в основном они почему-то касаются его личной жизни.

Был или не был он сыном Рюрика, из источников не ясно, но очень похоже на то, что Олег опекал его вовсе не как будущего «законного» князя, а сначала как перспективного жениха своей дочери, а потом как ее мужа. Само имя Ольга подсказывает, чья она (Олега, Олегова) дочь, или, по крайней мере, гипотетически допустимо, что она может ею быть. В летописях конца XV века и более позднего времени эта догадка находит косвенное подтверждение: «Некоторые же глаголят, яко Ольгова дщери бе Ольга» («Некоторые говорят, будто Ольга — дочь Олега»). Недавно появилась публикация, в которой подобная версия была рассмотрена как состоятельная, и, строго говоря, она не менее достоверна, чем пронизанный поэтическим вымыслом летописный рассказ о первой романтической встрече молодого князя Игоря и юной Ольги во время охоты князя в псковских лесах. Ему будто бы понадобилось перебраться на другую сторону реки, и как раз очень кстати подвернулась проплывавшая мимо лодка с сильной и красивой

девушкой на веслах. Так и состоялось знакомство будущих супругов.

Что ж, история и идиллическая, и благочестивая, в духе литературных пасторалей Средневековья.

В народных легендах и преданиях, которыми отнюдь не пренебрегали летописцы, Ольга родилась то ли во Пскове, то ли под Псковом, в селе Выбутском, то ли в Изборске. По одной летописи, она «не простых кровей», а дочь князя псковских кривичей и до замужества ее имя — Прекраса. Ольгой же она якобы стала в угоду мужу Игорю и в честь его старшего соправителя Олега, которого он очень почитал.

Могло так быть? Почему бы и нет?

Но разве не возможно предположить, что на самом деле все гораздо проще, и Ольга — дочь Олега, которую он решил сосватать за Игоря? Игорь постоянно был при нем, вызывал у него доверие, и умудренный жизнью князь, руководствуясь чисто практическими соображениями и находя, что юный воспитанник — идеальная кандидатура в зятья, решил именно за него выдать свою дочь.

Рядом с нежным пастушеским повествованием, о котором шла речь выше, только что приведенный взгляд на вещи покажется суровой прозой со слишком прагматической развязкой. Настаивать на реальности этой версии бессмысленно, так как доказательства отсутствуют, но в целом такая история скорее представляется правдоподобной, чем невероятной.

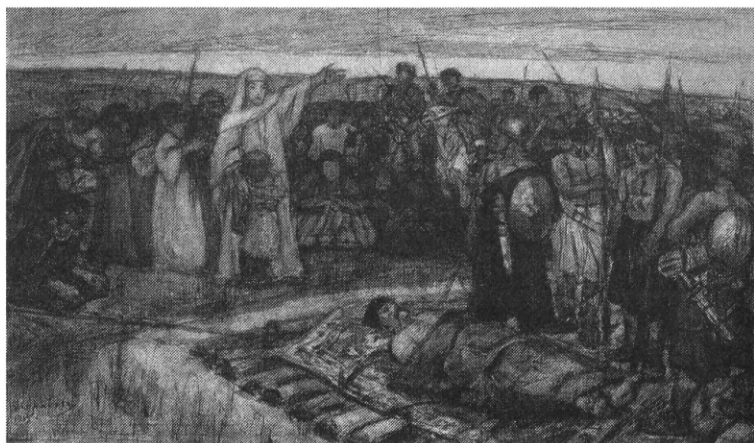
Секрет молодости

Уязычника Игоря, как, впрочем, и у Рюрика с Олегом, была не одна жена. Но поскольку среди других он особо выделял Ольгу, именно она стала вдовствующей княгиней и регентшей при сыне Святославе. Последний, если исходить из летописи, был рожден престарелыми родителями, которым впору быть ему бабушкой и дедушкой, а не матерью и отцом. Но, очевидно, здесь один из тех случаев, когда даты указаны в источниках весьма произвольно и носят чисто условный характер. Скорее всего, Святослав был произведен на свет год или два спустя после брака Игоря и Ольги, а не в 942-м, то есть незадолго перед тем, как стать великим князем.

Одно тянет за собой другое, исключая опеку матери над сыном в период его малолетства. Напрашивается предположение, что Ольга еще при жизни мужа (в моменты, когда он отсутствовал) часто выполняла роль правительницы, а в дальнейшем при номинальном княжении Святослава, занятого бесконечными войнами и походами, продолжала реально вершить дела на Руси.

Если же регентство Ольги действительно приходится на детские и отроческие годы Святослава, значит, он и впрямь феноменально позднее дитя, что крайне сомнительно.

Из смерти мужа вдовствующая княгиня извлекает поучительный урок. Отныне, отправляясь в полюдье и определяя размеры дани с подвласт-

*В. Суриков. Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря.
Эскиз неосуществленной картины. 1915.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург*

ных племен, она уже избегала произвола, строго соблюдала меру, устанавливала твердый, фиксированный объем всего того, что поступало с мест в Киев.

Она позаботилась о такой структуре власти и по вертикали, и по горизонтали, которая оказалась живучей и эффективной, представляя собой оптимальный порядок соподчинения и взаимоотношений центра и подлежащих обложению (натуральным поборам) земель, и позволяла держать под своим владычеством многие восточнославянские племена.

Однако, уже приступив к реформаторству, Ольга долго, страшно и изощренно жестоко мстила древлянам за смерть Игоря. Она не успокоилась, пока в несколько приемов не извела

всех погубителей ее мужа. Княгиня умело усыпляла бдительность своих врагов и всякий раз изобретательно расправлялась с ними: одних по ее приказу живьем закопали в землю («И повелела, — повествует летописец, — засыпать их живыми; и засыпали их»); другие сгорели, запертые в бане; третьи замертво полегли, зарубленные Ольгиными дружинниками во время поминального пира по Игорю. («И иссекли их пять тысяч», — сообщает Повесть временных лет.) Летописец упоминает и об открытом сражении с древлянами, в котором они были разбиты и в котором, между прочим, участвует малолетний Святослав. Приведен даже эпизод, как мальчик тщетно пытается метнуть в сторону неприятеля копье, но ему недостает на это сил. Если принять названный факт как исторически реальный, а не выдуманный, опять-таки придется найти объяснение тому, что Ольга, будучи уже в далеко не репродуктивном для женщины возрасте, все же смогла столь поздно родить.

Заключительный акт праведной мести княгини за мужа сводится к тому, что, пустившись на новую хитрость, она вызвала пожар в древлянской столице Искоростене, и город сгорел дотла.

По языческим меркам жестокость Ольги при мести не воспринималась как избыточная и была вполне мотивированной. Вот если бы она кроваво не отомстила за смерть мужа, тогда бы нарушила укоренившийся языческий обычай и поставила под удар и себя, и весь свой род, поскольку люд-

ская молва осудила бы Ольгу и она покрыла бы себя позором и бесчестьем.

Расправа над древлянами навела страх на другие подвластные Киеву племена. Когда Ольга во время очередного полюдья объезжала свои владения, дань поступала бесперебойно и в полном объеме.

Летописные памятники предельно скупы на информацию и счастливо избавлены от психологических завитушек, которые появляются в авторских сочинениях с XVII века и после, однако описания крещения Ольги в Константинополе в 957 году (согласно большинству источников, это произошло именно тогда) и цветисты, и многословны, языком изложения очень напоминая так называемое плетение словес — стиль, популярный в Московской Руси в XV столетии.

Наверное, заметный пафос той части Повести временных лет, которая рассказывает, как приняла Ольга святое крещение, прежде всего объясняется значимостью этого события в глазах летописцев и самого Нестора как составителя свода. Ведь Ольга первой из правящей княжеской династии осознанно сделала свой выбор и решила покреститься, что было важно уже само по себе. Кроме того, она отказалась стать христианкой у себя в Киеве, а отправилась прямо в Царьград. По-видимому, камерный формат обряда ее никак не устраивал — ей надо было привлечь внимание к своему шагу на международном уровне, показать, что языческая Русь вступает на качественно новый этап своего развития.

В Византии намерение Ольги креститься в православную веру нашло полное понимание и поддержку, так как это отвечало политическим интересам империи, предоставляло возможность в нужном направлении оказывать влияние на Русь, тем более что сфера церковных контактов на почве общей веры давно стала для Константинополя привычным полем, на котором он добивался подчас больше, чем с помощью официальной дипломатии.

Возможно, Ольгу принимали в Царьграде и не по высшему чину, как это вытекает из Повести временных лет, но, безусловно, в ее случае придворный церемониал был соблюден, протокол, предусмотренный при визите высоких иностранных гостей, выдержан, подобающие почести и знаки внимания оказаны и возданы.

Смущает только, что в летописном изложении Ольга, уже пожилая женщина, произвела и разумом, и красотой столь сильное и неизгладимое впечатление на императора Константина Багрянородного, что вскружила ему голову и он отпустил ей довольно недвусмысленный комплимент: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Если это было не завуалированное предложение руки и сердца, то признанием в чувствах, которыми он к ней воспылал.

В ответ на эти галантные слова Ольга будто бы ответила: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, иначе не крещусь».

«И крестил ее царь с патриархами, — повествует далее летопись. — И было наречено ей в кре-

щении имя Елена... После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары, золото и серебро... и отпустил ее, назвав своею дочерью».

Все эти подробности производят довольно странное впечатление. Ведь Ольга — дама уже преклонных лет. Если Константин и впрямь проникся к ней столь пылкими чувствами и обращался к ней с нежными речами не из куртуазной любезности, то, пожалуй, ей был известен некий секрет молодости. В русских народных сказках, как известно, женщины задерживали старение и сохраняли свежесть и красоту с помощью волшебных молодильных яблок, но к какому средству поддерживать себя в прекрасной форме прибегала русская княгиня, остается тайной. Более деликатен вопрос о магическом даре ворожбы, которым она якобы обладала. Будь в самом деле так, она вполне могла влюбить в себя византийского императора. Нет нужды демонизировать Ольгу и приписывать ей какие-то сверхъестественные способности — речь идет об известных и сегодня явлениях экстрасенсорики или о гипнозе. Но поскольку признать в новоявленной христианке столь очевидный рецидив язычества летописцам было бы вовсе ни к чему, они преподносят женские чары Ольги как впол-

не земные, природные, и тогда любовь с первого взгляда, которую вдруг испытал к ней византийский император, уже не кажется неестественной и подозрительной.

Не менее интересно и другое. Разумная Ольга, приводя в качестве резонного довода запрет крестному отцу жениться на крестнице, ничего не сказала о том, что император Константин уже женат, о чем она не могла не знать, ибо сама общалась с его супругой.

Словом, загадка в том, что связано с Ольгой, следует за загадкой, и историкам предстоит еще немало потрудиться, чтобы установить, как все было на самом деле.

Тонко отведав брачное предложение византийского кесаря, русская княгиня выступила со встречной матримониальной инициативой, дав понять, что не прочь женить своего сына Святослава на греческой принцессе — дочери императора. Но тут уже отказ получила она. Наверное, Константин прочил царевну в мужья другому, и сын Ольги не представлялся ему подходящей партией.

На родину княгиня вернулась обласканная императорской четой. Теперь, когда она стала православной, Константинополь видел в ней союзника. И действительно, вскоре император запросил у нее военной помощи. Но Ольга не собиралась ее оказывать, и греческие послы возвратились в Царьград ни с чем. Мало того, Ольга со своей стороны предприняла контрход: обратилась к гер-

манскому императору Оттону I с просьбой направить на Русь католических епископа и священников. Под каким-то предлогом она потом дала знать немецкому монарху, что надобность в его миссионерах отпала, но сам факт возможного изменения вектора внешнеполитического курса и религиозной ориентации Руси продемонстрировал греческому монарху, что Ольга — самостоятельная правительница, которая не потерпит зависимости ни от какого, даже самого могущественного, государства.

На подступах к Царьграду

Грань, отделяющая правление Ольги и Святослава, весьма зыбка и условна, тем более что формально сразу после смерти Игоря титул великого князя Киевского перешел к его сыну, а вдовствующая княгиня осуществляла властные функции от имени последнего.

Поскольку, повзрослев и возмужав, Святослав почти полностью сосредоточился на активной внешней политике, на Руси его практически не видели и внутренними делами продолжала заправлять Ольга. Сын передоверил матери и общее руководство государством, и решение текущих вопросов и вмешивался только тогда, когда для устрашения ослушников и приведения в покорность вышедших из повиновения племен требовалась военная сила. Естественно, брал на себя

Святослав и отражение набегов степняков-кочевников, и отпор любой другой агрессии. В остальном он всецело полагался на мать, поручив ей поступать по собственному усмотрению и разумению во всех сложных случаях и предоставив ей неограниченные полномочия. Ольга фактически — великая княгиня, наделенная всей полнотой верховной власти, а Святослав — полководец, главнокомандующий военными силами Руси при правительнице-матери. Она жила с ним в добром согласии, относилась сердечно. Ее наполняла твердая уверенность в том, что самим Богом ей уготовано вложить все силы в управление страной. И сознание этого приносило ей удовлетворение. Она была спокойна, как водная поверхность Днепра в безветренные дни. В ее решениях просматривалась логичная последовательность. Женщина и правительница слились в княгине в одно. Ее советы и поступки если порой и были рассудочны, вырастали из теплого, честного материнства и диктовались не буквой, не правилом и даже не разумом, а неким внутренним благотворным смыслом, иногда наитием, тем, что подсказывало сердце.

Святослав носил славянское имя, но он с детства прошел через жесткую варяжскую выучку. Его наставники — Асмуд и Свенельд — воспитывали юного князя в скандинавских традициях, а это значило, что он во всем должен полагаться на себя, уметь все от начала до конца делать сам, быть первым и в бою, и в поединке, и на охоте,

И. Акимов. Великий князь Святослав, целующий мать и детей своих по возвращении с Дуная в Киев. 1773

находить выход из любого, даже самого трудного, положения, лицом к лицу встречать смертельную опасность, но без нужды не рисковать, милостью Перуна не злоупотреблять и могучее божество зазря не дразнить, жизнью дорожить и не спешить опрометчиво вступать в кровавую схватку, когда разумнее уклониться от сражения и неожиданно для противника исчезнуть, словно растворившись. Всеми этими премудростями и секретами воинского искусства Святослав овладел в совершенстве.

Он отказался по примеру матери принять веру Христову и предпочел остаться язычником, от-

говариваясь тем, что, если крестится, дружина поднимет его на смех. Христианство налагало на человека серьезные ограничения и обязательства, несовместимые с привычным образом жизни и устоявшимися традициями. В этой религии было слишком много аскезы и всяческих запретов, и молодой князь, к огорчению Ольги, добродушно шутил, что такие, как он, недостойны быть христианами.

Не было у матери и сына согласия и по другому поводу: Святослав постоянно отсутствовал, искал славы в дальних краях, и Ольга призывала его дорожить тем, что имеешь, не зариться на чужие земли, так как и своих хватает, и нужно позаботиться, чтобы их удержать. Князь возражал, настаивал на своем, но споры между ними не приводили к разладу в их отношениях. Они любили друг друга и, как ни странно, составляли хороший тандем: Ольга пеклась о должном устройстве своего народа, а Святослав неуклонно увеличивал число своих данников и расширял границы Киевского княжества на восток, юг и запад. Он разгромил могущественную Хазарию (965), взяв и разрушив ее богатую столицу Итиль и оставив развалины на месте хорошо укрепленных городов Саркел на Дону и Семендер на Северном Кавказе. На подступах к Черному морю, в Приазовье, Святослав отвоевал и оставил за собой в качестве опорного пункта для дальнейшего проникновения на берега Понта захваченную некогда Олегом, но позднее утерянную кре-

пость Тмутаракань (Таманский полуостров), которой впоследствии суждено было стать центром стратегически важного княжества в составе Руси.

Святослав выказал себя истинным мастером конного и пешего боя, умелым строителем войска и прирожденным полководцем. Сам неприхотливый, привыкший довольствоваться малым, он и дружину подобрал под стать себе — из людей, которые готовы были обходиться самой простой и грубой пищей, ночевать под открытым небом на конской попоне и подложив под голову седло. Благодаря этому воинство Святослава было очень маневренным, не стесненное обозами, оно быстро преодолевало большие расстояния и внезапно появлялось там, где противник его не ждал. Правда, русский князь честно и заблаговременно предупреждал тех, с кем собирался воевать: «Иду на вы» («Иду на вас»), но все равно его перемещения были столь стремительны, что он заставлял неприятеля врасплох.

Наблюдая за внушительными успехами Святослава на поле брани, византийский император Никифор Фока решил втянуть его в войну с дунайскими болгарами. Константинополь таким образом, во-первых, чужими руками хотел подорвать окрепшее при царе Симеоне соседнее южнославянское государство, во-вторых, свести друг против друга две одинаково опасные для империи силы. Эта политика сталкивания лбами своих недругов была типична для Византии, но

Святослав не сразу разобрался, что к чему, и лишь позже понял суть затеянной греками интриги. Собрав большую рать, он выступил к берегам Дуная. Особых колебаний по поводу того, оказывать или нет военную поддержку Царьграду, у русского князя тогда не было. Ведь по договору, заключенному еще его отцом Игорем, он должен был прийти на помощь Византии как союзник.

Несмотря на трехкратное превосходство болгар (30 тысяч у них против 10 тысяч у русов), Святослав одержал над ними победу, захватил город Малую Преславу и, облюбовав его, решил там осесть. Свою новую резиденцию он переименовал на русский лад в Переяславец и объявил, что это теперь столица Руси вместо Киева.

Такое основательное утверждение русского князя на Балканах в планы Константинополя, разумеется, не входило. Путем тайного сговора с печенегами, получившими хороший куш, греки побудили их совершить набег на Киев. Степняки осадили город и были близки к тому, чтобы его захватить, но тут подоспел передовой отряд одного из воевод Святослава, а потом и он сам с дружиной, и печенеги откатились назад в степи.

По свидетельству летописи, тогда между матерью и сыном состоялся тяжелый разговор. Ольга сильно хворала, ослабела, чувствовала близкую смерть. С каждым днем ей становилось все хуже. В который уже раз она упрекала сына в том, что он постоянно на чужбине, чем ставит под угрозу

всю свою державу. «Дальние земли возьмешь, а свои потеряешь», — вразумляла его княгиня. «Не люблю сидеть мне в Киеве, матушка, — отвечал он ей. — Хочу жить в Переяславце на Дунае. Там середина земли моей. Туда стекается все доброе: от греков — золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров — серебро и кони; из Руси — меха, воск и мед».

Вскоре Ольга умерла, и Святослав переложил ношу, которую та столь долго тянула, на своих сыновей. Старшему, Ярополку, он доверил княжить в Киеве, а двух младших — Олега и Владимира — посадил одного в земле древлян, другого в Новгороде. Для себя же он не видел смысла оставаться на Руси — вернулся на Дунай и, начав военные действия, завладел тогдашней столицей Болгарии Великим Преславом (969), одержал победу над войском болгарского царя Бориса II, взял в плен его самого и в результате занял ключевые позиции на Балканах, фактически оказавшись на подступах к Царьграду.

Болгарского царя, заключив с ним взаимовыгодное соглашение, Святослав вскоре отпустил, и тот вернулся к исполнению монарших обязанностей, но уже в качестве сторонника русского князя. Позднее греки отстранили Бориса от власти и вместе с семьей увезли в Константинополь. Здесь они подвергли его унижительной процедуре, заставив публично снять с себя тиару, покрытую пурпуром, золотом и бисером, багрянницу (широкий алого цвета плащ, подбитый мехом)

и красную обувь. Развенчание монарха символизировало конец болгарской государственности, и действительно Восточная (дунайская) Болгария при Иоанне Цимисхии становится частью его империи.

Конечно, Святослав понимал, что, оказавшись далеко от родной земли, его войско не долго будет боеспособно. Как хороший дипломат, он ищет союзников и пытается опереться на ту часть болгар, которые готовы ради своей страны воевать вместе с русами против Византии. Официальный Преслав идет на заключение мирного договора с русичами, но влиятельная и враждебная Святославу группировка болгарской знати предпочитает объединиться против него с греками.

Расстановка сил резко меняется. Новый византийский император Иоанн Цимисхий был видным полководцем и, изучив излюбленную стратегию и тактику русского князя, выступил против него с большим войском, лишив Святослава преимущества нанесения внезапных молниеносных ударов и навязав ему оборонительные действия. Потерпев поражение под Аркадиополем, русская рать под натиском греков отступает к крепости Доростол на Дунае. После ее двухмесячной осады византийцами Святослав решил дать сражение. Осознавая, что силы не равны и он ведет воинов на верную смерть, князь, по словам летописца, сказал: «Так не посраим земли Русской, но ляжем костьми, ибо мертвые сраму не имут (не знают. — *Ред.*), а если побежим, покроем

себя позором. Так не побежим, но станем крепко, а я пойду впереди вас. Если моя голова падет, то сами решайте, как вам быть». И дружинники все как один ответили: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои головы сложим».

Битва была ожесточенной, упорной, но как мужественно ни билось войско Святослава, перевес сил был не в его пользу, и пришлось отойти под защиту стен Доростола.

В этих условиях единственный выход из положения, который видит князь, — это заключение мира ценой потери захваченных на Балканах территорий. Цимисхия такой поворот событий вполне устраивал, и он согласился беспрепятственно разрешить Святославу увести его значительно поредевшую рать на родину. В ходе переговоров произошла личная встреча византийского императора и русского князя. Ее очевидец, греческий историк Лев Диакон, оставил запоминающийся словесный портрет Святослава. Когда Цимисхий со свитой и телохранителями уже был в условленном месте и поджидал русов, к дунайскому берегу причалила ладья. Святослав, пишет хронист, «сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с густыми бровями и светло-синими глазами, прямым носом, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными усами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее

свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он хмурым и суровым. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом (рубином. — *Ред.*), обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только заметной чистотой».

Во внешности, в том, как держал себя Святослав, было что-то устрашающее — недаром современники сравнивали его с барсом — могучим и ловким зверем.

Возможно, уже тогда почувствовав скрытую угрозу, исходящую от русского князя, император Цимисхий замыслил покончить с ним. Не потому ли он не противился тому, чтобы русичи взяли с собой захваченные ими богатые трофеи, что уже тайно связался с печенегами и подговорил их напасть на Святослава у днепровских порогов? Как всегда, византийцы не поскупились и щедро авансом отблагодарили степняков за их услугу. Предупредив, что в случае успеха им перепадет еще больше, так как русские отряды возвращаются на родину с изрядной добычей.

Напрасно опытный воевода Свенельд, предвидя засаду, убеждал князя идти на Русь не через пороги, а обходным путем. Святослав не послушался — угодил в расставленную западню и, как мог, отбивался со своей малой дружиной от обложивших со всех сторон печенегов, пока не рух-

нул замертво, изрубленный их саблями. Печенежский хан Куря, празднуя победу над славным воителем, велел отрезать ему голову и сделать из черепа, оковав его серебром, чашу, из которой пил вино во время пиров. Он был убежден, что каждый глоток придает ему доблесть и сообщает дар воинского искусства убитого князя.

Затяжные войны и походы Святослава подняли международный престиж древнерусского государства, расширили его торговые связи с зарубежным миром, особенно со странами Востока. В то же время постоянное напряжение сил, недостаточное внимание внутренним делам, заметная убыль мужского населения, погибшего в сражениях, ослабляли Русь, подрывали основы ее хозяйства.

Власть и вера

Как и другие князья-язычники, Святослав был многоженцем, но, имея детей от разных матерей, обо всех в равной мере заботился и даже сына Владимира, прижитого от ключницы Малуши, служившей у Ольги, ни в чем не обделил, признав за ним такие же права, как за остальными своими отпрысками мужского пола.

Малуша — не последний человек при дворе Ольги. В ее ведении управление хозяйством, масса слуг. Но в то же время по своему положению она подневольная женщина, раба, а стало быть,

вовсе не пара Святославу. Впрочем, старая княгиня особо не ругала сына за то, что якшался с челядью и неровней ему, а на Малушу хоть и напустилась, но потом укротила свой гнев, наложив на нее сравнительно мягкое наказание: ссылка в село Будутино близ Пскова, где вдали от любопытных глаз и чужих ушей та спокойно и благополучно разрешилась от бремени.

Брат Малуши Добрыня, любимый дружинник Святослава, был не только дядей, но и дядькой (воспитателем) племянника, приставленным к нему с младых ногтей.

На авансцену отечественной истории будущий великий князь-реформатор Владимир Святославич, получивший почетное прозвище Креститель и причисленный Русской православной церковью к лику святых, вступает довольно невыигрышно. Поначалу он идет войной на своего брата, силой берет в жены его невесту, а затем, убив его самого с помощью наемного варяга, становится властителем Киевской державы.

Политика, которую проводит новый великий князь, достаточно традиционна: он стремится закрепить завоевания своих предшественников и расширить и без того обширные владения.

Он побеждает польских славян и занимает несколько городов. Позднее предпринимает успешный поход на восточнославянские племена вятичей и радимичей. В результате этого киевский князь утверждает свое могущество как в старых, так и в новых пределах.

*И. Матюшин. Владимир Святославич.
Гравюра. 1889*

За время своего княжения (980—1015) Владимир Святославич провел две крупные реформы. Обе они были религиозного характера, но та и другая затрагивали основы жизни древнерусского общества, а потому отразились на политике, экономике, социальной сфере, культуре, вызва-

ли большие изменения во всем историческом развитии страны.

На первый взгляд эти реформы диаметрально противоположны и совершенно несовместимы. Ведь одна из них преследовала целью возвеличить язычество, другая — упраздняла его и вводила заимствованную в Византии христианскую веру.

Таким образом получается, что один и тот же правитель проводит две резко контрастные реформы, которые к тому же следуют одна за другой с разрывом в пять лет. Это выглядит поистине парадоксально еще и потому, что в период первой реформы с ведома Владимира в жертву языческим богам было принесено двое христиан. Кроме того, известно, что ни сам князь, ни его подданные-язычники не жаловали христианство за то, что оно не допускало многоженства. У Владимира до его крещения было пять законных жен и еще триста наложниц в Выжгороде, триста в Белгороде и двести в селе Берестове. И вообще, по сведениям летописца, князь был несyt блуда, приводил к себе замужних женщин и девиц на растление, и результатом этого неумного женолюбия было такое количество детей, что тот же всезнающий летописец не в силах их сосчитать, в чем и признается.

Однако противоречивые реформаторские действия князя Владимира — характерное проявление той самой диалектической борьбы противоположностей, которой столь богато историческое развитие, без которой немислим прогресс.

Верующий в языческих божеств или в единого Бога-творца человек того времени не мог подходить к своей религии чисто утилитарно, то есть с той точки зрения, что она может дать. Поэтому естественно желание Владимира придать вере подобие власти, а власти — подобие веры. Многобожие (политеизм) было уместно, когда в каждой славянской земле, у каждого племени были свои вожди, старейшины, жрецы и князьки. Но вот настала эпоха, когда надо всем восточным славянством установилась власть великого князя Киевского. Эту новую земную структуру нужно было подтвердить и закрепить «неземными средствами». Сначала Владимир пробует приспособить к новым политическим реалиям привычную языческую символику и атрибутику. Его попытки свести все многообразие языческого архаического пантеона к семи верховным божествам во главе с Перуном — не что иное, как унификация и упорядочение старых символов веры в соответствии с новыми явлениями в общественной жизни. Однако язычество уже не соответствовало сложившейся модели власти и утвердившимся общественным отношениям. Требовалась принципиально иная форма воздействия на умы и сердца — монорелигия. Ею и стало ортодоксальное (византийского образца) христианство, или православие. А первая религиозная реформа была как бы переходной стадией от язычества к христианству. В какой-то мере она подготовила почву и смягчила переход к новой религии.

По преданию, в тот момент, когда Владимир, отказавшись, как от бесполезных, от дальнейших попыток модификации язычества, стал решать, какую религию выбрать, в Киев прислали своих эмиссаров и христиане, и магометане, и иудеи, надеясь склонить князя к принятию своей веры. Ислам Владимир якобы отверг из-за не показавшегося ему обряда обрезания, отказа от свинины и в еще большей степени запрета пить вино. «Руси есть веселие пити, — будто бы сказал князь, — и не можем быть без того». Не понравился князю и распространенный у мусульман обычай интимной близости без оплодотворения и продолжения рода. Выслушав иудеев, Владимир спросил, где отечество их. «В Иерусалиме, — отвечали послы, — но Бог, разгневавшись на нас, расселил нас по чужим землям». — «И вы, наказанные Богом, осмеливаетесь учить других! — в гневе воскликнул Владимир. — Мы не хотим подобно вам лишиться отечества». Потерпели неудачу и послы римского папы. Больше других пришлась по душе князю греческая вера, которую исповедовала бабка Владимира Ольга, а потом по ее примеру и его старший брат Ярополк. В пользу этой веры он и сделал свой выбор.

Полулегендарные летописные свидетельства позволяют толковать крещение Руси как только волеизъявление самого Владимира, а тот факт, что он остановился на православии, считать делом случая и результатом личных предпочтений князя. Это не так. Русь все больше и больше

начинала развиваться по образу и подобию своей могущественной соседки — Византийской империи. В ее политическом устройстве Владимир не без оснований видел идеал для своей страны. Ну и, разумеется, свою роль сыграли тесные политические, экономические и культурные связи с Византией и крещеным славянским миром. Вот почему альтернативой язычеству на Руси становится именно восточный (византийского обряда) вариант христианства. С крещением Русь еще быстрее и целенаправленнее продолжает развиваться по византийской модели. Переход киевского князя в новую веру был закреплен его браком с византийской царевной Анной.

Христианство на Руси прижилось не сразу. Великий князь повелел довести до сведения каждого, что тот, кто откажется креститься, станет его личным врагом. Угроза возымела действие, и все же народ открыто роптал и плакал, видя поругание своих прежних богов. По приказанию Владимира одних идолов разрубали на части, других жгли, третьих топили. Деревянную статую Перуна в Киеве привязали к лошадиному хвосту и поволокли к Днепру, осыпая поверженного кумира ударами палок. Потом его сплывили по реке подальше от города.

Крещение обычно проводилось так, чтобы охватить как можно больше людей. Киевляне, например, в заранее объявленный день спускались к Днепру и одновременно кто по пояс, кто по

грудь, кто по шею заходили в воду. Это была их общая купель. А на берегу священники читали молитвы.

Далеко не везде все проходило гладко и добровольно. Некоторые отказывались выполнять волю Владимира, сопротивлялись, упирались, и княжьи мужи силой загоняли их в воду.

В Новгороде многие готовы были умереть, лишь бы не предавать милой сердцу веры отцов и дедов. Немало крещеных продолжали в душе оставаться язычниками и поклоняться прежним божествам. Язычество еще очень долго сохранялось и напоминало о себе. И не столько как религия, сколько как образ жизни, житейская философия, система устоявшихся традиционных ценностей. Христианство на Руси тоже воспринимает и впитывает те или иные черты язычества. Православные праздники всюду и везде упорно справляли на языческий манер. Люди перенесли на святых привычный им культ прежних кумиров. Так, святого Илью они наделили характерными свойствами громовержца Перуна, а в святом Власии видели защитника домашней скотины наподобие Велеса.

После принятия христианства основной заботой Владимира стала защита русских земель от степных кочевников-печенегов. Князь спешно начинает укрепление южных и юго-восточных границ своего княжества. По его велению возводят военные городки по рекам Десне, Трубежу, Суле, устраивают огромные насыпные земляные

валы и роют глубокие и широкие рвы, тянувшиеся на десятки верст.

Нуждаясь в пополнении войска, Владимир принимал в свою дружину всех, кто был смел, удал и умел хорошо воевать. Это могли быть крестьяне, мастеровые, торговые люди, слуги, дети духовных лиц и церковного причта. Особо ценились силачи. Но прежде чем быть принятым на службу к князю, нужно было пройти испытание: показать, кто чего стоит. Былины о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, сказка о Никите Кожемяке дают представление о том, какие отборные витязи были в боевой рати Владимира Святославича.

В интересах безопасности и сохранения целостности русских земель Владимир проводит реформу управления княжествами. Она способствует централизации и окончательному подчинению Киеву ранее присоединенных и обложенных данью восточнославянских племен.

Став христианином, Владимир запретил было казнить уголовных преступников — грабителей, разбойников и даже убийц, так как не хотел брать грех на душу. Он распорядился наказывать их денежными штрафами, но столь мягкая мера привела к настоящему разгулу преступности. И тогда, взяв за образец устройство отцовское и дедовское, князь отказался от «моратория» и повелел восстановить смертную казнь.

Владимир так и не овладел грамотой. Но это не мешало ему интересоваться книгами и тянуться к

знаниям. Грамотеи подолгу читали ему, и он жадно впитывал услышанное. Остро осознавая, что ученье — свет, а неученье — тьма, князь приложил усилия к распространению грамотности. По дворам состоятельных людей собрали детей и отдали их в обучение. Сыновей своих он тоже заставил постигать книжную премудрость. Так что они, в отличие от отца, были грамотны.

Владимир Красное Солнышко — так ласково и вместе с тем почтительно именовал народ великого князя Киевского. Так назван он и в исторических песнях и былинах и других фольклорных произведениях.

Один из расхожих сюжетов в устных сказах о Владимире Святославиче — княжеские пиры:

У ласкова князя Владимира
У солнышка у Сеславича
Было столованье, почестный пир
На многих князей, бояров
И на всю поленицу (дружину. — *Ред.*) удалую,
И на всю дружину на храбрую.

Народ не случайно запомнил и отразил в своем эпосе пиры князя Владимира. Князь, устраивая застольные праздники для бояр и воинов, не забывал о простом люде. Любой человек, независимо от своего происхождения и достатка (вплоть до последнего нищего), мог рассчитывать на княжеское угощение и место за столом. Бедным и неимущим на княжьем дворе всегда давали пищу и деньги. Для больных, убогих, престарелых по приказанию Владимира специ-

ально возили по улицам хлеб и мясо, рыбу и мед, квас и пиво в бочках. Это не было дешевым популизмом и заигрыванием с народом: князь считал такую посильную помощь своим христианским долгом. Что же касается знаменитых пиров князя Владимира, то они были убедительным свидетельством демократизма общественного устройства Древней Руси. Ведь пиры очень напоминали порой старое славянское вече, на котором и сам князь держал слово, и другим высказаться давал, и совета испрашивал. Особенно славились княжеские пиры по осени. Это были шумные и красочные праздники урожая, на которые Владимир Святославич созывал «множество народа» и на которых столы ломились от яств и напитков.

И, глядя на князя, от души веселившегося на этих пирах, трудно было распознать в нем большого государственного мужа, усилиями и стараниями которого в немалой мере Русь прочно заняла положение одной из крупных и сильных европейских держав.

Безусловно, в летописном портрете Владимира (в крещении Василия) после принятия им православной веры сразу бросается в глаза разительная перемена, которая с ним внезапно произошла. Из грубого, мстительного, заносчивого и завистливого человека он вдруг чудесным образом превратился в кроткого, незлобивого апостола смирения с благостными мыслями и поступками. Конечно, подобное разительное преобразование

варвара-язычника в полусвятого — миф, и удивительная метаморфоза князя — факт не столько исторический, сколько литературный.

Строитель Руси

Как ни странно, Ярослав Мудрый, которого любой школьник знает как радетеля за единство Руси, начал свою «политическую карьеру» как борец за обособление своего удела (земли) и типичный сепаратист, вызвавший тем самым немалую смуту. Правда, тогда его еще не называли Мудрым. Он княжил в Новгороде и был подвластен державному отцу — великому князю Киевскому Владимиру Святославичу.

И вдруг в 1014 году Ярослав демонстративно отказывается прислать в стольный Киев положенные 2 тысячи гривен — ежегодный взнос новгородцев в великокняжескую казну.

Почему молодой князь бросил отцу такой вызов, что заставило его пойти на обострение отношений с могущественным родителем — можно догадаться: Ярослав был старшим сыном Владимира после Святополка, но, поскольку тот злоумышлял против отца и даже готовил против него восстание, он не только лишился расположения отца, но и был на какое-то время заключен в темницу.

Следующим по старшинству был Ярослав, и он рассчитывал, что Владимир приблизит его к себе,

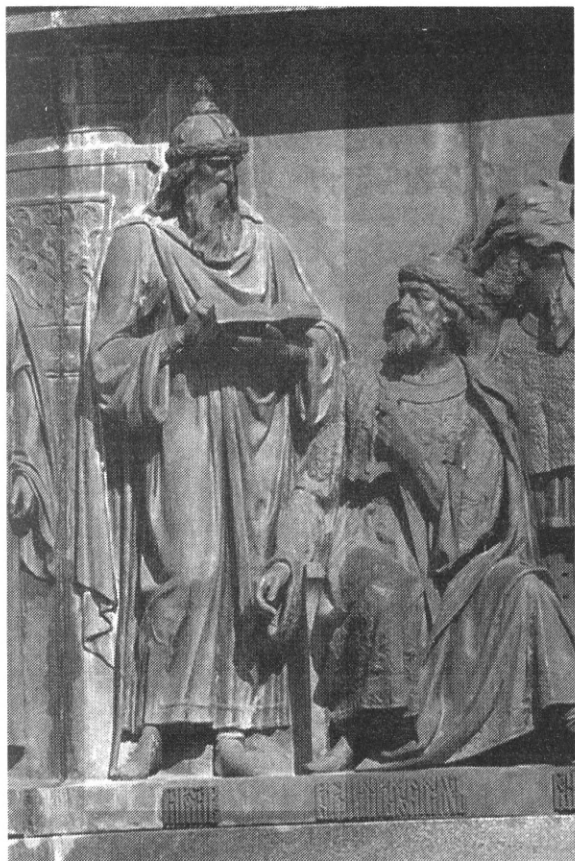

выделит из других сыновей и проявит к нему особую благосклонность. Тот, однако, оказал предпочтение младшему по годам Борису. И Ярослав не стерпел несправедливости, не захотел мириться с нарушением древнего обычая, согласно которому первое место среди сыновей, будь то семья простого мужика или великого князя, всегда принадлежит старшему по возрасту.

Непокорство Ярослава вызвало сильный гнев Владимира. Он начал было снаряжать поход на Новгород, чтобы проучить своевольника и послушника, но внезапно заболел и умер, не успев даже решить, кому из детей быть его наследником.

На Руси настает период разброда и шатаний. Великим князем, руководствуясь тем же принципом старшинства, объявляет себя Святополк. А для верности, чтобы братья не оспаривали его первенство и право на киевский стол, он подсылает убийц сначала к Борису, затем к самому младшему из Владимировичей — Глебу и, наконец, к Святославу. Все трое были убиты. За братоубийцей прочно закрепилось злое прозвище Окаянный.

В единоборство с пролившим родную кровь Святополком вступает Ярослав. Не один год продолжалась меж ними усобица. Победителем из нее вышел Ярослав, а Святополк Окаянный, по одним сведениям, умер от ран, полученных во время сражения с войском брата, по другим — погиб в безлюдном, пустынном месте на границе Польши и Богемии, где вынужден был скрываться.

М. Микешин, И. Шредер, В. Гартман.
Ярослав Мудрый на памятнике «Тысячелетие
России». 1862. Новгород Великий

На этом распри между сыновьями Владимира кончились. Вспыхнувший было конфликт Ярослава и Мстислава Удалого по обоюдному согласию разрешился полюбовно. Говоря современным языком, они пришли к консенсусу. Ярослав кня-

жил в Киеве с 1019 по 1054 год, находясь в полном ладу и в миру и с Мстиславом, и с последним из двенадцати оставшихся в живых (своей смертью от болезни умер только Вышеслав — все остальные Владимировичи полегли в междоусобной борьбе!) братом — Судиславом.

Летописец отмечает, что, став единодержавным правителем, Ярослав показал себя опытным, не знавшим поражений полководцем. Он твердо отстаивал интересы Руси в Прибалтике, успешно воевал с чуждью (финскими племенами), ходил в землю Литовскую и Мазовецкую (Польскую), нанес сокрушительное поражение печенегам.

Причем князь был не только талантливым воеводой, но и настоящим ратных дел мастером. В нем чувствовалось семя легендарного князя Святослава Игоревича. Несмотря на врожденную или приобретенную хромоту (мы этого точно не знаем), он был необычайно быстр и сноровист в бою, что в сочетании с редкой храбростью делало его воином исключительным.

Хорошие отношения с зарубежными монархами Ярослав стремится закрепить выгодными для Руси брачными союзами. Эту новую дипломатию он начал проводить, сыграв свадьбу с дочерью шведского короля Олафа Шётконунга Ингегердой (в крещении Ириной), получив в качестве приданого от тестя земли в районе Ладожского озера, известные как Ингерманландия, или Ингрия. Сестру он выдал замуж за польского князя Казимира, свою старшую дочь Елизавету — за

норвежского принца Гаральда Сурового, среднюю Анну — за французского короля Генриха I, младшую Анастасию — за венгерского короля Андроша I. Всеволод Ярославич был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха, а двое других сыновей киевского князя — Вячеслав и Святослав — на немецких принцессах. Таким образом династические связи с царственными домами Европы позволили еще более упрочить международное положение Русского государства.

Ярослав дорожил добрососедскими отношениями, но никогда не шел у них на поводу и в международных делах превыше всего ставил русские интересы.

Узнав, что во время пребывания в Царьграде один из русских купцов был убит, повздорив с греками, великий князь отправляет в Византию большое войско во главе со старшим сыном Владимиром. Он идет на прямое столкновение с могущественной державой, ибо не может и не хочет допустить, чтобы страдал престиж Руси и чтобы кто-либо мог безнаказанно не только убивать, но и обижать или притеснять его подданных.

Столь же решительно Ярослав без согласования с константинопольским патриархом поставил митрополитом не грека, как раньше, а человека славянского происхождения по имени Илларион. Он поражал современников своей ученостью и красноречием, а позднее прославился как автор

сочинения «О законе и благодати». Пусть русская церковь тогда еще не стала автокефальной (независимой и самоуправляющейся), но и учреждение собственной митрополии — событие, которое трудно переоценить.

Историки справедливо называют Ярослава неутомимым строителем Руси и создателем новой христианской культуры. Его старания водворить в стране тишину и спокойствие не пропали даром. Он понял, в чем заключается корень раздоров и неурядиц, и неукоснительно и твердо отстаивал принцип единовластия. Механизм его действия был достаточно прост по замыслу, но куда труднее было его осуществить! И тем не менее Ярослав добился своего, заставив младших родичей повиноваться ему так же, как дети в тогдашней семье слушались отца. Тех же, кто посмел пойти против воли великого князя, ждало лишение удела. В итоге Ярослав стал непререкаемым авторитетом, хозяином в Русском государстве, с которым прочие князья находили нужным считаться и советоваться, прежде чем предпринять какие-то ответственные самостоятельные шаги.

Если до Ярослава и было единовластие, то это, по меткому выражению непревзойденного русского историка Василия Осиповича Ключевского, скорее случайность, а не политический порядок. Ярослав же, как сказано в летописи, принимает «власть русскую всю», становится «самовластцем» Русской земли. Он чеканит свою монету («яро-

славово серебро»), и в ряде случаев его, подобно византийскому монарху, даже титулуют царем (кесарем) и императором.

Из чего же слагается реформаторство Ярослава и почему он удостоился почетного прозвания Мудрый?

Видный отечественный историк Николай Иванович Костомаров, признавая многие заслуги Ярослава, в первую очередь отмечал, что более всего он оставил по себе память своими делами внутреннего устройства. Однако труды великого князя по совершенствованию управления в подчиненных ему землях и укреплению новых начал жизни, внесенных христианством, не сведешь к перечню конкретных мероприятий, не разложишь по полочкам и не разобьешь по пунктам.

В его деятельности пересекались и тесно переплетались сразу несколько важных созидательных линий.

Расширив границы русского мира покорением новых земель, Ярослав умелой организацией власти не только удержал их, как, впрочем, и старые, в повиновении, но и ухитрился сделать это, не прибегая к оружию. «...И была великая тишина на русской земле», — свидетельствует летопись.

Вслед за Владимиром Ярослав стремится создать систему прочной защиты Руси от степных кочевников. При нем продолжается начатое еще его отцом возведение в угрожаемых местах и районах укрепленных городов, высоких земляных валов и других преград. Достигнув соглашения с

полукочевыми племенами, жившими вдоль русской окраины (торки, берендеи и т. п.), Ярослав, сохранив за ними право на самоуправление и предоставив еще ряд льгот, приобрел в их лице мобильные пограничные отряды. К тому же их конница была готова по требованию киевского князя незамедлительно выступить к нему на помощь.

О политической зависимости младших областных князей от великого князя по образу и подобию семейного права между отцом и детьми уже говорилось. Остается добавить, что эта патриархальная норма, возведенная в ранг государственного принципа, на какое-то время оказалась эффективна.

Судя по всему, Ярослав был в курсе многих законоположений, принятых за рубежом. Хорошо знал он и церковные и гражданские уставы, действовавшие когда-либо в разных русских княжествах. Известно, что при князе Олеге и позднее руководствовались так называемым Законом русским, который существовал в устной форме и восходил к народному обычаю, практике кровной мести. Ярослав — инициатор создания первого письменно зафиксированного кодекса. Этим было положено начало общерусскому законодательству. Немалая часть текста с конкретными положениями и статьями, составленными при Ярославе, вошла в знаменитую Русскую Правду. Недавно некоторые современники отзывались о нем как об установителе правды и закона и даже име-

новали его Правосудом. Издав уложение законов, он учредил в стране порядок, установил твердые пошлыны, ограничил произвол и судебные полномочия удельных князей, усилил центральную власть, укрепил положение ремесленников и торговцев. Оживилась жизнь городов, по воде и по суку купцы везли туда свои товары, и спрос на них не падал, обеспечивая бесперебойный сбыт и барыш.

В истории Ярославу суждено было остаться под простым, но лестным и выразительным прозвищем Мудрый. Из летописных свидетельств он предстает перед нами как основатель многих городов. Например, им были заложены носящие его имя Ярославль и Юрьев (при крещении князь получил имя Юрий). Его стараниями в ознаменование победы над печенегами сооружен храм Святой Софии в Киеве и начата София новгородская, не без участия князя основаны Киево-Печерская обитель и Юрьев (Святого Георгия) монастырь в Новгороде, возведены такие архитектурные памятники древнего Киева, как церковь Святой Ирины, Золотые ворота с церковью Благовещения над ними. Больше того, именно в годы его княжения русские города и поселения постепенно начали приобретать христианский облик.

И еще Ярослава Мудрого поминали добрым словом как ревнителя просвещения. Сам человек грамотный и начитанный, он хорошо понимал всю важность и пользу книжного учения. С этой целью он по примеру своего отца, Владимира Свя-

тославича, еще сидя в Новгороде, приказал отобрать триста детей и отдать их в обучение грамоте. Страстный книголюб, Ярослав мог просиживать за книгами днем и ночью. Кстати, он положил начало собиранию книг на Руси: те рукописи (главным образом переводы с греческого), что были им куплены и размещены в храме Святой Софии в Киеве, составили первую упоминаемую в летописи русскую библиотеку.

Ради единства

Земля дрожала от конского топота. Мимо дома, где жил маленький Кузьма, с гортанными криками проносились всадники. И было их так много, что казалось, нет им числа. Пыль стояла столбом, и нескончаемый поток людей на лошадях, с копьями в руках и луками за плечами, был похож на какое-то сказочное чудовище, у которого были одновременно и человечьи, и конские головы.

Кузьме было страшно, но он не плакал. Его отец, плотник Петр, раз и навсегда внушил сыну, что мальчик — будущий мужчина, а потому лить слезы ему никак не годится. Это стыд и позор.

С утра и до полудня мчались страшные всадники по той улице Чернигова, на которой стоял дом Петра, и по соседним улицам тоже. Кузьма уже знал со слов взрослых, что это пришла на Русь новая напасть — половцы.

Великий князь Владимир Мономах.
Портрет из Царского титулярника. 1672

О половцах Кузьме рассказывал отец. Это был жестокий и воинственный народ. Тучи половцев на не очень больших, но выносливых и крепких лошадях стремительно передвигались с места на место и заняли все русские степи. Они нападали то на одно княжество, то на другое, разоряли города, грабили мирное население, и не стало на Руси от них житья.

Поэтому отец Кузьмы, плотник Петр, решил оставить родной Чернигов и податься вместе с семьей в далекие, но зато более безопасные края. Однако не успел. Пока собирались и готовились, половцы взяли и нагрянули.

Была у Петра слабая надежда, что, может быть, беда минует его скромный дом. Брать-то у них особо было нечего.

Но не тут-то было! В тот же день, когда степняки ворвались в Чернигов, они наведались в дом Петра и вынесли все самое ценное. Даже глиняными, ярко раскрашенными игрушками Кузьмы и его сестер не побрезговали. Красивую, затейливо вырезанную из липы свистульку и ту прихватили. После них в доме Петра стало, как говорится, хоть шаром покати: ни вещей, ни посуды, ни продуктов. Только на плохонькую одежду да на нехитрую обувь не позарились жадные пришельцы. А вот единственную лошадь вместе с полугодовалым жеребенком увели.

Жена Петра Арина переживала и сокрушалась. Жаль ей было и лошадь с детенышем, и нажитого нелегким трудом добра, и съестных припасов.

«Не плачь, мать, — утешал жену Петр. — Вон Кузьма и то не плачет. Слава Богу, хоть мы все целы-невредимы. А ведь всяко могло случиться». — «Да это уж точно», — соглашалась Арина, но все равно никак не могла успокоиться.

Одно только радовало Петра: его плотницкий инструмент не попал во вражьи руки. Надежно припрятал хозяин орудия своего труда. А значит,

приедет он на новое место и сразу за работу может приниматься. Петр не сомневался, что своим плотницким ремеслом он семью и в чужих краях прокормит.

Половцы ушли так же внезапно, как и появились. Можно было, конечно, зажить по-старому. Хоть пуст теперь дом у Петра, но все же стены и крыша есть. Не на улице же они с женой и детишками остались. Вон на другом конце города степняки взяли и пустили красного петуха во дворе сапожника Ефрема. И только за то, что его двенадцатилетний сын швырнул в сторону проносившейся мимо конницы камень. Какой-то половецкий воин заметил это, попривалялся коня и с горящим факелом в руке подъехал к рубленой стене хозяйственной постройки и поднес пламя к стрехе крыши. Огонь тотчас побежал вверх, и вскоре занялся и двор Ефрема, и соседние с ним — все сгорели дотла. Стало быть, семья плотника еще легко отделалась.

Больше всего его с Ариной огорчало то, что во главе половецкого войска стоял не кто-нибудь, а русский князь Олег Святославич — сын Святослава Ярославича киевского и внук Ярослава Мудрого. И странное дело, правивший в Чернигове князь Владимир Всеволодович, носивший гордое прозвище Мономах (Единоборец) и тоже Ярославов внук, вместо того чтобы защищать свой город и удел, полученные им от отца, вдруг взял и уступил Святославу. По слухам, он уклонился от сражения, потому что не хотел сеять рознь и

вражду на Руси и допустить, чтобы один князь воевал против другого. Оставив Чернигов, Мономах с дружиной ушел в Переяславль и сел княжить там.

Никак все это не укладывалось в голове Петра. Вроде бы слыл он мужиком неглупым, сметливым, но тут не мог взять в толк, почему их князь позволил другому беспрепятственно захватить отчину свою Чернигов да еще половцев на город навести? Допустим, когда-то Чернигов принадлежал отцу Олега Святославича, но мало ли что когда было?!

И еще не понимал Петр, как это Владимир Мономах, слывший первым на Руси воеводой и грозой половцев, без боя сдал Чернигов.

Неужели не ясно князю, думал Петр, что так Русь не собрать, ибо и свои, и чужие уважают только силу. И кто, рассуждал плотник, оценит благородство Мономаха и его высокие побуждения? Все решат, что он отдал Чернигов Олегу по слабости, из страха не одолеть его и половцев.

Все хорошенько взвесив, Петр твердо решил уезжать. «Кто знает, — рассуждал он, — вдруг эта вражья сила завтра вновь придет? И тогда уж неизвестно, что будет. Один раз, спасибо, обошлось, а как в следующий раз сложится, один Бог знает».

У плотника Петра была своя правда, а у князя Владимира Мономаха — своя.

Когда-то Владимир Всеволодович отказался от завещанного ему отцом великого княжения. Это

был с его стороны жест доброй воли — Мономах посчитал, что, если примет киевский стол, тотчас последует новая вспышка междоусобных войн. Потому вместо себя посадил он в Киеве двоюродного брата Святополка Изяславича и действительно на какое-то время добился этим мирной передышки. А не провозгласи он его великим князем, тот наверняка пошел бы на него, Владимира, с ратью. Нет, Мономах не раскаивался в своем решении. Он все сделал правильно и, как мог, сплотил, сдружил русских князей, созвал их на съезды, убедил сообща собрать войско и выступить в совместный поход против половцев.

Мономах не жалел усилий, чтобы предотвратить межкняжеские распри. Поэтому он готов был поступиться личными интересами, как сделал это и в 1094 году, без сопротивления отдав Олегу Святославичу Чернигов.

Ради единства Руси Владимир Всеволодович шел на жертвы, усмирял самолюбие, давил в себе гнев, забывал про собственные амбиции. Ведь цель того стоила.

Мономах умел заглядывать в будущее, предвидеть ход событий. Время доказало его историческую правоту. В 1113 году он со всеобщего согласия примет великое княжение, пресечет своеволие отдельных князей, уймет алчных ростовщиков, вызвавших неумной погоней за барышом народное возмущение, и будет править крепкой рукой. Встав во главе объединенных русских сил, он сокрушит половцев и, замилив

Русь, станет истинно старшим князем, которого почитали и власть которого не оспаривали. Он прожил хорошую жизнь, насколько человеческая жизнь может быть хорошей. Она была наполнена усердием и трудом, преодолением искушений и молитвами, ратными подвигами и успехами. Он работал не на себя, а на свою страну. Он был в мире с собой, в мире с людьми, в мире с Богом.

Своим детям Мономах оставит «Поучение» — блистательно написанное напутствие с рассказом о собственной жизни и простыми, исполненными опыта и мудрости советами, как властвовать и держать других в повиновении, как строить отношения с людьми, как воевать, не посрамив своей чести, и как оставить по себе добрую память.

Сам он прожил славную жизнь и мог послужить примером идеального правителя Руси, сочетавшего в себе лучшие качества христианина: любовь к ближнему, крепость в вере, преданность долгу, великодушие, мужество, щедрость, трудолюбие. Еще и после его смерти, когда великое княжение перешло к сыну Мономаха Мстиславу Владимировичу, по словам летописца, «все русские князья жили в тишине, не смея один другого обидеть».

А что же стало с семьей плотника Петра? Как ни страшно было, он с женой и детьми пустился в дальнюю дорогу. Арина от кого-то слышала, что тех, кто подался в новые края, всюду подстерега-

ют опасности: и дикие звери могут напасть, и от разбойников нет спасения.

«По мне лучше волк с медведем, чем половцы, — отвечал на это Петр. — А грабители, Бог даст, нас с малыми детишками не тронут. Что у нас с тобой брать-то? Стало быть, и говорить не о чем. К тому же что всякие слухи собирать. Знаешь же, что у страха глаза велики. Едем, и не бойся ничего».

Но легко сказать «едем». А как ехать? Денег нет, лошади нет, провизии в дорогу тоже нет.

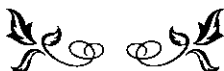
К счастью, нашелся покупатель на дом. Это было хорошее, крепкое строение. Его еще дед Петра ладил и сделал все на совесть. И Петр свой дом содержал в порядке: подновлял, перестилал крышу, вместо двух покосившихся ступенек крылечко с резными перилами, тесовым навесом и нарядной лесенкой смастерил. Все свое плотницкое умение в эту работу вложил. Так что дом был на славу — любо-дорого посмотреть. Неудивительно, что Петру удалось продать его быстро, без особых хлопот и не по самой низкой цене.

И еще повезло Петру в том, что встретил он на базаре знакомого печника, который со всем своим семейством тоже решил перебираться на новые земли. Тот предложил ехать вместе. Оно, дескать, и веселее, и безопаснее, и дешевле.

«Я человек бывалый, — говорил печник. — В новые земли уже не раз ездил, что и как там, знаю. Будем друг дружки держаться и помогать друг другу, не пропадем и вернее доберемся».

Вот так и отправились обе семьи в путь-дорогу и не без приключений, но доехали до города, который им обоим приглянулся и где, как выяснилось, требовались умелые рабочие руки. Там они и осели. О половцах местный люд слышать слышал, но сами они туда не наведывались. И решили плотник с печником, что им с женами и детишками тут самое место, и начали потихоньку обзаводиться хозяйством да строить новую жизнь.

**ЗА ГОРАМИ,
ЗА МОРЯМИ**

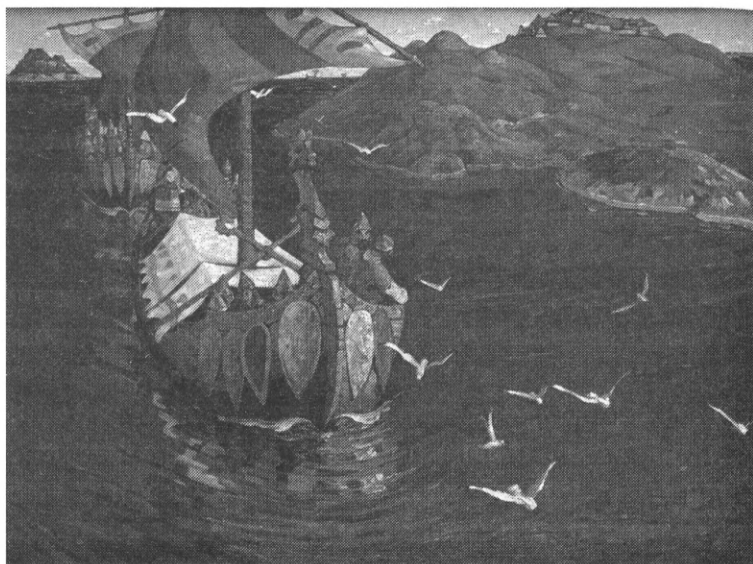

Южные славяне, как и западные, опередили восточных собратьев в создании государства. Племена полян, древлян, кривичей, вятичей и другие еще вели во многом первобытный образ жизни, а за Дунаем, на Балканском полуострове, уже образовались княжества, превратившиеся позднее в царства и королевства.

Как бы ни разбросало славян по Европейскому континенту, культурные связи между ними не прерывались, и об этом красноречиво свидетельствуют очень схожие по образам и сюжетам произведения устного народного творчества. Общность русского, украинского, белорусского фольклора с болгарским, сербским, хорватским или боснийским очевидна, и это доказывает, что даже при географической отдаленности контакты между братскими народами не прекращались. Они поддерживались через торговлю, обмен посольствами и военно-политические союзы. Играло здесь свою роль и то, что южные славяне входили в зону геополитического кон-

Н. Перх. Заморские гости. 1901.
Государственная Третьяковская галерея, Москва

троля со стороны могущественной Византийской империи, а восточные — так или иначе (когда мирно, когда нет) с ней соприкасались.

Древние русичи (предки нынешних русских, украинцев, белорусов) в долетописные времена исторические сведения получали в устной форме. И о том, что делается в мире вообще и в других славянских землях в частности, они узнавали прежде всего из пересказов со слов самовидцев (очевидцев, сведущих людей). Но, переходя по цепочке от одного к другому, передаваясь из поколения в поколение, даже первоначально более или менее достоверная информация искажалась,

обрастала баснословными подробностями, постепенно трансформируясь в сказки, былины, притчи.

Из русских народных сказок хорошо видно, как реальная история преломилась в фольклоре. Трудно, конечно, понять, о каких странах и народах идет речь, так как адрес чужедальной стороны почти постоянно весьма неопределенный: «за морями, за горами» или «в некотором царстве, в некотором государстве». Описания природы и приметы пейзажа тоже довольно расплывчаты: «Ехали-ехали — посреди моря остров виднеется, на том острове стоят горы высокие...»

Попадая за границу, герои сказок не чувствуют дискомфорта. Можно подумать, что все они — полиглоты, потому что не испытывают трудностей, оказавшись в иноязычной среде, не сталкиваются с проблемой перевода. Допускать же, что все их маршруты лежали исключительно в славянские страны, где местное наречие было доступно пониманию, тоже не приходится.

Тем не менее, вполне вероятно, что под большей частью заморских царей и цариц, королей и королев, принцев и принцесс имеются в виду именно южно- или западнославянские. Конечно, это только догадка, но она хотя бы чисто географически-страноведчески представляется правомерной и совместимой с тем реальным внешним кругом общения восточных славян, который известен из исторических источников.

Дальность расстояния в сказках обычно пере-

дается ссылкой на количество затраченного времени для того, чтобы добраться до цели: «Едут день, и два, и три...», потом делают остановку и снова «едут день, другой и третий», и так несколько раз, пока не достигнут моря. Теперь путешествовать предстоит по воде: «И собрались они морем ехать; нагрузили корабль разными... вещами, сели и пустились по морю. Плывут день, и другой, и третий...» Далее ситуация повторяется: пристав к берегу, путники отдыхают и вновь устремляются в дорогу.

Иногда описание не сопровождается отсчетом дней, а просто говорится: «Между тем корабль плыл да плыл, пока не приплыл».

Порой в сказках преодоление пространства и времени становится той чудесной задачей, которую должен решить герой. Баба-яга, когда он обращается к ней за помощью, «дает направление»: «Ступай за столько-то морей, за столько-то земель».

Насколько далеко находятся южнославянские царства-государства, подчеркивается отдельно. Об этом можно судить, например, по тому, что Южный ветер, когда у него спрашивают, как долг путь до тех земель, отвечает: «Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись, а я повею — в три часа доставлю».

Нет сомнения в том, что сказочный и исторический мир не разделены глухой стеной, и фольклорные повествования содержат кладезь интересных и важных сведений о славянских древно-

стях, которые со временем ученые обязательно извлекут на свет и сделают широким достоянием. Если задуматься, миф — это реальность, ставшая легендой, а легенда, в свою очередь, служа как бы моделью, образцом, тоже может стать или реальностью, или утопией.

Не подменяет ли наше восприятие прошлого само прошлое? Не восстанавливают ли порой ученые мужи это прошлое не столько таким, каким оно было, сколько каким они его представляют? Увы, зачастую история — не реальность прошлого, а всего лишь его иллюзорная реконструкция из сегодня. С неизбежными искажениями, произвольными толкованиями, умолчаниями, преувеличениями, мифами, стереотипами.

Историки не любят признаваться, а тем более расписываться в собственном бессилии. Но что это меняет? Историческая наука со всеми своими прежними наработками и современными активностями освоила лишь несколько крупинок в несоизмеримом с ее пока еще очень скромными возможностями бесконечном пространстве с мегамассивом событий, фактов, явлений, процессов, коллизий минувших столетий. Вот почему, чем глубже, смелее, увереннее вгрызаются исследователи в ткань прошлого, чем сильнее ворошат его вещественные следы, тем с большим числом новых загадок и тайн сталкиваются. Коэффициент погрешности присутствует, вероятно, в любой авторской истории, в подкупающе

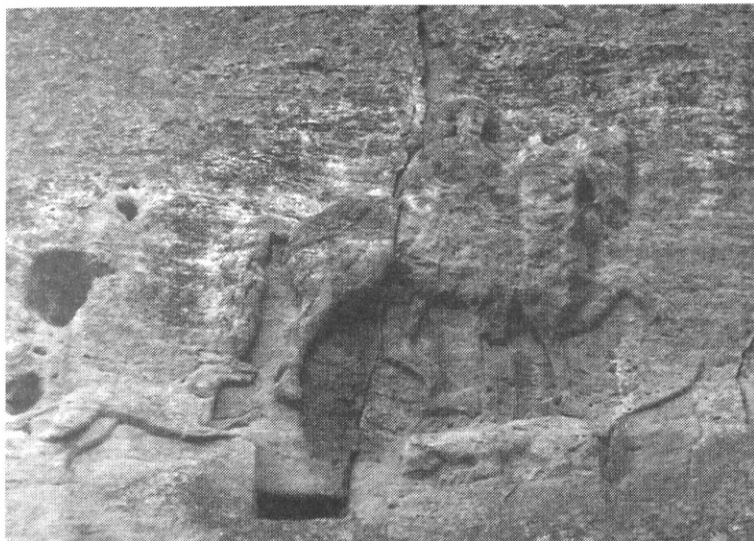
убедительной версии и гипотезе. Если даже свидетельства очевидцев не избавлены от предвзятости или фактических неточностей, так как и память подводит, и сама человеческая природа несовершенна, то зафиксировать задним числом ход времени, отобразить прошедшие давным-давно месяцы и годы, пропустив их через причудливый фильтр сознания, — это, так или иначе, всего лишь интерпретировать историю.

И очень может быть, что сегодняшнее освещение языческой старины и славянских древностей на страницах иных фундаментальных трудов гораздо дальше от истины, чем привычно кажущиеся сейчас невероятными, чисто фантастическими предания и легенды, картины и образы, отложившиеся в эпосе.

Мадарский всадник

На отвесной скале высечена величественная фигура всадника. Этому наскальному рельефу уже тысяча триста лет, и он напоминает о времени становления древнего Болгарского государства. Словно послание из прошлого, высоко вознесся конный воин над подножием скалы, соединив минувшее и настоящее.

Сегодня Мадарский всадник — так называется чудом уцелевший памятник — национальное сокровище Болгарии, единственное в своем роде произведение Старого Света, и закономерно, что

Мадарский всадник. Археологический памятник.
Ок. 710. Болгария

оно внесено в список мирового наследия, куда вошли шедевры исключительного историко-культурного значения.

Однако обо всем по порядку.

Этническая история болгар восходит к легенде о трех братьях-скифах, приводимой в «Хронике» ученого мужа XII века Михаила Сирийца (Старшего). По имени одного из братьев — Булгариоса (в греческой транскрипции) будто бы и была названа прилегающая к Понтийскому морю область, известная сегодня как Болгария.

Ближе к реальности другое объяснение: дальние предки современных болгар — придунайские славяне, но сам этноним (имя) этому народу дало

влившееся в него в первой половине VII века тюркское племя болгар, пришедшее с Востока, из Приазовья.

На исторической сцене праболгары (иначе протоболгары) появляются, согласно письменным источникам, не ранее IV столетия. Из степей Юго-Восточной Европы и Северного Причерноморья одна их часть во главе с ханом Кубратом выдвинулась в район Камы и Средней Волги, где и осела, дав начало Волжской Болгарии, или Булгарии; другая часть степняков (их вел сын Кубрата Аспарух) отвоевала себе жизненное пространство в Южной Бессарабии, а затем и в подвластных Византии землях по правому берегу Дуная.

В настоящее время болгарские историки наряду с тюркской допускают принадлежность протоболгар к ираноязычной языковой группе, и эта версия сейчас также присутствует в научной литературе.

Об основателе раннеболгарского государства (681) хане Аспарухе достоверных сведений очень мало. У византийских историков, которые пишут о нем, нет даже того биографического минимума, который обычно позволяет составить примерное представление о той или иной личности. Правда, болгарская живопись, литература, опера, балет, театр и кинематограф восполнили этот пробел, но насколько художественный образ расходится с историческим прототипом, судить сложно. Нет сомнения в том, что юность и молодость хана прошли в кочевьях и военных походах, и юрта и

кибитка были ему более привычны, чем постоянный домашний очаг. Впрочем, по новейшим данным, общепринятая информация о протоболгарах как о дикарях-кочевниках, возможно, не соответствует действительности. Они находились на сравнительно высокой стадии развития, свидетельством чему построенные ими задолго до переселения на Балканы крупные города, остатки которых обнаружены археологами.

В борьбе за место под солнцем степняки приобрели репутацию жестоких и беспощадных завоевателей. В дороге они не знали усталости, а в сражении — страха, воде и молоку предпочитали якобы живую кровь, и это придавало им особую силу и выносливость.

Свирепый и властный, Аспарух на деле доказал, что умеет воевать и подчинять, объединять и договариваться. Он нашел общий язык с союзом семи местных славянских племен. Победы его дружины над византийским войском стяжали ему авторитет и славу главного князя. Первостроитель Болгарского государства со столицей в Плиске, он заложил его военную силу и передал своему преемнику Тревелу фактически безраздельную власть. При этом он наставил его придерживаться завета мудрого Кубрата, которого сам твердо придерживался: не допускать разлада между сыновьями и наследниками, потому что, если они не будут держаться вместе и стоять заодно, их поодиночке уничтожат враги. Аспарух хорошо помнил, как в свое время ему и

братьям отец преподал хороший урок. Велел принести охапку прутьев и, вытащив ветку, легко сломал ее. Потом взял всю вязанку, но, сколько ни гнул, она выдержала. «Вот видите, — сказал Кубрат сыновьям, — будете порознь — не уцелеете, а вместе вы — сила, и никому вас не одолеть».

После Тревела недюжинным полководцем, разбившим близ крепости Маркеллы (792) большое византийское войско, проявил себя хан Кардам.

В VIII—IX столетиях Болгарское государство быстро развивается и крепнет. Оно не только занимает прочные позиции на международной арене, но и напрямую вмешивается во внутренние дела Византии и заставляет считаться с собой порубежную на Западе империю Карла Великого. Существенное приращение границ (с включением Сердики (теперь София), современной территории Румынии и части Венгрии) происходит при ханах Круме и Омортаге.

Крум (802—815) — человек с железной хваткой, искусный полководец и сильный политик. Ни в военном, ни в дипломатическом единоборстве с ним Константинополь не может взять верх. Византийский император Никифор недооценил ни Крума как противника, ни степень опасности, которую представляла собой Болгария при открытом столкновении с ней. Взяв и разграбив Плиску, греческий монарх решил, что нанес непоправимый удар. Однако при возвращении византийское войско было наголову разбито болгарами в гор-

ных проходах. Сам император был убит, пали в сражении множество его стратегов и приближенных, число пленных и количество трофеев достигли рекордных цифр. Никогда еще Византия не терпела подобного поражения. Это была настоящая военная катастрофа. В ознаменование своего триумфа Крум повелел отрубить мертвому Никифору голову, высушить и очистить ее, а затем из окованного серебром черепа и сам пил вино, и гостей заставлял отведать из этого зловещего кубка.

Победоносно для Крума закончились и военные столкновения Болгарии с аvaraми. Некогда авары держали в страхе весь окружающий мир, и хан пытался понять, почему счастье на поле брани теперь им изменило. Боясь спугнуть собственную удачу, Крум допытывался у пленных аваров, где их прежняя сила. И они откровенно поведали ему, что некогда могущественный Аварский каганат сгубили четыре беды: мздоимство, пьянство, клеветничество и рост социального неравенства. Услышав эти признания, болгарский правитель, если принимать на веру достаточно апокрифические свидетельства, крепко призадумался и решил не допустить в своей стране нечто подобное. С этой целью он издал призыванные защитить государство законы. Князь упорядочил и ужесточил судопроизводство, ввел особо суровые наказания за воровство, а для пресечения пьянства пошел на крайнюю меру: приказал вырубить в Болгарии виноградники.

Готовясь окончательно восторжествовать над Византией, Крум предпринял два похода на Константинополь, но не преуспел в своем намерении. Тогда он затеял третий поход, который во что бы то ни стало собирался завершить взятием имперской столицы. Одних только осадных машин для штурма города у болгар было не менее пяти тысяч.

Но в самый разгар новой военной кампании болгарский хан внезапно умер. Обстоятельства его смерти окутаны тайной. Какой бы невероятной и нелепой ни казалась сообщаемая источниками версия, что это было сакральное убийство, похоже, так вполне могло произойти. Твердо державшийся старых обычаев, в соответствии с которыми для блага соплеменников необходимо отправлять «на небеса» самых лучших, Крум если и не добровольно согласился на собственное ритуальное умерщвление, то и не воспротивился и не воспрепятствовал ему. Скорее всего, это всего лишь легенда, и на самом деле он пал жертвой придворного заговора, оставаясь в полном неведении о том, что против него замышляют. Все же то, что он покорно дал принести себя на заклание, словно некую священную корову, не слишком вяжется с его кипучей натурой. Ближе к истине представляется скоропостижная смерть Крума от удара (инсульта), а еще большее доверие вызывает факт его гибели в сражении. Об этом тоже есть глухое упоминание в источниках, и, пожалуй, именно такой финал бурной жизни

болгарского властителя выглядит довольно убедительно и не противоречит реальности.

Сын и наследник Крума Омуртаг (814—831), руководствуясь в отношениях с Византией принципом: «Худой мир лучше доброй ссоры», отказался от проводимой отцом политики конфронтации с империей в пользу добрососедства и союзнических обязательств. Он приходит на помощь императору Михаилу II в подавлении крупного восстания под предводительством Фомы Славянина. Намечается и заметный поворот Болгарии в сторону чуждого ей прежде христианства, что исподволь подготовило почву для последующего принятия православной веры.

Омуртаг перенес столицу страны к подошве Балканских гор в новопостроенный город Преслав (821). Замирение с Византией развязало болгарскому правителю руки и позволило активизироваться на севере от Дуная, проникнув в Молдавию и Валахию. Есть сведения, что в то время болгары провели разведку боем и в Южную Русь, достигнув берегов Днепра. При Омуртаге Болгария закрепила за собой часть Средней Македонии и земли между Дунаем и Савой (область Срема), которые сейчас поделили Словения и Хорватия.

Монументальным напоминанием о древней, тринадцативековой давности Болгарии и стал знаменитый Мадарский всадник — наскальное изображение конного воина, пронзающего копьем льва.

Мадарское плато находится на северо-востоке страны, на участке Дунайской равнины между городами Варна и Шумен. Именно здесь разворачивались первые столетия болгарской истории.

Памятник создан в самом начале VIII века, вскоре после основания раннего Болгарского государства, своеобразной эмблемой которого он стал.

Кого из первых правителей страны представляет этот монумент? Кто из них гордо восседает на коне в полном сознании своей силы и могущества?

Возможно, это наследовавший власть после Аспаруха Тревел. Ведь он получил признание Византии, удостоился титула кесаря и имел право на императорские почести.

Но одна из надписей на скале упоминает имя Крума, и есть предположение, что это он запечатлен на Мадарском рельефе.

Мы не располагаем портретами персонажей ранней болгарской истории и не знаем, как выглядел тот же Тревел. Был ли он высоким, статным, величественным или грузным, неуклюжим, с маленькими глазками из-под тупого бычьего лба?

Не правильнее ли считать, что памятник олицетворяет всех видных создателей болгарской государственности начиная от Аспаруха? Ведь каждый из них внес свой немалый вклад в будущее народа и страны.

Больше не хан

С Аспаруха традиционно начинают историю так называемого Первого Болгарского царства (681—1018) — крупного государственного образования на севере Балкан, отвоевавшего эту территорию у могучей Византии.

Во второй половине IX века центральная власть удерживает ключевые позиции в стране, хотя для этого ей приходится проявлять гибкость и лавировать, что хорошо просматривается на политике хана Бориса, которого, в отличие от предшественников, уже называют князем или даже царем, о чем речь впереди. В столкновениях с Византией его войско терпит серию поражений, обострение отношений Болгарии с хорватами и восточными франками выливается в военные конфликты, но Борис — истинный мастер компромисса. Казалось бы, ему уже не миновать силков и ловушек, которые щедрой рукой расставила перед ним история, но на вызовы и риски он находит адекватные ответы; когда надо, выжидает, но ровно столько, сколько нужно, и тут же переходит к действиям. Борис — хороший дипломат. Он расчетливо идет на уступки своим противникам, чтобы потом извлечь из них выгоду, и вот уже вчерашние недруги сегодня становятся его союзниками.

Его, пожалуй, не назовешь мудрым правителем, но в разумной осторожности и дальновидности ему не откажешь.

Князь Болгарии Борис

Правитель Болгарии умеет учиться на своих ошибках и извлекать уроки из неудач и просчетов собственных врагов. Так, ему хватает благоразумия отказаться от намерения взять военный реванш у Византии, когда он получает от императрицы Феодоры следующее послание: «Если ты восторжествуешь над женщиной, слава твоя не будет стоить ничего; но если тебя разобьет жен-

щина, ты станешь посмешищем целого мира». Борис счел за лучшее сохранить с империей мир, и это, безусловно, осмотрительное решение.

С именем Бориса связано крещение Болгарии в 864—865 годах. Однако, принимая православие как официальную религию, он стремится не допустить усиления политического влияние на новое христианское государство Константинополя. И тут как по заказу возникают серьезные разногласия с греческим патриархом Фотием — чем не повод заявить, что вера верой, а поступаться своей самостоятельностью Болгария вовсе не собирается? Тем же, должно быть, объясняется церковно-дипломатический реверанс в виде четырехлетней унии в сторону папы римского Николая I. Это была смелая демонстрация независимости и собственных амбиций, что стало существенной предпосылкой скорого получения болгарской епархией широкой автономии от уже нового константинопольского патриарха Игнатия.

В Болгарии всегда особо чтили и выделяли двух светочей православия — святых равноапостольных братьев-просветителей Кирилла и Мефодия (в миру Константина и Михаила). Деликатный вопрос об их, выражаясь современным языком, национальной принадлежности до сих пор остается спорным, поскольку не только болгарам было бы лестно в своем прошлом иметь таких славных и знаменитых соотечественников. Нередко, чтобы никого не обижать, ученых монахов в духе ны-

нешней политкорректности обтекаемо именуют славянскими просветителями или выходцами из славянской семьи, осторожности ради не уточняя, к каким именно славянам относились эти уроженцы греческого города Солуни (теперь Салоники). Где же, спрашивается, историческая правда?

Можно, конечно, вслед за некоторыми историками этнически идентифицировать Кирилла и Мефодия как македонцев из Солуни. Но легко найдутся источники, где оба брата названы вовсе не славянами, а протоболгарами, ведшими свой род от тех воинов, с которыми некогда пришел на Балканы хан Аспарух. И эта версия тоже имеет право на существование как альтернативная.

Слава богу, что солунские братья — не бренд, на который распространяется монопольное владение. Они принадлежат всем, кто пользуется созданной ими замечательной азбукой. А что касается Болгарии, то заслуженные лавры колыбели славянской культуры и письменности, конечно, остаются при ней.

С Бориса (в крещении Михаила) принято вести счет болгарских царей. Он больше не хан, а князь, но не менее часто его титулуют царем, и в историю он вошел сразу в трех ипостасях.

Как креститель страны Борис был причислен к лику святых и занял подобающее место в агиографической литературе, в которой неизменно выступает как добрый и примерный христианин. Отныне он словно соткан исключительно из до-

бродетелей. Грехи и пороки остались в прошлом, и теперь стараниями церкви Борис-Михаил представлен только одной краской: сплошной небесной лазурью. В такого рода жизнеописаниях воспевание и идеализация канонизированной личности — норма. Возможно, православное рвение Бориса несколько преувеличено, и он не был столь усердным богомольцем, каким предстает в своих церковных биографиях, но есть и непреложные факты, как, например, то, что на склоне дней царь добровольно отрекся от трона в пользу сына Владимира и удалился в монастырь. Он и до этого будто бы носил под царским облачением вериги и истязал плоть жесткой власяницей. Преемник, однако, не оправдал ожиданий отца и доставил ему тяжелые переживания, попытавшись покончить в Болгарии с христианством. Примириться с этим Борис не мог и вернулся к власти. Он изгнал Владимира (в наказание тот был ослеплен), восстановил нарушенное им положение дел, а позднее вверил престол уже другому сыну — Симеону, доказавшему свою крепость в вере Христовой. Сам же Борис вторично уединился в монашеской келье и умер в святой обители.

У трех морей

При Симеоне наступает поистине золотой век Первого Болгарского царства. И здесь без боязни преувеличить роль личности в истории есть смысл

Первый царь Болгарии Симеон I Великий

подчеркнуть, как много значит, что бразды правления страной взял в свои руки именно он.

Выросший при императорском дворе в Константинополе, получивший там образование и воспитание, Симеон знал о Византии все, что ее правители предпочли бы держать в тайне, предвидь они, какую угрозу будет представлять для

них готовившийся к принятию духовного сана сын болгарского князя Бориса.

В Константинополе Симеон оказался еще в детстве на положении если не заложника, то близком к тому. Греки вынашивали планы целиком подчинить мальчика своему влиянию, поскольку, по их сведениям, отец со временем прочил сделать его архиепископом, стоящим во главе болгарской церкви.

Однако Симеон спутал им карты, и события стали развиваться совсем по другому сценарию.

Еще в юности будущий правитель Болгарии постиг действие сложного механизма высшей власти в Византии со всеми его тайными пружинами, интригами, ухищрениями и приемами. Он до деталей разбирался в дипломатической кухне Константинополя, почти досконально вник в стратегию и тактику греческого войска. Пожалуй, не было такого секрета империи, которым он не владел или ключи к которому при желании не подобрал бы. И разумеется, придя к власти, Симеон с лихвой реализовал против Византии накопленные преимущества и тот потенциал, которым располагал. Его высокая посвященность в дела империи вышла ей боком, а Болгария в своем единоборстве с давним соперником лучшего и более компетентного резидента, чем Симеон, и пожелать себе не могла.

Что же стоит за понятием «Симеоновская Болгария»? Какие свершения приходятся на три десятилетия, когда во главе государства был этот правитель?

Если сравнить карту страны времен Бориса и Симеона, то сразу бросается в глаза, как значительно увеличилась ее территория. Тридцать лет непрерывных войн с Византией обеспечили Болгарии выход сразу к трем морям: помимо Черного, еще и к Эгейскому и Адриатическому. Византия не только была почти вытеснена с Балкан, но и беспрецедентно ужата, лишившись многих земель. Поначалу успех не сопутствовал болгарам в борьбе с империей, но позднее их войско неизменно одерживает верх над противником. Единственное, что препятствовало Симеону до конца развить военный успех и овладеть Константинополем, — это отсутствие флота. Он пытался воспользоваться египетскими боевыми кораблями, но арабы оказались ненадежными союзниками. К тому же в болгаро-византийское противоборство постоянно втягивались третьи силы. Так, на стороне империи действовали венгры и хорваты, а Симеон заручился поддержкой печенегов. В войну была вовлечена и союзная грекам Сербия, однако, проводя старую как мир политику по принципу «разделяй и властвуй», правитель Болгарии расколол сербов и включил их страну в состав своего государства.

Самой громкой победой Симеона и вместе с тем сокрушительным поражением византийцев была битва на реке Ахелой в 917 году. Теперь Преслав диктовал Константинополю условия мира, которые ставили Болгарию в исключительно выгодное положение во всех отношениях. Важным событи-

ем стало провозглашение архиепископа Болгарии патриархом (919). О запрете болгарам торговать в византийской столице, из-за которого, собственно говоря, и вспыхнул первоначальный военный конфликт, больше не было и помину.

Симеон официально принял пышный титул «царь болгар и ромеев (греков)». При византийском дворе на торжественных приемах болгарским послам отныне отводили самое почетное место, которого не достаивались даже легаты Священной Римской империи. Заключение брака между своим сыном Петром и внучкой византийского императора Симеон еще более поднял международный престиж Болгарии. Великолепием дворцов, храмов, убранством города, всем архитектурным обликом стремительно растущий Преслав разительно походил на Константинополь, обещая даже со временем его превзойти.

Симеон вошел в историю страны как Великий. Его царствование — не только кульминация развития Болгарского государства в период раннего Средневековья, но и время культурного подъема страны, расцвета литературы и искусства, просвещения и православной духовности.

Смерть (возможно, он был отравлен греками) настигла царя в момент подготовки к очередному походу на Константинополь. Он так и не отказался от цели сокрушить империю ромеев и взять ее главный оплот.

После Симеона Болгария переживает не лучшие времена, страна утрачивает политическое

единство, и ни Петру, ни Борису II, ни последующим правителям не удается приостановить прогрессирующий распад Первого Болгарского царства. Причина этого ясна: тягаясь с могущественной Византией, Болгария истощила запас сил, непомерно росли налоги с населения на содержание войска, что ударяло прежде всего по интересам свободных общинников-земледельцев. Широкий протест крестьянства вылился в богомильство — народное движение с религиозной окраской против государственной православной церкви, которую богомилы обличали как прислужницу дьявола и воплощение зла.

Закатом Первого Болгарского царства воспользовалась Византия. Она придерживалась излюбленной тактики действовать не своими, а чужими руками. В частности, император Никифор II Фока привлек в своих интересах киевского князя Святослава, и тот пришел в Болгарию с русским войском, но настолько оттеснил там Византию, что император Иоанн I Цимисхий в ответ открыл боевые действия. В свою очередь Святослав, не желая допустить, чтобы им манипулировали из Константинополя, стал союзником болгар и обратил оружие против византийцев.

В XI веке последовало фронтальное завоевание Болгарии Византией. Господство империи продолжалось до освободительного восстания в стране, в результате которого на Балканах образовалось Второе Болгарское царство (1187—1396).

Труды и дни Иоанна Рильского

В современной Болгарии немало старинных, словно погруженных в минувшие века городов. Стоит спуститься в подземный переход в самом центре столицы страны Софии — и вы попадете в своеобразный музей древностей, где бережно сохранены фрагменты стен, сложенных из крупных, тщательно обтесанных белых каменных глыб. С этой кладкой почти полуторатысячелетней давности соседствуют сегодняшние модные бутики, торговые ряды, киоски с сувенирами, буфетные стойки, прилавки, и далее подземная галерея переходит в вестибюль станции метро «Сердика».

София, конечно, далеко не единственный болгарский город, в котором пространство и время смыкаются в такой степени, что, завернув в переулок, вы попадаете в другой век, а бросив взгляд через плечо, заглядываете в глубь тысячелетий.

Античные развалины, скульптуры и фрески Средневековья — не инородная, а органическая часть сегодняшнего урбанистического пейзажа Болгарии. Они гармонично вписываются в его контекст, в них закодировано гуманитарное содержание той эпохи, к которой они относятся и которую как вещественные символы ярко отображают.

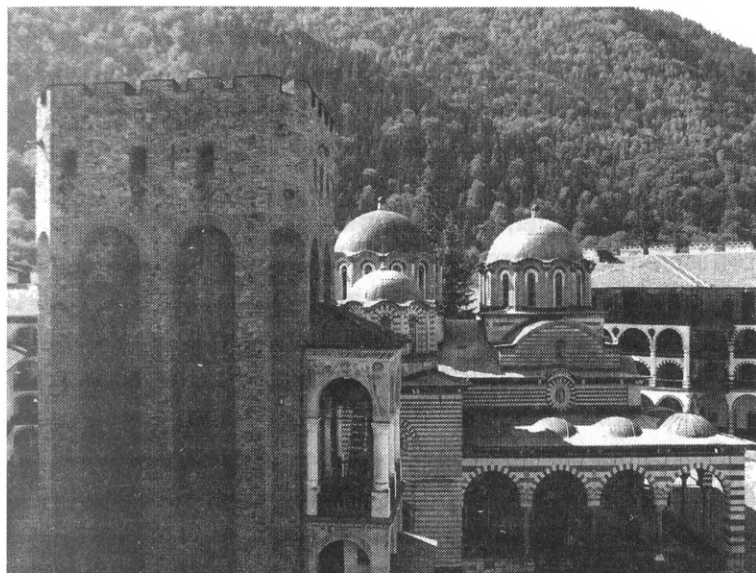
В Пловдиве и Велико-Тырнове, Варне и Шумене тоже уцелели целые архитектурные ансамбли и отдельные памятники материальной культуры, напоминающие о далеком прошлом. Но даже и

для Болгарии, которая изобилует следами незапамятной старины, древний город Несебр на берегу Черного моря — поистине уникальный. Здесь как бы встретились разные культурно-исторические эпохи: греческая и римская Античность, болгарское и византийское Средневековье, и, конечно, так или иначе отложились все последующие времена.

Есть места, где человек начинает остро чувствовать связь времен и свою глубинную причастность к истории. Несебр, безусловно, одно из таких мест. В этом городе витает дух столетий. Храмы и крепостные стены, каменные треугольные якоря и изваяния, колоннады и скульптурные изображения, надписи или просто несколько беломраморных обломков непонятого назначения настраивают на то, чтобы перенестись в воображении в VII век, когда Несебр назывался Мессемврией и представлял собой важную военную крепость Византии, грозный оплот империи, обеспечивавший ее оборону от пограничного болгаро-славянского государства. В 812 году, по свидетельству византийского хрониста Теофана, хан Крум приступил к Мессемврие «с боевыми и осадными машинами» и после 14-дневной осады взял цитадель.

Почти в течение полувека Несебр был уже опорным пунктом Первого Болгарского царства в борьбе с Византией, но в 863 году империя отвоевала эту крепость, и город вновь стал болгарским лишь спустя несколько столетий.

Рильский монастырь, Болгария

Еще один всемирно известный культурно-исторический комплекс Болгарии — Рильский монастырь. Он знаменит как духовная святыня, ценнейшая жемчужина, уцелевшая в неприступных горах под названием Рила, удивительное сокровище всего православного и христианского мира.

История Болгарии сложилась так, что если бы не монастыри, во время войн, нашествий, погромов и долгого владычества чужеземцев от болгарского культурного наследия ничего бы не осталось. Рильский монастырь — не первая, но древнейшая в стране обитель, ставшая оплотом православной духовности, хранительницей на-

циональной культуры. Позднее по образу и подобию Рильского закладывались другие монастыри, которые в годы иноземного господства были негасимыми очагами болгарского и славянского национального самосознания и просвещения, центрами культуры, где чтили и поддерживали старинные традиции, где хранились ценные рукописи, дорогие реликвии, иконы, церковное облачение и утварь. Почти в каждом монастыре были библиотека и сокровищница, иконописная мастерская и мастерская по переписке книг.

В монастырях болгары сберегли свое богатое духовное наследие, и они поистине стали для них убежищем добродетели, школой знаний, ковчегом мудрости, кладезем здравого мышления, помещищем смирения и кротости, оплотом твердости, кадилом святости.

Начало Рильского монастыря восходит примерно к середине X века. Его основали ученики и последователи великого праведника Иоанна Рильского (876—946) — одного из первых известных в Болгарии монахов-отшельников.

Сам он долгие годы жил в трудах и молитвах в пещере гор Рилы. В том, что о нем известно, реальное причудливо переплелось с легендарным, но таковы ведь все истории святых. Они немислимы без чудес и явлений, которые выше человеческого понимания. И в то же время при недоверности фактов, событий, поступков здесь присутствует поиск Добра и Смысла на пути к утверждению Духа, постижению высших хри-

стианских идеалов и ценностей, что тоже — часть истории и культуры.

Родился будущий преподобный покровитель болгарского народа в селе Скрино Средецкой области. Древний Средец — ныне София. Рано лишившись родителей, мальчик пристроился пастушком к чужим людям. Богатый хозяин не слишком жаловал беззащитного сироту и однажды избил его за то, что тот не уследил за коровой и теленком, которые куда-то исчезли и не вернулись вместе с остальным стадом. Иоанн долго искал животных, со слезами взывая к Богу о помощи. И — о чудо! — пропажа нашлась. Правда, теленок оказался вдруг на другом берегу реки, и, чтобы добраться до него, пастушок, доверившись силе Господней, бросил свою верхнюю одежду прямо в воду, начертал на ней крест и, ступая по сотворенному таким образом чудесному мосту как посуху, благополучно перенес теленка туда, где уже была корова.

Очевидцем происшествия был прятавшийся за деревом богач, уже не чаявший вернуть свою скотину. Поняв, что мальчика, которого он взял в услужение, защищает сам Всевышний, хозяин решил от греха подальше отпустить пастушка на все четыре стороны, предварительно щедро вознаградив и не столько по доброте душевной, сколько из боязни наказания небесного за прежнее грубое обращение с сиротой.

Но деньги не прельстили мальчика. Раздав их и все, что у него было, он ушел из родного села в намерении всецело посвятить себя Богу.

Предания об Иоанне Рильском не содержат сведений о том, где, когда и как принял он иноческий постриг. Известно лишь, что первоначально он поселился на высокой горе, построил там себе из хвороста и других подручных материалов хижину, больше похожую на шалаш. Питался он лишь дикими растениями и всякими кореньями. Но даже из этого жалкого убежища как-то глухой ночью его с бранью и побоями изгнали разбойники. Новым приютом Иоанна стала глубокая пещера.

Вскоре к одинокому молитвеннику присоединился разыскавший его юный племянник Лука. Прослышав о праведной жизни дяди, он тоже возжелал встать на путь душевного спасения, и, убедившись в благих помыслах Луки, Иоанн с любовью принял его. Вместе они проводили время, живя в великой скудости, довольствуясь малым, неустанно предаваясь молитвам. Вероятно, все так же шло бы и дальше, если бы Луку силой не забрал из пещеры его отец — брат Иоанна. Но до дома юноша не доехал. Он умер по дороге от укуса змеи, и убитый горем родитель усмотрел в этом наказание за то, что оторвал сына от праведного служения Господу. Он раскаялся и пришел к брату просить прощения, которое получил.

Прошло несколько лет. Иоанн перебрался в пустынное место в горах Рилы, сменив пещеру на дупло могучего дерева. Он изнурял плоть, живя в великой тесноте и держа непрерывный суровый пост: ничего не ел, кроме травы, и целыми днями

истово молился. Согласно легенде, в награду за такое усердие и крепость в вере Господь насадил среди обычных диких растений бобы, и, питаясь ими, отшельник избежал верной смерти от истощения.

Долгое время Иоанн жил один-одинешенек, ни с кем не общаясь, полным анахоретом. Его подвижническая жизнь была никому неизвестна, и он не тяготился своим уединением, молясь и оплакивая страдающий от горестей, бед, недугов и напастей род человеческий.

Люди узнали о пустынноике случайно. Однажды чем-то напуганная отара овец беспорядочно рассыпалась по горным стремнинам и бежала до тех пор, пока не остановилась на исходе сил как раз там, где жил отшельник. Уставшие пастухи, преследуя стадо, наткнулись на Иоанна, а он встретил их радушно, гостеприимно и, так как они были очень голодны, предложил им отведать бобов. Те не заставили себя упрашивать и, хоть съели немало, быстро насытились. Один из них украдкой нарвал бобов про запас и припрятал. Когда, пустившись в обратный путь, пастухи сделали привал, он извлек из мешка свою добычу и стал угощать товарищей. Однако, ко всеобщему удивлению, стручки оказались пустыми, без зерен. Поняли пастухи, что украденное не пошло впрок, и с раскаянием вернулись к старцу. А он их словно ждал. «Видите, дети, — сказал Иоанн, — эти плоды назначены Богом для пропитания пустынного и насыщают только страждущих».

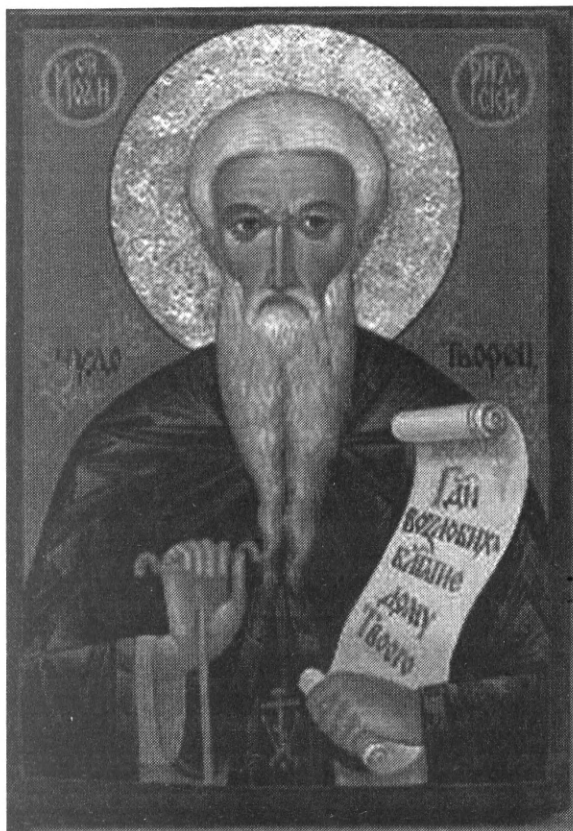
Благодаря пастухам весть об отшельнике-чудотворце разнеслась по округе, а потом чуть ли не по всей Болгарии.

Добрый пастырь

Почти полвека прожил добрый пастырь затворником, но пришло время открыть свое сердце навстречу людям. К старцу началось настоящее паломничество. К нему шли за помощью и советом, больные искали у него исцеления, к старцу приводили хворых и недужных в надежде, что он их излечит. Он плакал вместе с ними, горячо молился, со слезами на глазах уверял, что он такой же, как они, слабый, немощный человек, и лишь Господу дано принести утешение и выздоровление.

И Всевышний, будто бы внимая словам Иоанна, являл свою милость: слепые прозревали, горбатые распрямлялись, глухие обретали слух, страдающие от бесплодия женщины беременели, умалишенные приходили в разум...

Молва о чудесном отшельнике превратила смиренного старца в народного целителя и врача-целителя, которому все по силам. Если раньше путь к нему лежал через непроходимые дебри и не всякий решался идти в рильскую глушь в страхе перед дикими зверями, то теперь на месте прежде пустынного обиталища кипела жизнь: там, где еще недавно не было ни троп, ни дорог, пролегли прорубленные посреди дикой лесной чащи про-

Святой Иоанн Рильский

секи, а нескончаемый поток людей, жаждавших встречи со старцем, не только не иссякал, а, наоборот, увеличивался. Даже сам болгарский царь Петр, сын Симеона Великого, прослышав об Иоанне, пожелал увидеть чудотворца. Но тот уклонился. «Скудоумный худой монах недостойн видеть лицо царское», — написал он правителю.

История ясновидящей бабы Ванги, относящаяся уже к нашему времени, показывает, как тяжела и обременительна может быть доля человека, наделенного необычными паранормальными способностями. Дар экстрасенса, которым, по видимому, в избытке обладал Иоанн, поставил его в крайне затруднительное, несовместимое с его нравственно-духовными представлениями и принципами положение. Не вынеся «смирада мирской славы» и безудержного нашествия уверовавших в его сверхчеловеческие возможности почитателей, Иоанн Рильский, дорожа нарушенным душевным покоем и устав от мирской суеты, тайно покинул древесное дупло, уже слывшее в народе священным, и, никем не замеченный, поднялся на высокую, почти отвесную скалу, крутизна которой отбивала охоту последовать за ним даже у самых отчаянных смельчаков. Он же, слабосильный и немощный, в свои преклонные лета, по преданию, взобрался туда исключительно по воле Божьей. Там прошли еще семь лет и четыре месяца подвижнической жизни Иоанна.

У него не было никакого укрытия. Он жил прямо под открытым небом, невзирая на дождь, снег, непогоду, холодный ветер, палящее солнце. Когда бодрствовал, молился, а когда усталость брала свое и он больше не мог взывать к Господу, ложился тут же на землю и короткое время спал.

Лишь на исходе своего века спустился старец со скалы к многочисленным ученикам и последователям, которые в чистоте и святости служили

Богу в созданной ими пещерной обители. Иоанн согласился стать их игуменом и пять последних лет жизни провел вместе с обретенными братьями во Христе.

Легко заметить, что жизнеописание Иоанна Рильского во многом перекликается с апокрифической биографией Сергия Радонежского. В этом нет ничего удивительного. Болгария как первая из славянских стран, принявшая святое крещение, служила образцом для православной Руси, и пантеон древнерусских святых неизбежно выстраивался, принимая черты и приметы из деяний болгарских угодников, ориентируясь на их достославные подвиги во имя Бога.

Иоанн Рильский — не только патрон болгарского народа. Он известен и почитаем в России. Так, уже давно этот святой считается покровителем города Рыльска Курской области. Сразу же приходит в голову, что и сам Рыльск назван по имени болгарского праведника с той разницей, что мягкое болгарское «и» в русском варианте заменило более твердое «ы». Возможно, это и на самом деле так, хотя есть другая версия: русский город, впервые упомянутый в летописи за 1152 год, обязан своим названием не святому Иоанну Рильскому, а восточнославянскому языческому божеству пробуждающейся природы и растительного мира Яриле. Сторонники этой гипотезы считают, что первоначально город назывался Ярильск, а позднее трансформировался в Ярыльск и просто в Рыльск.

Однако не исключено, что имя города связано все же с Иоанном Рильским. Известно, что в Россию из-за гонений и притеснений со стороны Византии перебрались многие десятки болгарских монахов и священнослужителей. Кто-то из тех, кто вынужден был покинуть родину, нашли пристанище в далекой Московии и основали, по одним данным, церковь, по другим — монастырь в честь святого Иоанна, десницу которого (правую руку) они привезли на место нового поселения — будущий город Рыльск. Тогда же протекающая здесь безымянная речка получила по имени болгарской «тезки» название Рила, преобразованное потом русскими в Рыло. До сих пор возвышенная часть города известна как гора Ивана Рыльского. Монастырь (или храм) до наших дней не дожил, утрачена и священная десница. Тем не менее в декабре 2006 года в Рыльске возведена часовня, посвященная Иоанну Рильскому, а в крипту единственного в городе Свято-Николаевского монастыря торжественно заложена частица мощей преподобного, доставленная непосредственно из болгарского Рильского монастыря, где хранится ковчег с прахом чудотворца.

Мнимая идиллия

Издrevле соседями болгар на Балканах были племена, которые собирательно именуют сербскими, но, строго говоря, они состояли из соб-

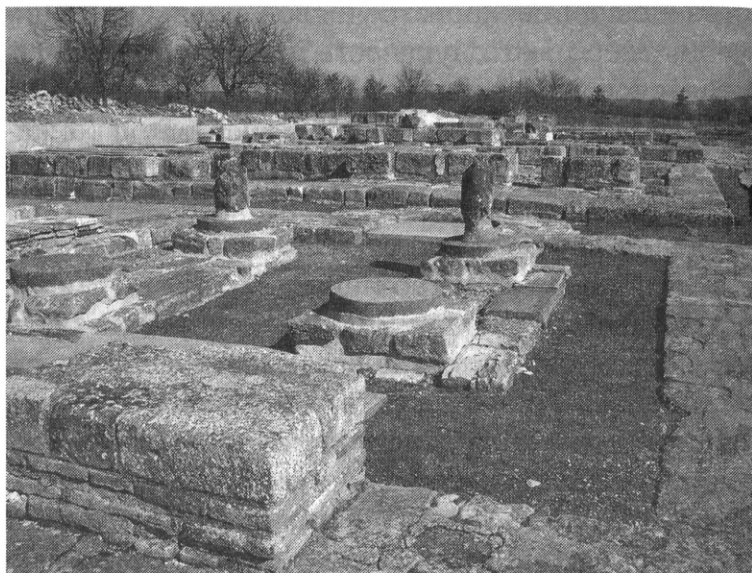

ственно сербов, хорватов и словенцев. Они занимали северо-западную часть полуострова, отстаивая свое право на эту территорию в борьбе попеременно с лангобардами, аварами, франками, германцами, Византией, Болгарским царством, Венгрией, Венецией и южноитальянскими норманнами.

Как связующее звено между Западом и Востоком, Европой и Азией Балканы неизменно были лакомым куском для ведущих государств и могущественных племенных союзов тогдашнего мира. Военное единоробство за доминирование на полуострове происходит в течение всего Средневековья и продолжается в последующие эпохи. «Кто господствует на Балканах, тот правит миром» — эта геополитическая формула Константинополя оставалась в силе много столетий и, пожалуй, не потеряла актуальности и сейчас.

Географические координаты Балканского полуострова говорят сами за себя. Он расположен в благоприятной климатической зоне на юге Европы и занимает площадь около 505 тысяч квадратных километров. Его омывают воды пяти теплых морей: Адриатического, Ионического, Эгейского, Мраморного и Черного.

Овладение Балканами и удержание их в своих границах было своеобразным силовым тестом, показателем внешнеполитических амбиций и состоятельности той или иной страны, ее роли и места на международной арене. Распространить свою власть почти на весь полуостров в период

Городские руины. Плиска, Болгария

раннего Средневековья удалось лишь Византийской империи и Болгарскому царству, но хронологически длительное время дележ Балкан сопровождался острым соперничеством противоборствующих государств, прирезавших себе земли вдоль морских побережий, плодородные равнины по Дунаю и другим рекам, а также в межгорных понижениях.

История южных славян знает времена, когда северо-восток Балкан находится на пике подъема и процветания (царствование Бориса и Симеона Великого в Болгарии), а северо-западную территорию полуострова хищнически рвут на части завоеватели.

Бывало и наоборот: северо-западный аванпост южного славянства настолько усиливался, что успешно противостоял внешней экспансии, а на северо-востоке происходило нечто противоположное. Так, в начале XI века от всебалканского государства, каким практически еще недавно была Болгария, остались лишь рожки да ножки.

Почему государственные образования у сербских племен приходятся на более позднее время, чем у болгар? Отчего развитие этих племен шло медленно, не претерпевая особой динамики?

Прежде всего причиной тому географический фактор. Преимущественно горный рельеф местности определял расселение сербов, хорватов и словенцев немногочисленными компактными группами — жупами, представлявшими собой смесь территориальных объединений и родовых союзов. Отсеченные друг от друга горными хребтами, бурными реками, скалистыми ущельями, лесами и озерами, южные славяне этой части Балканского полуострова как бы оказались разделены и разобщены самой природой, и эти естественные преграды, конечно, не могли не замедлять процесс складывания у них государства. Исключением было лишь далматинское побережье Адриатики, население которого заметно опережало в развитии своих соседей, что объяснялось сильным влиянием близлежащей (через море) Венеции.

Трудоемкость земледелия, затратность сил и времени на его освоение в условиях горного ландшафта существенно ограничивали отвод земли под пашню. Нередко приходилось выбирать, чему отдать предпочтение — культивированию злаков или садоводству и огородничеству. Расчистка подходящих площадей для посева и подготовка почвы требовали непрерывных коллективных усилий. Лишь постепенно, трудом многих поколений была заложена твердая основа для бесперебойного земледелия, но и тогда оно не стало доминантой в сельском хозяйстве, выступая на равных с давно и хорошо развитым (особенно в некоторых внутренних областях) скотоводством. Возможно, и слово «серб» первоначально означало «пастух», «охранитель животных».

Главная фигура сербского племени VI—VII веков — свободный крестьянин-общинник. Большая (до нескольких десятков человек) семья, или задруга, вела общее хозяйство, на равных владела землей, и возглавлявший ее домакин (старейшина) никак имущественно не выделялся. Патриархально-вечевой уклад жизни, регулируемый «сборами» или «соборами» — народными собраниями, нераздельная собственность, натуральное хозяйство, большесемейные отношения сохраняются в северо-западной части Балканского полуострова значительно дольше, чем на северо-востоке.

Наряду со словом «задруга» в ходу было и другое — «куча», то есть родственная семья, единый

дом, сообщество из нескольких братьев и их семей. Со временем под задругой стали понимать то же самое, что на Руси — под дружиной: приближенные князя, княжеское войско.

Большая родовая семья, в свою очередь, состояла из малых, или «отцовских», семей. Главы малых семей — это братья, дети одного отца, старшинство и авторитет которого были неоспоримы. Но семейными делами он управлял, держа совет с сыновьями и взрослыми членами их семей. Как глава рода он определял наследника. Это мог быть его старший или следующий по возрасту сын, а при их отсутствии — брат или сын брата.

Глава большой родовой семьи отвечал за ее благополучие, должен был обеспечить нормальные взаимоотношения с другими домами, а если требовалось, позаботиться о неукоснительном исполнении акта кровной мести. Круг его власти был довольно широк: на нем лежали функции судьи, домашнего жреца, вершителя судебных всего рода, малых семей и их отдельных членов.

При всех началах первобытного коммунизма жизнь в куче была далека от идиллии. Черты золотого века в истории сербских племен изрядно тускнеют, когда сталкиваешься с конкретными реалиями, донесенными до нас источниками. Внутриклановые отношения на всех уровнях были выстроены жестко и иерархично, отводя ведущее место и ключевую роль главе рода и отцам семейств, ставя всех прочих в неравное по-

ложение с ними. К примеру, если сын подчинялся отцу беспрекословно, то отец по отношению к сыну мог и пренебречь своим родительским долгом. Интересы женщины вообще не принимались в расчет. Она стояла на самой низшей ступени как в больших, так и малых родственных структурах и целиком зависела от воли отца, мужа, свекра. Глава дома мог сожительствовать с ней, если даже она была женой его сына. Старший по семейному статусу мужчина позволял себе на глазах матери бить и наказывать ее детей, и она должна была это покорно и безропотно сносить, не имея права вмешаться, заступиться. Однако ошибочно полностью отрицать влияние женщины на семейные дела. Так, сравнительно велика была роль «матери дома» — жены главы рода, как бы «первой леди» по тогдашним меркам. Она пользовалась уважением, руководила всей домашней работой, выступала посредницей между сторонами в меж- и внутрисемейных ссорах и неурядицах, и остальные женщины видели в ней свою главную защитницу и единственную покровительницу, к которой можно было бы при необходимости обратиться за помощью.

Неравенство родственных взаимоотношений стало предпосылкой дальнейшего социального расслоения. С течением времени свободные общинники попали в зависимость от князя, или жупана, — верховного вождя и старейшины в жупе. Еще выше стояли великие жупаны, объединяв-

шие под своей властью целые группы соседних племен. Наряду со свободными людьми византийские и арабские источники VIII—X веков фиксируют появление в сербских общинах рабов. Последние были лишены личной собственности и права на создание семьи. При этом в целом обращение с ними было сравнительно мягкое. Они не выпадали из клана, на них распространялись родовые традиции и связи, но, конечно, в отличие от свободнорожденных, они составляли самый низший слой и стояли на последней ступеньке в существовавшей у сербских племен иерархии.

Земля южных славян

Как звали князя-жупана, который впервые привел сербские племена в Иллирию, история умалчивает.

В древности Иллирия — область к северо-востоку от Адриатики. В I веке до нашей эры она была завоевана Римом, четыреста лет спустя — готами, а сербский жупан, оставшийся анонимом, пришел со своей дружиной в эту страну, получившую впоследствии название «Югославия», или «земля южных славян», не ранее первой половины VII столетия.

Очаги государственности у сербских племен долгое время не централизовались в единое целое. Как правило, выделяют цепочку князей: Вы-

О. Ивекович. Коронация короля Томислава

шеслав — Родослав — Просигой, восходящую к тому самому безымянному жупану, который во главе союза восточносербских племен пришел в Иллирию.

Но на самом деле только крупных племенных объединений на северо-западе Балкан было несколько, и во всех них в равной мере и примерно одновременно завязывались государственные отношения.

В первой половине IX века на первый план выдвигается князь Властимир (836—843) — представитель той же линии восточносербских жупанов, которая идет от ее неизвестного родоначальника и до Просигоя. Энергичный, сильный предводитель, он одержал верх над другими племенными вождями, сосредоточил в своих руках

власть над многими разрозненными племенами и стал правителем обширной территории, включающей бассейны рек Дрины, Ибара, Босны, Западной Моравы и Врбаса. Именно Властимиром было заложено ядро Сербского государства. Первоначально в его состав входили и область Рашка (Расия), известная также как Старая Сербия, и большая часть Боснии. Независимость новообразованного государства Властимир отстаивал в борьбе с болгарами, а также с нападавшими с моря арабами. При этом внешняя политика князя была ориентирована на Византию, показателем сближения с которой стало принятие сербами православной веры (не раньше второй четверти и не позднее середины IX века).

Параллельно под властью других жупанов происходило становление государственности в Дукле, Травунии, Хуме. Если Властимир распространил свое господство на восточносербские племена, то безусловное лидерство среди западносербских жупанов установил князь Бела. В какой-то момент оба сербских властителя были близки к вооруженной схватке за отстаивание территориальных приоритетов, но затем нашли общий язык и заключили обоюдное мирное соглашение.

Преемники Властимира настолько погрязли в междоусобных распрях, что не могли дать достойный отпор внешнему врагу, и около 927 года потерпели жестокое поражение от болгар и, как следствие, попали к ним в зависимость.

Однако с конца IX до начала XI века доминирующее положение в сербском регионе Балкан занимает все же именно государство, основанное Властимиром. Потомок последнего, изворотливый политик и дипломат князь Чеслав (Часлав) Клонимирович (932—960), родился в Болгарии и получил воспитание при дворе Симеона Великого. Подобно тому как некогда самого Симеона прочили в Константинополе в свои ставленники, с Чеславом в Плиске связывали аналогичные надежды. Правда, им не суждено было сбыться. Вскоре после смерти болгарского царя сербский князь бежал на родину. В начале своего правления Чеслав признавал власть болгар, но затем, искусно играя на противоречиях между Константинополем и Преславом и сталкивая соседей лбами, он поднял восстание против болгарского господства и добился независимости. Большая часть сербских земель постепенно оказывается в границах его государства от рек Савы и Дуная на севере и вплоть до области Зеты (Дуклы) на юго-западе.

Остается неясным вопрос: насколько поддержка Константинополя при освобождении из-под власти Болгарии была именно поддержкой, а не прелюдией поглощения Сербского государства Византией? Уже Чеслав был скорее вассалом, чем союзником греческих басилевсов, а после его смерти восточносербские земли фактически целиком отходят к империи.

Словенцы в период раннего Средневековья так и не создали независимого государства, а хорва-

там удалось это сделать в середине IX века, когда образовались сразу два центра государственности: один — Посавская Хорватия (в прошлом — провинция Паннония Римской империи, в настоящем — территория Словении), другой — на адриатическом побережье, где от полуострова Истрия до острова Брага располагались древние города Далмации (Далматинская Хорватия).

Попеременное первенство в Хорватии посавских и далматинских жупанов нередко было вызвано вмешательством извне. В частности, при подавлении возглавленного князем Людевитом Посавским восстания против франков последние побудили прийти к ним на помощь правителя Далматинской Хорватии Борну (или иначе Порину). Тот довел до конца начатое его предшественником Поргой католическое крещение хорватов.

Вслед за франками разногласия между двумя Хорватиями умело использовала Византия, неоднократно стравливая их жителей друг с другом. Постепенно центр хорватских земель окончательно переместился на запад, и в 892 году при Мушимире, который называл себя «князем Божьей милостью» (указание на то, что он был не марионеткой, а вполне самостоятельной фигурой), произошло объединение обеих Хорватий при гегемонии Далматинской.

В истории осталось имя князя Трпимира (856—864) — основателя династии, правившей в Хорватии почти непрерывно до конца XI века. Ведя

затяжную борьбу с болгарским царем Борисом, он успешно отражает его нападение на Далматинскую Хорватию, делая ставку в целях укрепления своей власти и расширения владений на католическое духовенство.

Влияние папства при распространении в стране в конце IX столетия христианства первоначально не исключало богослужения на славянском языке, но в дальнейшем вера и церковь здесь окончательно латинизируются.

Усиление Хорватии при Трпимире нашло продолжение при его наследниках — Мутимире, Томиславе, Степане и других князьях, известных как Трпимировичи. Строго говоря, начало династии положил Порга, но традиционно ее ведут именно с Трпимира, подчеркивая тем самым его заслуги в строительстве Хорватского государства.

Наибольшего расцвета раннесредневековая Хорватия достигла при великом жупане Томиславе (910—930). Свою политику он строил, активно сотрудничая как с Византией, так и с папой римским, что послужило сдерживающим фактором для Болгарии, вынашивавшей планы раздвинуть свои границы в этой части Балкан, и Венгрии, предпринимавшей попытки военных вторжений в пределы Хорватии. Томислав не только сохранил, но и расширил свои земли. В благодарность за совместные действия в союзе с Византией против Болгарии он получил от империи богатые далматинские города и титул проконсула. Около 925 года Томислав короновался, и Хорватское

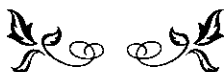
княжество стало королевством. Секрет его богатства и экономического процветания во многом заключался в морской торговле. В порты Адриатики Задар, Дубровник, Сплит, Котор, Шибеник свозили продукты земледелия и скотоводства со всей Хорватии и Сербии. Эти города славились разнообразием товаров, сходными ценами на них и большими скидками за оптовую покупку. Городское самоуправление защищало интересы торговцев от посягательств местных феодалов и короля, не лишая их, впрочем, стабильной и изрядной доли доходов. Хорошо пополнялась и государственная казна. Но города Далмации, в которых кипела оживленная торговля, оттягивали на себя слишком много средиземноморских купцов, ущемляя коммерческие интересы Венеции, до недавнего времени безраздельно державшей монополию в качестве центра посреднической торговли между Западной Европой и Востоком. Дабы пресечь опасную конкуренцию, Венецианская республика, воспользовавшись обострением борьбы за престол между хорватскими князьями, предприняла на рубеже X—XI веков результативные усилия для установления на всем побережье Далмации своего протектората.

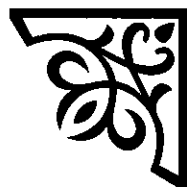
Составной частью Хорватского королевства на короткое время стала Босния. Небольшие племенные княжества боснийцев Требинье, Захумье, Травуния, Погания (Неретва), Босна долго были яблоком раздора между Сербией и Хорватией, одинаково претендовавшими на эти жупаны.

В конечном счете около столетия было образовано вассальное боснийское банство, подвластное сначала хорватской стороне, а позднее (в середине того же века) отошедшее на малое время к Зете — Черногории.

Что касается последней, то ее территория в юго-восточной части адриатического побережья и бассейне реки Дрины до VII столетия находилась под властью Византии. Затем ее отбили у империи славянские племена. С X века это христианская страна, где медленно, но верно отмирают родо-племенные отношения и постепенно формируется самостоятельная государственность. В середине X века при правителе Петаре (Петре), называемом на греческий манер архонтом, Черногория продолжает суверенно развиваться наряду с Сербией и Хорватией.

**МЕЖ ДВУХ
ИМПЕРИЙ**

Славянский мир изначально был втянут в сферы влияния двух мощных империй Средневековья — Византийской и Франкской. Племенные союзы и национальные княжения славян так или иначе испытывали давление и воздействие этих двух сверхдержав древности, осуществлявшееся когда дипломатическими, а когда и силовыми средствами. Византийцы обычно предпочитали первые, франки — вторые. Так, между двух империй и нередко в борьбе с ними складывалась славянская государственность. Правда, здесь уместна оговорка: речь идет о южных и западных славянах. Северо-восточные непосредственно не входили в эту межимперскую географическую орбиту, и оттого траектория их развития на раннем этапе отличается от исторического пути, проделанного собратьями, большим своеобразием и самостоятельностью, и, пожалуй, опоздание в приобщении к христианской культуре во многом объясняет консервацию архаических, но самобытных черт восточных славян.

Памятник святым равноапостольным братьям
Мефодию и Кириллу в Москве

Западная ветвь славян, попав в зону геополитических интересов империи Карла Великого, а после ее распада — франкских государств, отчасти стала объектом территориальных притязаний и экспансии со стороны последних. В качестве рычага утверждения своего господства и вовлечения славянского населения прилегающих стран и пограничных областей под сень своей власти фран-

ки избрали испытанное средство — религию. Подчинив себе римскую церковь и ее главу — папу, наследники Карла Великого Каролинги превратили ее в орудие международной политики. Именно так западные славяне оказались в лоне католичества.

Граница расселения этой части славян в первые века нашей эры предположительно проходила по Висле. В V—VI веках она уже сдвинулась к реке Лаббе (Эльбе). В ареале Вислы и Варты до Одры (Одера) и Нейсе жили польские, по Верхней Лаббе и ее притокам — чешско-моравские, а чуть севернее — сербо-лужицкие племена. На Нижней Лаббе до Балтики преобладали лютичи (вильцы) и ободриты (бодричи), племена балтийской группы освоили прибрежные острова.

У западных славян было много общего с их ближайшими соседями — германцами. Они стояли на одной и той же ступени развития, объединяясь в военные союзы — предшественники государственных образований. Основные занятия западных славян — пашенное земледелие, скотоводство, ремесло. У них рано появились так называемые гроды. Это еще не города, а лишь защитные укрепления. В хозяйственной жизни большую роль играла торговля как с соседними народами, так и с дальними (Византия, арабский мир) странами.

Центры расселения польско-вислянских, чешско-моравских и полабско-прибалтийских групп славян стали основой формирования у них

государств. Этот процесс шел с заметным ускорением, опережая аналогичный у восточных и южных славян, что объясняется необходимостью постоянной консолидации и наращивания сил в защите от внешней угрозы. Борьба с аварами, франками, венграми, германцами требовала объединения в крупные военные союзы, а последние становились ядром будущих государств.

Под знамена князя

В первое государственное образование (VII век) с центром в Нитре и Моравии входили, помимо западных (чехи, моравы, словаки, лужицкие сербы), и южные (хорваты и словенцы) славяне. Оно сложилось на базе военного союза племен Богемии (Чехии) в борьбе против аваров — кочевого народа, пришедшего из Центральной Азии и известного по русским летописям как кобры. Они захватили территорию по Среднему Дунаю и Тиссе, наложив дань на местные славянские племена и частично их поработив. Ответом было мощное восстание, в ходе которого и образовалось самое раннее западнославянское государство — княжество Само. Своим названием оно обязано военному вождю, а в прошлом франкскому купцу с таким именем. Бывший негодичант оказался не только сильным военачальником, но и способным правителем. В течение тридцати

Людвиг Немецкий. Здание Ратуши, Гамбург

пяти лет он удерживал власть в созданном под его началом государстве, причем, оттеснив аваров, позже успешно отразил нашествие на славянские земли своих экс-соотечественников франков.

По свидетельству хорошо информированного хрониста Фредегара, Само доказал свой полководческий дар и высокую доблесть во многих битвах. Он позволил себе не только гордо и даже за-

носчиво разговаривать со спесивым посланцем франкского короля Дагоберта I, но и попросту выгнал его взащей.

Как типичный язычник, Само был многоженцем, и всех двенадцать своих супруг он взял из славянских племен. Они родили ему двадцать два сына и пятнадцать дочерей.

Волевая, цементирующая роль самого Само, вероятно, была решающей, чем и объясняется недолговечность княжества: после смерти своего энергичного властителя оно развалилось.

В Среднем Подунавье в IX столетии в острой борьбе отстаивают свое лидерство два независимых княжества — Моравское и Нитра (Словакия). Во главе первого стоял деятельный, предприимчивый князь Моймир (818—846), второе возглавлял поднаторевший в интригах Прибина. Первый стремился своими силами объединить моравские племена, второй ему в этом препятствовал, но действовал чужими руками, опираясь на военную поддержку короля Людовика Немецкого — внука Карла Великого и на германских миссионеров, активно обращавших местное славянское население из язычества в христианскую веру. Восточно-Франкское государство, используя Прибину как марионетку, конечно, защищало и преследовало собственные интересы, которые ущемляла объединительная политика Моймира.

Тем не менее земли от Влтавы на северо-западе до Дравы на юге оказались под властью моравского князя. Присоединил он и Нитру, одержав

верх над своим соперником Прибиной и изгнал его оттуда. Последний, правда, держался в непосредственной близости и вынашивал планы в скором времени взять реванш. Не без помощи Людовика он прибрал к рукам земли Нижней Паннонии от Дуная до Муры и от низовьев Раба до Дравы. Его владения теперь преимущественно располагались по берегам Блатенского озера (теперь Балатон), и оттого новое княжество вошло в историю как под названием Паннонского, так и Блатенского.

Конфликт Моймира с моравской племенной знатью, ущемленной во власти, привел к восстанию и свержению этого князя. Не обошлось без вмешательства Людовика, который, пользуясь заварухой, вторгся в Моравию и в 846 году посадил там на престол племянника Моймира Ростислава, полагая, что в благодарность тот будет его верным вассалом.

Однако король крупно просчитался. Как раз при Ростиславе Моравское княжество расправляет крылья, расширяется, превратившись в мощное славянское государство, получившее название Великая Моравия и даже Великая Моравская империя.

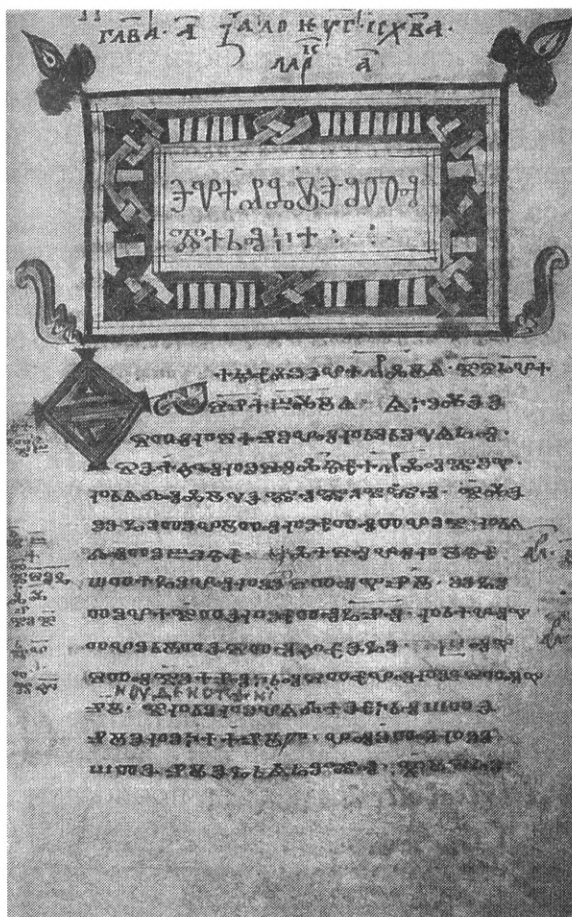
Еще недавно моравские племенные вожди, приглашенные во Франкфурт-на-Майне, где находился императорский двор, с благоговением взирали на богатство и роскошь немецких монархов. И вот по прошествии всего лишь сорока лет столица Моравского княжества Велеград выдвигает-

ся в число самых значительных и великолепных городов тогдашней Европы, а правитель государства становится безраздельным хозяином страны. Ему подчиняется сильная дружина из нескольких подразделений вооруженных всадников, каждое из которых размещается в надежной крепости. Все цитадели поддерживаются в отличном состоянии. Ведь они — главный оплот власти. Именно из этих хорошо укрепленных пунктов осуществляется контроль за соседними поселениями. Именно крепостные гарнизоны и летучие отряды обеспечивают бесперебойное поступление дани и налогов с окрестных жителей и мобилизуют их под знамена князя в случае войны. По сути, Ростислав уже мало чем отличается от неограниченного восточного самодержца. Основанное Моймиром Моравское государство при его преемнике качественно преобразуется из межплеменного военного союза в централизованную монархию.

По своим канонам

Ростислав не только освободился от зависимости от Восточно-Франкского государства, пресек немецкое проникновение, но и в целях укрепления самостоятельности своей державы добился создания на ее территории автономной церковной организации. Он строит внешнюю политику, ориентируясь на Византию, церковно-политический союз с которой рассматривает как противо-

Глаголическое Зографское Евангелие. X—XI вв.

вес по-прежнему актуальной немецкой угрозе. Вместо германских миссионеров Ростислав приглашает славянских. Так в 863 году в Моравии оказываются братья-проповедники Кирилл и Мефодий, благодаря которым в этих землях начина-

ется богослужение на славянском языке, готовятся переводы священных христианских текстов, открывается школа. Усилиями просветителей местное население получило возможность изучать грамоту, читать, писать, слушать проповеди, молиться Богу на родном языке.

Историки не располагают непосредственными свидетельствами о том, как проповедовали Кирилл и Мефодий, почему то, что они говорили, западало в душу и сердце народа. Вероятно, дело тут не столько в магии слов, красноречии, вдохновенном голосе, проникновенных интонациях, а в том, что братья обращались к людям на их родном языке, называли вещи своими именами, ясно и просто излагали и доносили самое невыразимое и сокровенное.

Конечно, оба прославленных сеятеля учения Христа были опытными мастерами элоквенции, искусными в риторике ораторами, мгновенно улавливающими малейшее впечатление от своих слов, тотчас подмечающими едва заметную перемену в настроении паствы. Их проповеди содержали примеры из жизни, показывающие, что им известно, чем наполнены будни простых людей, как нелегко достается им хлеб насущный. Как страдают они от алчности тех, кто наживается за счет их труда. В том, что человек слышал из уст Кирилла и Мефодия, он находил правду, утешение, свет надежды в заступничество Всевышнего, и все это заставляло принимать пастырское напутствие и раз и навсегда связывать жизнь и судьбу с путеводной и праведной христианской верой.

Славянизация Моравии и ее поворот в сторону православия не устраивали Германию. Католическое немецкое духовенство чинило помехи Кириллу и Мефодию, делало все, чтобы сорвать их миссию. Особенно усердствовали баварские епископы, пытаясь очернить подвижников, выставить их врагами христианской веры. Жалобы и наветы противников Кирилла и Мефодия дошли до Рима, и братья были вынуждены отправиться туда, чтобы объяснить и дать достойную отповедь клеветникам. Римский папа Адриан II внимательно вник в дело, выслушал обоих и не только их оправдал, но и признал их деяния славными и благородными. Они получили разрешение продолжить иерейскую службу, но сделать это суждено было лишь Мефодию, так как Кирилл во время пребывания в Риме скоропостижно скончался. Мефодий же вернулся в Моравию в качестве официально назначенного папой архиепископа и продолжал свою миссию там, даже когда Ростислав руками немцев, вторгшихся в страну, был свергнут, а новым князем стал Святополк (870).

История словно повторилась. Как и в 846 году, к власти вместо дяди пришел племянник; как и двадцать четыре года назад, на престол его посадили немецкие войска; как и в тот раз, он не оправдал ожидания короля, отказался подчиняться ему и быть его ставленником. В результате несостоявшиеся хозяева обвинили Святополка в измене, взяли в плен и увезли в Германию, что по-

зволило им установить в стране управление германских маркграфов. Моравия была оккупирована и на короткое время фактически лишилась независимости.

В 871 году народное восстание положило конец недолгому господству немцев. Не столько предводителем, сколько идейным вождем повстанцев был священник Славомир — ученик Кирилла и Мефодия. Немцы, ошибочно сочтя, что теперь-то Святополк уж точно примет их сторону, освободили его из плена, взяв обещание быть их военным союзником. Тот согласился, но лишь для того, чтобы вырваться на волю. Когда его отпустили, он тотчас присоединился к своим соплеменникам, и вскоре (874) Людовик был вынужден признать его независимым князем Моравии. Со своей стороны Святополк пошел на следующий компромисс: запретил богослужение на славянском языке, что не замедлило сказаться и привело к возобновлению духовного посредничества немецких миссионеров. После смерти в 885 году Мефодия его ученики подверглись гонениям и покинули Моравию. По существу, это было изгнание, акция, которая окончательно расчистила широкую дорогу католической церкви.

Насколько велика была цена сделанной Святополком Людовику уступки — вопрос отдельный. Моравский князь в первую очередь, конечно, руководствовался чисто прагматическими соображениями, ставя во главе угла цель вернуть Вели-

коморавскому государству былое положение и международный престиж. И в общем-то князь добился этого. При нем Великая Моравия — одно из крупнейших европейских государств. Оно объединяло славянские племена, населявшие территорию современной Чехии, Южной Польши (район Кракова), Западной Венгрии и Северной Австрии, земли по среднему течению рек Лабы и Одры.

Но вот Святополка не стало, и после его смерти происходит то, что неизбежно для некогда больших и сильных средневековых стран: начинается жестокая междоусобная борьба наследников княжеского престола. Сыновья Святополка насмерть бьются за право быть первым, за место под солнцем, и это не банальная семейная распря, не разлад на бытовой почве. История властно подчиняет личные отношения своим законам, Великоморавская держава слабеет и в конце IX века при князе Моймире II безвозвратно теряет цельность и распадается на уделы во главе с непримиримо соперничающими князьями.

Крок и его дочери

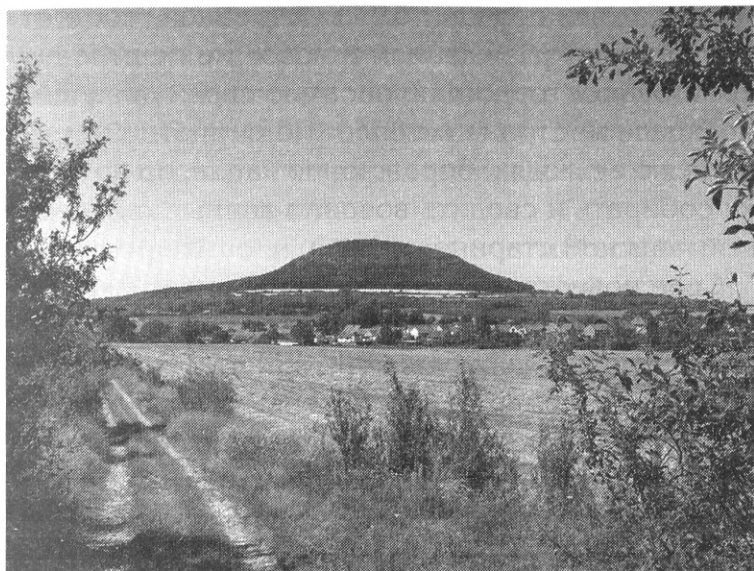
В те времена поверхность этой страны покрывали большие леса, не населенные людьми; их наполнял шум роившихся там пчел, пение различных птиц. Лесов было бесконечное множе-

ство, подобно песку у моря или звездам на небе; леса беспрепятственно простирались, и стадам животных едва хватало земли. Табуны лошадей можно было бы сравнить только разве с саранчой, скачущей летом по полям. Там было много прозрачной воды, пригодной для употребления человеком, а также рыбы, вкусной и полезной для еды. Удивительно, насколько высоко расположена эта область. В этом легко можно убедиться, ибо ни одна чужая река не втекает сюда, но все потоки, малые и большие, беря начало в различных горах, поглощаются одной большой рекой, под названием Лаба, и текут отсюда в Северное море» — так пишет о Чехии в изначальный период ее истории хронист XII века Козьма Пражский.

Принято считать, что в сочинении Козьмы много интересного, но мало достоверного, и большинство фактов и красочных подробностей, сообщаемых им, это не историческое, а легендарное. Однако тот же Геродот, как, впрочем, и составитель древнерусского летописного свода Повесть временных лет Нестор, хорошо известны как авторы, щедро чередующие реальное с баснословным. Принимая во внимание дефицит сведений о ранней истории Чехии, пренебрегать «Хроникой» Козьмы Пражского никак нельзя, тем более что он располагал доступом к источникам, давно и, похоже, безвозвратно утраченным.

Человек знатного происхождения, Козьма получил хорошее образование (в том числе в загра-

Гора Ржип, Чехия

ничном Льеже), которое обеспечило ему звание каноника и должность декана капитула собора Святого Вита. Он прожил долгую (предположительно, до восьмидесяти лет) жизнь и сам был свидетелем многих знаменательных событий, которые не преминул описать. Что же касается времени, которое относится к началу чешского престола и которого он не застал, то здесь хронист довольно придирчиво отделяет все, что достойно доверия, от мифического.

Для Козьмы, как для человека латинской культуры, дохристианская, собственно славянская составляющая чешской истории представляется всего лишь дремучей архаикой, отголоском язы-

чества, и эта позиция была искренней, соответствовала его убеждениям и вовсе не мешала ему с любовью и гордостью писать о своей древней и прекрасной стране и тепло и с симпатией отзываться о ее людях, бережно, по капле, по крупинке собирать и сводить воедино данные о неведомой чешской старине.

Свое повествование Козьма начинает с предания о некоем западнославянском племени, которое примерно на рубеже VII—VIII веков в поисках подходящего места для поселения оказалось в междуречье Влтавы и Огржи, возле небольшой (высотой 456 метров) горы Ржип. Это была живописная долина посреди девственных лесов, обильная цветами и травами, богатая чистой проточной водой.

«Вот, — обратился к соплеменникам их старейшина, — перед вами именно та страна, которую я, как помню, часто обещал вам: никому не подвластная, полная зверей и птиц, меда и молока; воздух приятный для жительства; со всех сторон много воды, изобилующей рыбой. Здесь у вас ни в чем не будет недостатка, и никто не будет вам мешать». Слова вождя встретили одобрение, и он продолжил: «Поскольку в ваших руках будет столь прекрасная и столь большая страна, подумайте, какое дать ей название». И спутники будто бы ответили так: «Разве может быть лучше название для нее, чем имя, которое ты носишь, о, отец? И если твое имя чех, то пусть эта страна будет Чехией». Тронутый и ободрен-

ный таким уважением и признанием его заслуг, старейшина поцеловал землю, простер руки к небу и с чувством воскликнул: «Здравствуй, страна обетованная, желанная и искомая! Приюти нас, сохрани невредимыми и помоги умножить наше потомство».

Так красиво и безоблачно в интерпретации Козьмы выглядит прелюдия к чешской истории.

Похоже, что из многих этнически близких славянских племен в пражской котловине нашли пристанище те, кто, согласно преданию, приведенному Козьмой, принял название чехов. С ними соседствовали лучане и лемузы, хорваты и дулебы, литомиржицы и пшоване. Все они вместе фигурируют во франкских хрониках как «богеми».

Жизнь и быт чехов в изображении Козьмы долгое время не были омрачены ни неравенством, ни имущественными раздорами. Люди жили скромно, довольствовались малым, питались желудями и мясом диких животных. Никто из них тогда не говорил «мое» — все было общим, а жилища не нуждались в запорах. Каждую ночь мужчины и женщины вступали в новые брачные узы, что согласовывалось с их нравами и полигамными отношениями. Однако это счастливое и беззаботное, по словам Козьмы Пражского, житье-бытье постепенно ушло в прошлое, потому что соплеменников разъединила вражда из-за собственности. Хронист называет некоего Крока — представителя родовой знати, который выделялся как здравомыслием, так и богатством. У него были власть и

сила (дружина), и последнее слово при разрешении возникавших в племени спорных дел оставалось за ним.

Крок представлен столь рассудительным и благородным человеком, что в его реальность как-то не очень веришь. Откровенно сказочными кажутся и три его дочери — умницы-разумницы Кази, Тэтка и Либуше. Последняя младшая, как водится, превосходила старших сестер добродетелями и мудростью, и к тому же обладала даром прорицания. После кончины отца ее избрали судьей, но занять его место во главе соплеменников не дали, ибо на общем сходе постановили: быть князем только мужчинам. Либуше уже предвидела такое решение, и она возвестила собравшимся: «Отправляйтесь к реке Билине, найдите деревню Стадице. Там увидите человека, который пашет на двух пестрых волах. Имя ему Пржемысл, что означает «наперед обдумывающий». Ему суждено стать моим супругом и вашим князем. Приведите его сюда».

С лаптями на престол

Когда за ним пришли, Пржемысл не удивился и собрался в путь, не забыв взять с собой лыковые лапти. Он не только сохранял их в течение своего княжения, но и завещал сберечь для потомства, чтобы его преемники не зазнавались, пом-

нили, откуда ведут свой род, и не возносились над простыми людьми.

После прибытия Пржемысла из Стадице далее все было как в сказке: он и Либуше поженились, долго прожили вместе в любви и согласии, и эти годы прошли не как много дней, ясных и ненастных, а как один погожий день. Супруги были опорой друг другу и тем, кто возле них.

Судя по «Пражской хронике», Пржемысл оказался хорошим правителем, и разумные законы и установления, им введенные, распространились ко второй половине VIII века на связанные между собой роды и племена, принявшие его власть.

Согласно пророчеству Либуше, в будущем чехам предстояло построить великий город на реке Влтаве. Она предсказала и его название — Прага, что по-чешски означает «порог». Как поселение Прага была известна еще с дославянских времен, но теперь начиналась ее история как центра княжеской власти, будущей столицы, красоты и гордости Чехии.

Допустимо предположить, что дошедшие до нас предания и на этот раз не во всем плод фантазии, и за игрой воображения стоят подлинные события, которые крепко врезались людям в память, передавались из поколения в поколение. При этом факты спрессовались во времени, обросли вымыслами, соединились если не в отрезок длиной в человеческую жизнь, то в цепь реальных историй, которые следовали с промежутком

Вид на крепость Пражский Град. Прага, Чехия

не более полстолетия, хотя на самом деле могли быть отдалены друг от друга гораздо больше.

Князь-пахарь Пржемысл — такой же легендарный родоначальник династии, как Рюрик у древних русичей. Он передал престол Незамыслу, а позже прослеживается следующая цепочка правителей: Мнат, Воен, Внислав, Кржесомysl, Неклан, Гостивит. Вероятно, все они фигуры вымышленные, придуманные Козьмой. Он же подобрал им подобающие «смысловые» имена, потому что больше ничего примечательного на их счет ему, видимо, просто не пришло в голову. В вызывающих доверие источниках следующий из Пржемысловцев, кто удостоен внимания, это Боривой или Боржевой (874—879), при котором чешский союз племен на северо-западе с центром в Праге оттес-

нил на второй план соперничающий с ним зличанский союз на юго-востоке с центром в Либице и одержал над ним верх. Власть Боривоя признали, помимо чехов, лучане, лемузы и лигомержицы.

Подчинение Святополку Моравскому не исключало определенной самостоятельности Чешского княжества. По сути, чехи были не подвластным Великой Моравии народом, а ее союзником в борьбе с экспансией со стороны Германии.

Одно из славных деяний Боривоя — святое крещение. Причем князь предпочел принять христианство из рук архиепископа Мефодия. Это говорит о том, что Боривой отчетливо понимал: латинский крест несет для его народа не меньшую угрозу, чем франкский меч. Выбор в пользу почитаемого в славянском мире православного папстыря, а не немецких миссионеров — весомое доказательство стремления чешского князя проводить независимую политику.

В «Пражской хронике» Козьмы подчеркивается, как велико было значение принятия чехами христианской веры. В его понимании это знаменательное событие, выведшее бывших язычников из состояния первобытной дикости и наставившее их на путь истинный. Не дело, рассуждает автор, когда «один почитает огонь и воду, другой поклоняется рощам, деревьям и камням, а третий приносит жертвы горам и холмам и просит глухих и безмолвных идолов, которых он сам же и создал, защитить его дом».

Обращение Боривоя в христианскую веру предание связывает с пребыванием князя у морав-

ского правителя Сватоплука. Тот, принимая у себя чешских гостей-язычников, будто бы распорядился подать им угощение не на столе, а на полу, как собакам. Первой реакцией Боривоя было примерно наказать обидчика, тем более что он был приглашен к нему не один, а вместе с дружиной. Однако удивление пересилило ярость. Сдержав себя и укротив гнев, князь напрямую спросил хозяина, чем вызваны такое оскорбление и унижение, и тот ответил, что, будучи христианином, не может осквернять себя, сидя за одним столом с погаными язычниками.

Этот случай якобы и побудил Боривоя после долгих раздумий принять святое крещение.

Боривой княжил всего пять лет и умер, когда ему еще не было сорока. Его преемниками стали сыновья Спытигнев и Вратислав, которые вывели Чехию из состава Моравии (895) и приняли покровительство франкских Каролингов, что, впрочем, не помешало им сохранить в стране православный обряд. Замирение с Германией было важным условием для того, чтобы обороняться от агрессии венгров.

После 33-летнего правления Вратислава к власти пришел его сын и внук Боривоя Вацлав. С точки зрения хрониста Козьмы, поначалу он по молодости и неопытности плохо крепил христианскую веру, так как подпал под сильное влияние жены — закоренелой язычницы Драгомиры. Формально приняв христианство (иначе ей бы не выйти замуж за Вацлава), она и тайно, и явно была

ярой идолопоклонницей. Противодействие ей пыталась оказать ее благочестивая свекровь и вдова Боривоя Людмила. Однако Драгомира расправилась со старой княгиней, подослав к ней двух убийц. Смерть настигла мать Вацлава во время молитвы. Ее задушили собственной вуалью. Впоследствии она, как святая мученица, была канонизирована и провозглашена небесной покровительницей Чехии.

Религиозные расхождения — это то, что лежит на поверхности конфликта между обеими женщинами и группировками, которые за ними стояли. На самом деле шла борьба за власть. Драгомира не желала мириться с тем, что фактически правительницей страны оставалась Людмила, и решила устранить авторитетную соперницу насильственным путем.

Совершенное злодеяние будто бы не сошло Драгомире с рук. По некоторым сведениям, вознегодовав на жену, Вацлав заточил ее в крепость Будеч. А по версии легенды, она была наказана самими небесами и вместе со своим экипажем однажды провалилась сквозь землю недалеко от Пражского Града.

Благочестивый Вацлав

Княжение Вацлава (921—935) — не самое простое время для Чехии. Несмотря на то что вторжение в 929 году саксонского короля Генриха

Статуя Святого Вацлава. Прага, Чехия

Птицелова было отбито, дальнейшее единоборство с его войском даже при одержанной чехами победе становилось невозможным, так как грозило слишком большим кровопролитием. В итоге последовало установление вассальных отношений с Германией, сопровождавшееся принудительной выплатой ей ежегодной дани — 120 волов и 500 гривен серебра.

Казалось бы, наложение столь крупной контрибуции — свидетельство триумфа Генриха. Но

этому противоречит торжественный перевоз из немецких земель в Прагу мощей почитаемого чехами христианского мученика святого Вита. По видимому, правители обоих государств пришли к обоюдному соглашению: Вацлав вопреки военной победе признает Генриха своим сюзереном, а последний в свою очередь в знак расположения к чешскому князю передает ему прах святого. Согласно легенде, успешный для Вацлава исход сражения в 929 году выглядит как добровольный отказ Генриха продолжать битву, ибо в самый ее разгар за спиной своего противника он будто бы увидел двух ангелов-покровителей.

Вацлав пал жертвой заговора, организованного его младшим братом Болеславом и при участии Драгомиры. Как и его мать Людмила, он был канонизирован, поскольку стараниями этого князя в стране вновь утвердилась пошатнувшаяся было из-за насаждения по инициативе Драгомиры языческих обычаев и нравов христианская вера.

Прекрасным памятником Вацлаву стала построенная по его указанию старейшая в Праге церковь Святого Вита.

Фигура князя Вацлава в ранней истории Чехии, пожалуй, самая главная и не имеет аналогов. Он запечатлен в народной памяти как справедливый и разумный правитель и усердный христианин, сам живший по законам Божиим и стремившийся, чтобы ими руководствовались и его подданные. Доброта и милосердие Вацлава мало чем отлича-

ются от христоролюбия других известных властителей, причисленных к лику святых. Упоминаются и раздача милостыни бедным, и освобождение изпод стражи раскаявшихся заключенных, и посещение и утешение больных, и забота о страждущих, и выкуп из плена проданных в рабство, и строительство новых и украшение прежних храмов, и многое другое.

Показательна апокрифическая история о том, как, увидев в послерождественские дни посреди леса крестьянина, невзирая на снег и стужу собирающего хворост, Вацлав решил возблагодарить его за трудолюбие. С дровами, вином и запасом продуктов он вместе со слугой отправился навестить этого человека. Путь к домику бедняка с тяжелой поклажей, да еще когда всю мела метель, был труден и не близок. Замерзший слуга выбился из сил и взмолился о возвращении назад, так как был не в силах идти дальше. И тогда Вацлав приказал ему ступать точно за ним и по его следам, и — о чудо! — доброе сердце князя источало такое тепло, что растопило снег и освободило для прохода широкую тропу.

Почему Болеслав решился на заговор и пошел на братоубийство, однозначно сказать трудно. По одним сведениям, за ним стояли пронемецки настроенные вельможи, по другим — он и сам давно рвался к власти и люто завидовал Вацлаву.

Традиция единодушна в том, что хитростью и коварством Болеслав заманил брата к себе в за-

мок под предлогом то ли очередного храмового праздника, то ли в честь рождения сына. Так или иначе, это была ловушка, в чем Вацлав убедился после пира, когда Болеслав вдруг набросился на него с мечом. Однако старший брат оказался намного сильнее и ловчее и легко обезоружил нападавшего противника. Не желая проливать родную кровь, он лишь сильно толкнул Болеслава и свалил его с ног, а сам, поняв, что ему грозит смертельная опасность, решил укрыться в церкви, но не успел. Двое воинов Болеслава неожиданно напали на Вацлава, когда он, взявшись за дверное кольцо, уже хотел было войти в храм. Один из убийц нанес ему удар копьем и пронзил насквозь.

Несколько дней тело мертвого Вацлава лежало на церковном дворе и, лишь когда народ взроптал, было погребено возле стен той самой церкви, где покойный князь тщетно искал убежище, но нашел смерть.

Старинные чешские сказания доносят до нас известия о чудесах, которые будто бы происходили на могиле убитого. Тогда встревоженный Болеслав велел перенести останки брата в пражскую церковь Святого Вита, и именно туда оно было в 932 году перезахоронено, найдя упокоение в ротонде, некогда построенной по воле самого Вацлава. То ли в страхе перед небесным возмездием, то ли движимый запоздалыми угрызениями совести, Болеслав публично покаялся в содеянном преступлении.

Позднее над могилой убиенного князя была сооружена богато украшенная капелла. Композиционный центр гробницы — статуя Вацлава работы знаменитого архитектора Петра Парлержа — шедевр чешской скульптуры.

Вацлав — очень почитаемый в Чехии святой. Он стал символом чешского патриотизма и национального самосознания. Защитник и заступник родной земли, на иконах князь изображается как молодой витязь в рыцарском облачении, с мечом и знаменем в руках.

Гнездо польской государственности

Древнепольские племена жили в бассейне Вислы. Как и другие славяне, они занимались пашенным земледелием (главная зерновая культура — просо), животноводством, огородничеством и садоводством.

Основой племени была большая патриархальная семья, объединявшая несколько поколений родственников. Дети рано приобщались к труду, потому что потребность в рабочей силе была постоянно велика. Она восполнялась в том числе и за счет рабов, которые выполняли ту же повседневную работу, что и члены семьи.

В мирное время люди жили в селищах (деревнях) — неукрепленных поселениях, в случае войны находили убежище в городах — окруженных

частоколом, валом, рвом резиденциях дружины, центрах религиозной и хозяйственной жизни. С развитием ремесла и торговли гроды превратились в города.

Старейший польский город — Краков. По дошедшему до наших дней преданию, он носит имя своего легендарного основателя князя Крака или Кракуса, а в честь его дочери Ванды назван один из окрестных курганов.

Из того же предания известно, что давным-давно, когда еще не было не только никакого города, но и знаменитого Вавельского замка — общеизвестной достопримечательности Кракова, местным крестьянам не стало житья от ненасытного дракона Смоке, который поселился в большой темной пещере под скалой, и дня не проходило, чтобы он не сжирал то две-три коровы из стада, то шедших мимо путников. Все живое могло подвергнуться нападению Смоке, и крестьяне, страшась быть съеденными, еженедельно пригоняли чудовищу на обед много скота. Стоило им опоздать или уменьшить подношение, грозное существо набрасывалось на людей.

И вот Крак, как князь и правитель тех земель, решил покончить с кровожадным змеем и поклялся во что бы то ни стало расправиться с ним. Вызвались помочь отцу в этом опасном деле его сыновья, но не смогли одолеть жуткую тварь — слишком та была сильна и опасна.

Но Крак не отступил от задуманного и пустился на хитрость. В очередной раз к пещере Смоке

С. Мюнстер. Вавельский дракон. 1544

привезли обильное угощение, но не живой скот, а коровьи и свиные туши. Голодный монстр тут же жадно набросился на мясо, стал его пожирать, но вдруг в бессилии свалился на землю и, содрогаясь и издавая то ли рев, то ли стон, околел. Оказывается, страшный зверь проглотил обтянутые шкурами животных чучела, начиненные зажженной серой. Согласно легенде, на месте гибели дракона и встал названный в благодарность за избавление от хищной гадины именем князя город Краков.

Есть сведения, что первое поселение возникло здесь несколько тысяч лет назад, подтверждением чему служат археологические находки древнеримской эпохи. Будто бы именно со вре-

мен основания города князем-змееборцем сохранился курган Крака — земляная пирамида высотой 16 метров. Этот древнейший памятник можно видеть и сейчас. А о чудовище Смоке напоминает существующая до сих пор земляная яма у горы Вавель.

Дальнейшая история Кракова связана с племенем вислян (VIII век) и с вхождением сначала в состав Великой Моравии, а позднее — Чехии (IX—X столетия). Так что первое упоминание Кракова в хрониках лишь в 965 году вовсе не показатель того, что ранее город не существовал. Указанный год примечателен тем, что с него отмеряется уже собственно польская история Кракова: город был выбран для празднования свадьбы чешской княжны Добравы с князем Мешко Пястом из великопольской столицы Гнезда.

Внутриобщинная племенная демократия у поляков представляла собой вечевое устройство, но функции и полномочия общинного собрания, или веча, неумолимо сужались, переходя к сходу глав семейств и главе общины — жупану, который сначала избирался, а потом уже становился бесменным и передавал власть над соплеменниками по наследству своему сыну. Так из бывших вождей и старейшин выделилась родовая аристократия, а из ее среды — князья — предводители воинства (дружина и ополчение), хранители казны и судьи в одном лице.

Первая глава истории Польши, как и других славянских стран, полусказочна. В старинной

хронике, автор которой известен под прозвищем Галл Аноним, не забыто ни одно из незапамятно давних преданий.

Галл Аноним — таинственная фигура. Жил он в конце XI — начале XII века. Его имя указывает на французское происхождение. Вероятно, какое-то отношение он имел к Венгрии и, предположительно, провел в этой стране несколько лет.

Написанное на латыни сочинение Галла Анонима позволяет составить о нем представление как о пытливом и трудоспособном ученом муже, который, поставив себе целью писать о Польше и деяниях ее первых князей, усердно и терпеливо собрал большой материал и, по его собственным словам, повел «свой рассказ так, чтобы, начав от корня, дойти и до ветвей древа».

Зачин хроники выдает в авторе настоящего патриота. Если Польша для него и вторая родина, он никак не дает этого понять. Но возможно, хоть в его жилах текла французская кровь, родился он все-таки в Польше. Галл Аноним пишет о ней с сыновней нежностью как о земле, к которой навсегда прирос сердцем: «Страна эта хотя и очень лесиста, однако изобилует золотом и серебром, хлебом и мясом, рыбой и медом, и больше всего ей следует отдать предпочтение перед другими народами в том, что она, будучи окружена... народами, и христианскими, и языческими, и подвергаясь нападению с их стороны, действовавшими как вместе, так и в одиночку, никогда... не была никем полностью покорена. Это край, где воздух

целителен, пашня плодородна, леса изобилуют медом, воды — рыбой, где воины бесстрашны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы, волы пригодны к пашне, коровы дают много молока, а овцы много шерсти».

Однако автор решительно проводит демаркационную линию между делами «тех, память о которых постигло забвение и которых опозорили идолопоклонство и заблуждения», и временем, когда поляки, отринув язычество, приняли христианство и пришли к Богу.

Свое повествование Галл Аноним начинает с поучительной истории-притчи о князе Попеле и простом крестьянине Пясте.

Князь устроил званый пир по случаю рождения сыновей и наследников, а Пяст, в семье которого тоже произошло прибавление, собирался отпраздновать это событие, открыв припрятанный бочоночек пива.

В ту пору в городе Гнезно (в переводе означает «гнездо»), которому и впрямь было суждено стать гнездом польской истории и в котором как раз и княжил Попель, оказались по тайному Божьему промыслу, как пишет Галл Аноним, два чужеземца. На княжий двор, где кипело веселье и вовсю шла застолье, их не только не пустили, но и грубо вытолкали оттуда взашей. Когда же они набрели на убогую хижину бедняка Пяста, то нашли там и уют, и скромное угощение. Хозяин и жена его по имени Репка не пожалели для голодных и усталых путников своих скудных припасов

и даже закололи поросенка. И — о, чудо! — сколько бы гости ни пили, ни ели закусок и мяса, заветный бочонок из-под пива и миски на столе не оскудевали.

Пяст и Репка были язычниками, но поняли, что в их дом явились и творят благодеяния ангелы — посланцы Господа. Между тем еда и питье не только не убывали, а прибывали. Уже и посуду пришлось занимать у соседей, и сами соседи, приглашенные разделить семейную радость и трапезу, сидели рядом с хозяином и его гостями. Теперь пир горой шел не у князя — там все давно было выпито и съедено, — а у Пяста.

В конце концов и Попель, и все, кто был до этого у него, не побрезговали перейти в жалкий домик Пяста и продолжить праздник, дивясь невиданному изобилию и тому, что пища на столе не переводится, а чаши остаются наполненными.

Позднее крестьянин вспомнит слова чужеземцев, с которыми они вошли под его гостеприимный кров. «Пусть наш приход, — сказали они, — будет вам на радость и вы получите от нас избыток благополучия, а в потомстве честь и славу».

Прошло сколько-то лет, и пророчество сбылось. Сын Пяста Земовит, сызмала радовавший родителей своим благоразумием, благородством и мужеством не по годам, стал главным князем в Польше, а прежнему правителю Попелю пришлось покинуть ее пределы. По легенде, Бог разгневался на него и в наказание наслал мышей, полчища которых неотступно следовали за

ним с отвратительным писком. Всюду, где он появлялся, его сопровождали тучи мерзких зверьков, причем от них исходило такое зловоние, что несчастного Попеля постоянно окружал смрад. Попытки скрыться от хвостатой свиты ни к чему не приводили — даже в деревянной башне на безлюдном острове ему не удалось от них избавиться. Они проникли к нему и не давали житья. Он будто бы и умер, насмерть искусанный мышами, от которых тщетно, пока хватало сил, отбивался.

Знак свыше

Панегирик Галла Анонима в честь родоначальника Польского государства крестьянина Пяста и его сыновей и преемников Земовита, Лешка и Земомысла очень напоминает гимн во славу основателя чешской династии князя-пахаря Пржемысла в хронике Козьмы Пражского. Оба автора независимо друг от друга тем самым пытались отразить в своих сочинениях распространенную в средневековой исторической традиции идею: начало королевским домам положили простолюдины, выходцы из народа. Внедрение этого мифа в славянских странах было призвано укрепить позиции христианства, внушить, что народная вера и народная власть всегда шли бок о бок и рука об руку, защищая простого человека и заботясь о его интересах.

Скорее всего, как и в случае с чешскими Пржемысловцами, большинство упоминаемых в хронике потомков Пяста — целиком или частично вымышленные исторические персонажи. Отсюда столь много общих слов о них и так мало конкретики. Вот показательный отрывок из книги Галла Анонима: «Земовит же, достигнув княжеской власти, проводил свою молодость не в удовольствиях и забавах, а в трудах и походах и приобрел славу за свое благородство и расширил границы своего княжества дальше, чем кто-либо до него. После его смерти наследником стал сын его Лешек, который сравнивал славу своих военных деяний со славой своего отца. После смерти Лешека стал наследником его сын Земомысл. Поднявший в три раза выше память о предках своим благородством и достоинством».

В процитированных строках нет ничего определенного, хотя автор уверяет, что сведения, связанные с Земовитом и его братьями, основаны на сохранившихся достоверных воспоминаниях. Галлу Анониму вообще свойственно сообщать что-то, чего читатель знать не знает и ведасть не ведает, как что-то хорошо знакомое и общеизвестное. К примеру, одна из главок его хроники названа «О прославленном Катышко». Но далее о последнем говорится лишь, что он — отец Пяста, и нет ни слова о том, чем и как еще был славен этот человек.

Легенды примешиваются в текст Галла Анонима, когда он переходит к рассказу о действитель-

Я. Матейко. Князь Мешко I

но историческом лице — князе Мешко I (ок. 960—992). Его подлинность подтверждают западноевропейские и арабские источники X века.

Мешко (Мечислав) — сын Земовита и внук Пяста. Родился он слепым и будто семь лет оставался незрячим, пока совершенно неожиданно не прозрел, когда отец собрал множество гостей и соседних князей, чтобы отпраздновать день рождения мальчика. И тогда Мешко впервые увидел

белый свет и узнал, как выглядят его родные и близкие и другие люди из их окружения.

На радостях Земовит превратил застолье в пышный и широкий пир, на котором могли присутствовать не только знать, именитые гости, но и все желающие. А еще князь призвал к себе многоопытных старцев и мудрецов и спросил, не есть ли избавление Мешко от слепоты некое чудесное знамение. Ответом ему было следующее толкование: происшедшее — это знак свыше; подобно тому как прозрел маленький князь, должна вскоре прозреть вся Польша, погруженная сейчас во мрак языческого невежества.

Аллегория автора хроники здесь более чем очевидна. Иносказательно и довольно прозрачно он дает понять, что настало время покончить с темным прошлым, как бы предвосхищая, что вскоре на страну прольется долгожданный и благодатный свет христианства. Далее в хронике уже без особых аллюзий и околичностей прямо и ясно сказано так: «Польша прежде была слепа, и она не знала ни почитания истинного Бога, ни подлинного учения веры, но благодаря прозрению Мешко прозрела и Польша, так как он, обретя истинную веру, вырвал польский народ из смерти неверия. Всемогущий Господь в надлежащем порядке восстановил вначале телесное зрение Мешко, а потом наделил его и духовным для того, чтобы он через видимое проник в область невидимого и через познание природы познал всемогущего Творца». Тем самым, забегая

вперед, Галл Аноним показывает, что именно на Мешко лег выбор Всевышнего для крещения Польши.

Но тот не сразу встал на путь истинный. Ему еще предстояло принять власть у умершего отца и отрешиться от языческих обычаев, за которые он по примеру первых Пястов все еще продолжал держаться. У Мешко было семь жен, и он уже было вознамерился взять восьмую, но тут неожиданно получил отказ. Полюбившаяся ему девушка по имени Дубровка была христианкой из соседней Богемии (Чехии). Выйти замуж за польского князя она соглашалась лишь при условии, что он отрешится от язычества, перестанет жить в грехе, искренне примет священное учение христианской веры и, полностью очищенный, вступит тогда в лоно матери-церкви.

Галл Аноним почему-то умалчивает, что Дубровка была не из какого-нибудь простого рода, а богемской княжной, и брак с ней был хорошим способом упрочить отношения с Чехией, заключить с ней политический союз, что и было сделано.

Маловероятно, что Мешко воспылал к прекрасной Дубровке той самой, воспетой средневековыми трубадурами и менестрелями сильной любовью, что дальнейшей жизни без нее и помыслить себе не мог. Тем не менее, по разумению Галла Анонима, если бы не благочестивая богемка, ставшая женой польского князя, не видать бы ему благодати крещения.

На самом деле с объединением под властью Мешко Великой Польши, части Силезии, Краковской, Сандомирской, Мазовецкой, Ленчицко-Серадзской, Куявской и Поморской земель в единое целое нужды централизованной государственной организации требовали и введения единой религии.

В 966 году польский князь вместе со своими приближенными и дружиной принял христианство по латинскому обряду, символически передав свои владения под опеку римского престола. За этим последовало распространение в стране католической культуры и письменности на латинском языке.

Под пером Галла Анонима выходит, что христианизация Польши произошла чуть ли не одномоментно. Хронист и Мешко после крещения изображает чудесно преображенным, освободившимся от языческих привычек. В действительности христианские нормы и новая вера привились далеко не сразу. Тот же Мешко после смерти Дубровки счел возможным жениться на монахини, сын его Болеслав вступал в брак множество раз подряд и параллельно имел наложниц. Языческие нравы и образ жизни укоренились глубоко и держались долго. Во всяком случае, не одно десятилетие.

При Мешко Польша начала превращаться в одно из крупных государств Восточной Европы, а Болеслав I Храбрый (992—1025) продолжил активную политику отца по расширению территории княжества, вел успешные войны и в 1025 году принял титул короля.

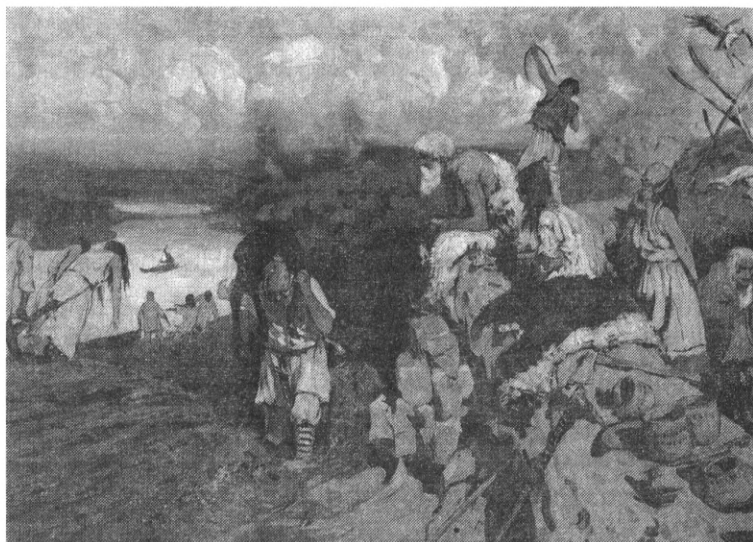
Будущее покажет

Из века в век по-разному складывались судьбы славянских народов. Появившись на сцене мировой истории в глубокой древности, они и в дальнейшем занимают видное место и играют активную роль в эпоху Средневековья и Нового времени (конец XVIII — 1914), в период между двумя мировыми войнами (1914—1918 и 1939—1945) и во второй половине XX столетия. Велика доля участия славянского мира в событиях наступившего XXI века.

В далеком и недавнем прошлом славянские народы неоднократно оказывались в эпицентре острых противоречий, территориальных споров и военных конфликтов на Европейском континенте.

Единственное славянское государство, которому в результате упорной борьбы и сопротивления удавалось отстаивать и возвращать себе независимость, — это наша Россия. Другие славянские страны, причем даже создавшие национальную государственность, со временем ее утрачивали, а иные и вовсе не имели.

В Древней Руси до середины XIII века сохранялось единое культурно-политическое и языковое пространство. Однако со временем западная территория Руси (Белая Русь, или Белоруссия) сначала попала под власть литовских князей, потом — польского короля, а юго-западная окраина Руси (Украина) отошла к Польше и Турции.

С. Иванов. Древние славяне. 1909

В период разобщенности стали формироваться самостоятельные белорусский и украинский языки, которые тем не менее навсегда сохранили древнерусскую основу. Судьба Белоруссии и Украины складывалась непросто, но и оторванные от Руси-России, они продолжали тяготеть к ней как к общему восточнославянскому дому и не утратили свои изначальные культурно-исторические корни. Поэтому закономерно, что в конце XVIII века белорусские земли вернулись к России, а еще раньше — в 1654 году — по народному волеизъявлению состоялось историческое воссоединение с Россией Левобережной (по левому берегу Днепра) Украины. Что касается Правобережной, то она вошла в состав Рос-

сии в конце XVIII столетия, освободившись в ходе очередной русско-турецкой войны из-под власти Турции.

Сильное в древности Болгарское царство в начале XI века потеряло независимость, подчинившись Византии, а с конца XIV столетия почти пятьсот лет эта южнославянская страна была под властью Турции. Освободиться от чужеземного ига Болгарии в 1877—1878 годах помогла братская Россия.

Сербия, другая могучая балканская держава, была завоевана Османской империей в 1459 году и тоже вернула себе независимость лишь четверста лет спустя, в 1878 году, в результате Русско-турецкой войны.

Хорватия с 1102 года попала под власть венгерских королей, а в XVI—XVIII веках входила сначала в Австрийскую империю Габсбургов, затем была захвачена Османской империей.

Черногория (тогда она называлась Диоклеей) как самостоятельное княжество образовалось в XII веке, но вскоре вошла в Сербское государство, а с конца XV столетия оказывается под властью Турции и на короткое время становится независимой после поражения Османской империи в Русско-турецкой войне в 1878 году.

Босния и Герцеговина (центральная часть Балканского полуострова) в XII—XIV веках — княжество, затем королевство. В 1460—80-х годах оно завоевано Турцией, а с 1878 по 1918 год страна входила в состав Австро-Венгрии.

На территории Словении в XI—XII веках существовали княжества Каринтия, Штирия, Крайна и др. С начала XVI столетия и до 1918 года Словения находится под властью Австро-Венгрии.

Македония (южная часть Балканского полуострова) подчинялась Византии, входила в Болгарское царство, а с XIV века — в Турецкую империю. В начале XX века произошел раздел территории Македонии между Сербией, Грецией и Болгарией.

Чехи потеряли независимость в 1526 году, когда на богемском престоле воцарилась австрийская королевская династия Габсбургов.

Словакия с XI столетия была включена в Венгерское королевство, а позднее (XVI в.) поделена между Османской империей и империей Габсбургов. После распада Австро-Венгрии в 1918 году Чехия и Словакия объединились и образовали новое государство — Чехословакию.

Польша в течение нескольких столетий была одной из могущественных стран Европы, но в XVIII веке тяжелые затяжные войны привели страну к упадку и, как следствие, — к утрате независимости, восстановить которую удалось лишь два столетия спустя.

Историю славянских народов не назовешь ровной и спокойной. Страны славянского мира постоянно вплетались в клубок сложнейших противоречий, пережили не одну агрессию, оккупацию, массовое истребление. Особенно кровавой, принесшей невосполнимые потери, была Вторая ми-

ровая война. В это время одни славянские государства были насильственно присоединены к фашистской Германии, другие в яростной и праведной борьбе с врагом отстаивали свою независимость. Главная заслуга в Великой Победе над немецко-фашистской военщиной принадлежит Советскому Союзу — сверхдержаве, где первой среди равных была Россия. И поэтому в порядке вещей, что впоследствии, после распада Советского Союза в 1991 году, именно Россия стала его основной правопреемницей.

В XX—XXI веках целый ряд славянских народов — кто впервые за многие сотни лет, кто во второй или даже в третий раз — обрели собственную государственность. На карте мира появились суверенные государства Беларусь (1991), Босния и Герцеговина (1992), Македония (1991), Сербия (2006), Словакия (1992), Словения (1990), Украина (1991), Хорватия (1990), Чехия (1993), Черногория (2006). В июне 1990 года о государственном суверенитете объявила и Россия, прежде входившая, как и Белоруссия с Украиной, в состав огромной державы — Союза Советских Социалистических Республик (СССР).

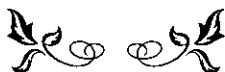
Сегодня каждая из славянских стран идет своим путем и руководствуется собственным историческим выбором.

Что ждет славянские народы в наступившем XXI веке и новом, 3-м тысячелетии? Как пойдет развитие стран славянского мира?

На эти вопросы пока можно ответить: будущее покажет.

Но уже сейчас совершенно ясно, что славянство — по-прежнему могучая сила и влиятельная составляющая мирового сообщества, что славянские государства успешно вписались в сложную многонациональную конструкцию, которую образуют сегодня большие и малые страны на нашей общей планете.

**ИЗВЛЕЧЕНИЯ
ИЗ ИЗВЕСТИЙ
О ДРЕВНИХ
СЛАВЯНАХ**

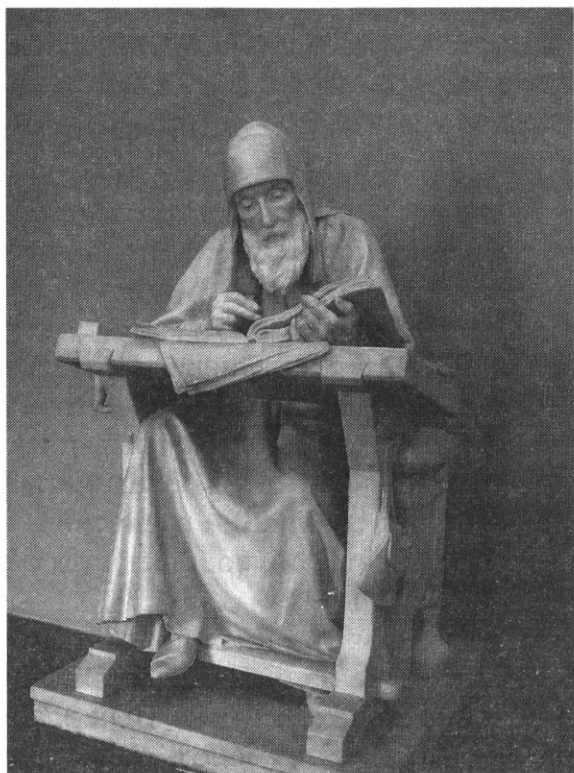

При желании заинтересованный читатель может теперь остаться один на один с источниками. Ниже предлагаются вниманию отрывки из Повести временных лет, «Поучения» Владимира Мономаха и фрагменты сочинений греческих, латинских и восточных авторов, сообщающих о славянах.

Повесть временных лет представляет собой как бы избранные места из русских летописей, сведенные воедино монахом Киево-Печерского монастыря Нестором и игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестром, жившими во второй половине XI — начале XII века. В их распоряжении, наряду с сегодня известными источниками, были и более древние и утраченные, в том числе и письменные.

«Поучение» Владимира Мономаха написано между 1117—1125 годами. Это яркий памятник общественно-политической мысли, из которого видно, какие усилия предпринял этот князь для сплочения Руси и отпора половцам. Сочинение интересно не только автобиографической ча-

М. Антокольский. Нестор-летописец. 1890

стью, но и акцентированием внимания на идеалах и ценностях, которыми прежде всего следует дорожить доброму христианину, по мнению Мономаха, выдающегося государственного деятеля и полководца Древней Руси.

Классические свидетельства, проливающие свет на появление славянских племен на исторической авансцене, принадлежат знаменитым римским историкам Корнелию Тациту (ок. 58 —

ок. 117) и Гаю Плинию Секунду, или Плинию Старшему (между 23 или 24—79).

Важны сведения о славянах, помещенные в «Географическом руководстве» греческого астронома и географа Клавдия Птолемея (ок. 90 — ок. 160); в труде остготского историка Иордана (VI в.) «О происхождении и деянии гетов»; в «Истории войн Юстиниана» византийского писателя-историка Прокопия Кесарийского (ок. 500 — после 565); в книге «Стратегикон» («Стратегия») восточноримского полководца, а затем императора Маврикия Стратега (539—602).

Далее круг источников продолжают отрывки из «Истории» Феофилакты Симокатты (80-е гг. VI в. — после 641 г.); извлечения из собрания «Чудес святого Димитрия Солунского» (не ранее 2-й половины X — конец XI — начало XII в.); «Краткой истории...» патриарха Никифора Константинопольского (758—828).

В хрестоматийный корпус сведений о славянах, конечно, входят также «Хронография» одного из святых отцов церкви Феофана Исповедника (ок. 760—818); письмо папы Григория I (ок. 540—604); «Хроника Фредегара» — архидиакона, известного также как Фредегар Схоластик (VII в.); выдержки из переписки англосаксонского миссионера Бонифация (675/76—754), в том числе с римским папой Захарией, по традиции того времени называющим себя просто епископом; «История лангобардов» крупнейшего средневекового писателя и историка Павла Диакона (725/30—799?).

Грекоязычный житийный текст «Мученичество Орентия и его братьев», предположительно созданный в XI в. агиографом Иоанном Ксифилином, но утраченный и сохранившийся лишь в грузинском переводе XII века, дает представление о том, что даже на восточных окраинах Византии (а именно там, по мнению специалистов, появилось житие братьев-мучеников) славяне, как ни покажется это невероятным, были известны очень давно, чуть ли не до завоевания арабами Восточного Причерноморья в VII веке.

Хронологические записи разного времени, помещенные в свод под названием «Смешанная хроника» (VII в.), относятся к памятникам истории христианства, авторство которых точно не установлено, но с большой долей вероятности исследователи считают, что он был написан одним из безымянных подвижников и распространителей веры Христовой в Сирии.

Помещенные здесь тексты представляют интерес не только историческими реалиями, но и мифами о славянах: небылицами, которые распространялись об этих «варварах» и «дикарях» как о злых язычниках, вероломных разбойниках, жестоких завоевателях, объединенных в бесчисленные и сильные племена. Хорошо заметна тенденция изображать славян как грозу христианского мира с целью списать на них неудачи во внешней политике, оправдать агрессию и огромные расходы на войско, насильственное крещение. «Славянский след», «славянская угроза» —

излюбленные лжепроводы западной экспансии против самих славян.

Извлечения печатаются по изданиям: *Рассказы русских летописей* / Пер. и сост. Т.Н. Михельсон. М.: Издательский центр «Витязь», 1993. 336 с.; *Хрестоматия по древнерусской литературе* / Сост. М.Е. Федорова и Т.А. Сумникова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1985. 255 с.; *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. I. 472 с. / Отв. ред. Л.А. Гиондин, Г.Г. Литаврин; Т. II. 590 с. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1994—1995.

Подготовка текстов и комментариев к ним выполнена при участии лингвиста и слависта М.С. Капричевой, за что автор и редакция выражают ей благодарность и признательность.

Повесть временных лет

Так начнем повесть сию.

Славяне сели по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от тех славян разошлись славяне по земле и стали называться по тем местам, где селились. Так одни пришли и сели на реке, по имени Морава, и прозвались моравами, а другие назвались чехами. А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы. Когда волохи (по разным предположениям, волохи — норманны, франки или кельты. — *Ред.*) напали на дунайских славян и поселились среди них и стали притеснять

их, то славяне эти ушли на север и поселились на Висле. Они прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки.

Иные славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, прозвались своим именем — славянами и построили город и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне и по Сейму и по Суле и прозвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно... тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловати, а по Ловати можно выйти в Ильмень, озеро великое. Из того же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево (Ладожское. — *Ред.*), и устье того озера впадает в море Варяжское (Балтийское. — *Ред.*). И по тому морю можно идти до Рима, а от Рима можно прийти по тому же морю к Царьграду. А от Царьграда можно прийти в Понт-море (Черное море. — *Ред.*), в которое впадает Днепр-река. Днепр же вытекает из Оковского леса (в районе Валдайской возвышенности. — *Ред.*) и течет на юг. Двина... же... течет и идет на север и впадает в

море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью рукавами в море Хвалисское (Каспийское. — *Ред.*). Так из Руси можно идти по Волге в Болгары (имеется в виду Волжская Булгария. — *Ред.*) и в Хвалисы, а по Двине — в Варяги, из Варяг до Рима.

Поляне жили отдельно и управлялись своими родами... а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От них же произошли кривичи, которые сидят в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск. Именно там сидят кривичи, от них же и северяне. На Белоозере (имеется в виду не город, а местность, прилегающая к Белому озеру. — *Ред.*) сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине (Плещеевом. — *Ред.*) озере меря же. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома (финно-угорское племя. — *Ред.*), говорящая на своем языке, и черемисы (мари. — *Ред.*), говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так, потому что сидели на Бугу, но затем названные волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордова (мордва. — *Ред.*), пермь, печора, ямь, литва — эти говорят на своих языках.

Радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой Вятко, и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко с родом своим на Оке, от него прозвались вятичи. И жили между собой в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Имели они свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне.

Притеснили полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань».

Поляне, посовещавшись, дали от дыма (то есть от каждого дома. — *Ред.*) по мечу. И отнесли хазары мечи к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу, на горах, над рекою Днепром». Опять спросили старцы хазарские: «А что дали?» Они же показали мечи. И сказали старцы: «Не добрая дань эта... Мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель.

И сбылось все: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В лето 852, когда начал царствовать в Греции Михаил, стала прозываться русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот с этой поры начнем и числа положим.

В лето 859. Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян новгородских, и с мери, и со всех кривичей, а хазары брали с полян, и северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке с дыма.

В лето 862. Изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было в них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: «Поищем себе князя, который владел бы нами и судил по праву».

И пошли за море, к варягам, к руси. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

И собрались трое братьев со своими родами и пришли к словенам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске.

Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — пришельцы, а первое население в Новгоро-

де — славяне, в Половецке — кривичи (Половецком, вероятно, назван Полоцк — город в земле кривичей-полочан. — *Ред.*), в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — муромы, и теми всеми владел Рюрик.

В лето 964. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много храбрых воинов. И легко ходил в походах, как пардус (барс. — *Ред.*), и много воевал. В походах же не возил за собою ни воза, ни котла, не варил мяса. Но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так и ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав войлок, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Иду на вы».

И пошел на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам... даем».

В лето 965. Пошел Святослав на хазар. И в битве одолел Святослав хазар и столицу их взял. И победил ясов и касагов.

В лето 966. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В лето 967. Пошел Святослав на Дунай, на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял восемьдесят городов их по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславле, беря дань с греков.

«Поучение» Владимира Мономаха

...**П**омыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра...

Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь. А Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божья, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться. Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они. Ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иначе добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божью...

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей... Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чти, как отца, а молодых, как братьев.

В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте... чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим.

На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью, сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи

остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам (слугам. — *Ред.*) причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем; ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собою. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо. Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные...

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я... с тринадцати лет...

А всего походов было 80 и 3 великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного 20, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей...

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя... сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал... Также и бедного смерда (крестьянина. — *Ред.*) и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои, или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми Его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божье обережание лучше человеческого.

Плиний

III

...Другая река, Бакунтий, в Саву ... впадает у города Сирмия, где община сирмиентиев и амантинов. Оттуда в 45 [милях] Таурун, где Сава смешивается с Данувием (Дунаем. — *Ред.*). Выше впадают Вальдас, Урпан, сами также не безызвестные.

IV

От него [Данувия], притом во множестве, суть все племена скифов, однако они различно владеют прилегающими к взморью [пространствами]: в ином месте геты, называемые римлянами даками, в ином сарматы, [называемые] греками савроматами, и из них гамаксобии или аорсы, в ином скифы низкого происхождения, рожденные от рабов, или троглодиты, затем аланы и роксоланы; верхние же [области] между Дануviем и Геркинийскими горами (горы на севере известной тогда части Европейского материка. — *Ред.*), вплоть до паннонских зимних квартир, где проходит общая граница германцев... отделяющая их от свевов... поля и луга [держат] язиги-сарматы, а горы и ущелья... держат бастерны и затем другие германцы.

VI

...Реку Танаис (Дон. — *Ред.*)... населяют и сами разделенные на многие племена сарматы, — как говорят, потомки мидян.

Тацит

Здесь граница Свевии (Швабии, района, где смыкаются Дунай и Рейн. — *Ред.*). Я колеблюсь, причислить ли народы певкинов, вечетов и фенов к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии. Смешанными браками они обезображивают себя, почти как сарматы. Венеты многое усвоили из [их] нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и фенами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят [большие] щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты — это все отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне.

Птолемей

III

Л занимают Сарматия очень большие народы — венеды вдоль всего Венедского (Гданьского. — *Ред.*) залива... И меньшие народы населяют Сарматия: по реке Вистуле ниже венедов гитоны, затем финны, затем сулоны; ниже них фругудионы, затем аварины у истока реки Вистулы; ниже этих омброны, затем анартофракты, затем бургионы, затем арсиэты, затем сабоки, затем пиенгиты и биес-

сы возле горы Карпата. Восточнее названных, снова ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов... И снова побережье океана (под океаном автор имеет в виду Северное и Балтийское моря. — *Ред.*) вдоль Венедского залива последовательно занимают вельты. Выше них осии, затем еще севернее карбоны, восточнее которых кареоты и салы, за ними и гелоны, и гиппоподы, и меланхлены; за ними агафирсы, затем аорсы и пагириты; за ними савары и боруски вплоть до Рипейских гор (в этих горах, согласно древнегреческой мифологии, находилось жилище северного ветра Борея. — *Ред.*).

VIII

Населяют же [часть] этой Скифии, всю обращенную к северу, вплотную к неизвестной [земле], так называемые аланы скифы, и суобены, и аланорсы, а [территорию] ниже их сэтианы, и массэи, и сюэбы, и у внешней стороны [горы] Имаон тектосаки, а затем у восточных истоков реки Ра (Волги. — *Ред.*) робоски, ниже их асманы, затем паниарды.

Иордан

I

Так вот, готы помнят, что они некогда вышли вместе со своим королем по имени Бериг с этого острова Скандзы, словно [из] мастерской, [изго-

товляющей] народы, или же как будто [из] лона племен. Как только они, сойдя с судов, коснулись материка, тут же дали название [этому] месту. Ведь и теперь, как говорят, оно называется Готискандза.

Двинувшись вскоре оттуда к местам обитания ульмеругов, живших тогда на берегах океана (как и Птолемей, Иордан подразумевает под океаном Северное и Балтийское моря. — *Ред.*), разбили лагерь и после происшедшего сражения выгнали тех с их собственных мест. И покорив тогда же их соседей вандалов, добавили к своим победам [еще одну]. Когда же так возросло число большое множество народа и правил уже чуть ли не пятый король после Берига, Филимер, сын Гадарига, [у него] возник замысел двинуть войско готов вместе с семьями оттуда дальше.

Пока он искал наиболее удобные места обитания и подходящие местности, пришел в земли Скифии, которые называются на их языке Ойум. Когда он восхитился великим изобилием тех краев и половина войска переправилась, мост, по которому он переходил реку, говорят, рухнул, и никому уже в дальнейшем не стало возможности пройти туда и обратно. Ведь это место, говорят, окружено пучиной, замкнуто зыбкими болотами. Природа делает его непроходимым вследствие соединения обоих препятствий. Однако можно верить, по свидетельству путешественников, хотя и слышавших издалека, что и сейчас там слышится мычание скота и видны признаки [обитания] людей.

И так, говорят, что та часть готов, которая вместе с Филимером переправилась после перехода реки в земли Ойум, овладела желанной страной. И, не медля, тотчас они доходят до народа спалов и, завязав сражение, одерживают победу, а оттуда уже как победители спешат в крайнюю часть Скифии, которая соседствует с Понтийским (Черным. — *Ред.*) морем. Так, по общему обычаю, вспоминается [об этом] в их древних песнях, почти похожих на исторические сочинения.

...Прежде чем сообщить о другой [стране], необходимо объявить, как расположены границы этой страны.

Ведь Скифия погранична земле Германии до того места, где начинается река Истер и ширится Морсианское болото (точное местонахождение Морсианского болота, или озера, учеными не определено. — *Ред.*), простираясь вплоть до реки Тиры, Данастра (Днестра. — *Ред.*) и Вагосолы и великого Данапра (Днепра. — *Ред.*) и горы Тавра... через пролив Босфора вплоть до горы Кавказа и реки Аракса и затем, загибая влево после Каспийского побережья (которое возникает на крайних пределах Азии у Северного океана наподобие гриба, сперва узким, потом в очень широкой и округлой форме), все дальше удаляется, простираясь вплоть до хуннов, албанов и серов.

Эта, повторяю, страна, то есть Скифия, далеко тянущаяся и широко раскинувшаяся, имеет [в ка-

честве границ] с востока серов, населяющих берег Каспийского моря в самом его начале, с запада — германцев и реку Вистулу, с полуночи, то есть с севера, окружена океаном, с юга — Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется [также] Данувий от его устья до истока.

А по той стороне, которая примыкает к Понтийскому морю, она покрыта небезызвестными: Борисфениды, Ольвия, Каллипода, Херсона, Феодосия, Карей, Мирмекий и Трапезунта, основать каковые позволили грекам непокоренные скифские племена, чтоб [эти города] осуществляли с ними торговлю...

В этой Скифии первым с запада пребывает народ гепидов, который окружен великими и славнейшими реками. Ведь по северу и по его области растекается Тисия, с юга же [его] отсекает сам великий Данувий, с востока — Флу-тавсий, который, будучи стремительным и изобилующим водоворотами, неистовствуя, катится в воды Истра.

В их [то есть рек] окружении лежит Дакия, укрепленная [расположенными] наподобие венца крутыми Альпами. У их левой стороны, которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами.

Славяне живут от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы; болота и леса заменяют им города. Анты же, самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу. Простираются от Данастра вплоть до Данапра. Эти реки удалены друг от друга на много переходов.

<...> За ними выше Понтийского моря простираются места обитания болгар, которых сделали известнейшими несчастья, [причиненные ими] по грехам нашим. Там уже хунны, словно плодороднейший дерн, [порождающий] могущественнейшие народы, разрастаются двумя свирепыми народами — ныне одни называются альтциагирами. Другие — савирами; однако они имеют различные места обитания.

IV

После того как король готов Геберих (Гейзерих. — *Ред.*) удалился от дел человеческих, через некоторое время царство унаследовал Херманарик. <...>

После избиения херулов Херманарик также двинул войско на венетов, которые, хотя и достойные презрения из-за их [плохого] вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться. Но ничего не значит множество негодных для войны, особенно когда с поущения Господня наступает многочисленное

[хорошо] вооруженное войско. Они же, как мы сказали в начале [нашего] изложения или в каталоге народов, произойдя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и славян, которые, хотя теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим, тогда, однако, все подчинились власти Херманарика (Германариха или Эрманариха. — *Ред.*).

Подобным же образом и племя эстов, которые населяют протяженный берег Германского океана, он же самый покорил при помощи благоразумия и доблести и властвовал над всеми племенами Скифии и Германии как над собственными владениями.

Прокопий Кесарийский

IV

... **Б**ыл некто Хилвудий, близкий к дому императора Юстиниана, очень находчивый в военных делах и настолько выше денег, что за величайшее богатство в имуществе своем считал ничего не иметь. И этого-то Хилвудия император, в то время, когда четвертый год владел самодержавной властью, провозгласив военачальником над Фракией, поставил для охраны реки Истр, приказав следить, чтобы для тамошних варваров река была более непроходима, потому что уже часто, совершив там переправу, гунны и анты и склавины творили

ромеям ужасное зло. Хилвудий же стал настолько страшен варварам, что в течение трех лет, пока он там пребывал в этой должности, не только никто не смог перейти Истр против ромеев. Но и ромеи, часто вступая с Хелвудием на противоположный берег, убивали и порабощали тамошних варваров. А тремя годами позже перешел Хелвудий реку, где он привык, с небольшим войском, склавины же вышли навстречу всем народом. И произошла жестокая битва, и из ромеев многие пали, и сам полководец Хилвудий. И с тех пор стала река всегда доступна для варваров по их произволу, и ромейское государство открыто для нападений, и вся ромейская держава в деле этом никогда не смогла стать равносильна доблести одного мужа.

<...> Племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. А также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но, когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав [смерти], жерт-

вуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения. Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешнею они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются к черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни [их] грубый и неприхотливый... и они постоянно покрыты грязью, — впрочем, они менее всего коварны или злокозненны, но и в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неимоверно обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра. Вот так обстоит дело с тем, что касается этого народа.

Маврикий Стратег

II

Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу. И дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы (разновидность пшеницы. — *Ред.*). Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с раз-

ных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно настигающих их опасностей; все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями...

Если в силу необходимости предполагается возвращение через эти же узкие места, нужно или вырубить и расширить их... или оставить в них до возвращения достаточное войско, чтобы враги, неожиданно либо скрытно появившись, не причинили вреда во время пути армии, идущей, как обычно, с добычей. И при стоянках остерегаться, как это принято, лесистых мест и не разбивать лагерь вблизи них: из них ведь легко отваживаются на нападения и случаются хищения коней. Пешую силу размещать в порядке и внутри фоссата (военного лагеря. — *Ред.*), кавалеристов же — вне его, а дозоры располагать на удалении вокруг пасущихся лошадей. Впрочем, если невозможно помыслить о кормлении коней, пусть и днем и ночью конница находится внутри. Если же наступит время сражения, не выстраивать против них слишком глубоких боевых порядков и предпринимать нападения на них не только с фронта, но и с других сторон. Если же, как случается, занимая более укрепленное место и будучи защищенными с тыла, они не допускают возможности [для того], чтобы подвергнуться окружению или нападению с флангов либо с

тыла, необходимо одним устроить засады, а другим изобразить бегство на виду у них, чтобы они, охваченные надеждой на преследование, оставили укрепление; тогда повернуть против них или напасть на них тем, которые находятся в засаде.

Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к [их] объединению или монархии. Так называемых перебежчиков, получающих приказ показывать дороги и сообщать о чем-либо, следует надежно стеречь: ведь есть [среди них] и ромеи, переменившиеся со временем и забывшие своих; они предпочитают благосклонность к врагам. Благонамеренных из них подобает благодетельствовать, творящих же зло — карать. Найденные в стране припасы не растрачивать несвоевременно на месте, но стараться переправлять в свою землю на вьючных животных и судах; поскольку их реки впадают в Данувий, перевозка на судах оказывается удобной.

Пехотинцы необходимы не только в тесных местах и укреплениях, но и в местах труднопроходимых, и у рек: в таком случае можно легко построить через них переправы, когда там покажутся враги...

<...> Следует предпринимать против них неожиданные нападения, лучше всего через места, не возбуждающие подозрений, заранее установить

порядок для отрядов... Когда переправа совершенна внезапно и если имеется возможность предпринять нападение из двух подходящих мест, нужно разделить войско надвое и одну из частей, сильную и без обоза, взять ипостратигу, чтобы, уйдя вперед на расстояние 15 или 20 миль, нападать с фланга, с неожиданных позиций, как бы со сторон более возвышенных, и, приблизившись оттуда... приняться за добычу, двигаясь навстречу части стратига... При таких нападениях не следует захватывать живыми тех из врагов, которые способны оказать сопротивление, но убивать всех встречных и продвигаться дальше. И не задерживаться ради них, в особенности тем, которые совершают переход, а «ловить» благоприятное время.

Феофилакт Симокатта

II

И вот вспыхнула и запылала большая война между ромеями и персами. А геты или, что то же самое, полчища славян причинили большой вред области Фракии.

III

На следующий день телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне, не имевшие при себе ничего железного и никако-

го оружия: единственной их ношей были кифары. И ничего другого они не несли. Император [принялся] расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях.

Они отвечали, что племени они славяне и живут у оконечности Западного (Атлантического. — *Ред.*) океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их. Захваченных [императором], с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев. А хаган, забыв о законе, [защищающем] послов, начал-де чинить им препятствия к возвращению. Они же, наслышанные, что племена ромеев, если дозволено так сказать, очень славятся богатством и человеколюбием, ушли во Фракию, обманув в подходящий момент [хагана]. А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружия: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб. Ведь тем, кто о войне и не слыхивал, естественно, как они говорили, заниматься безыскусными мусическими упражнениями. Автократор (самодержец. — *Ред.*), [услышав] все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию.

V

...Итак, Приск (командующий византийским войском. — *Ред.*), одержав верх благодаря красноречию, отправил к императору плоды ратных трудов, а для охраны добычи назначил триста человек, поставив во главе их Татимера. И вот Татимер начал путешествие в Византий. На шестой день он натолкнулся на славян и неожиданно оказался в беде: в середине дня, когда он без опасений и осторожности разбивал лагерь, а лошади паслись на траве, напали варвары. Конечно, поднялась тревога; поскольку ромеи оказались без коней, Татимер помчался вперед с немногими [всадниками] и, оказавшись рядом с варварами, подвергся смертельному риску. Не будучи в состоянии выдержать бой лицом к лицу, он обратился в бегство; его настигли несколько шальных стрел, и он еле избежал опасности. Но вот ромеи появились пешими, спасли Татимера, и наконец началась рукопашная схватка со славянами. Битва была жаркая, ромеи победили славян и устроили великое избиение, а пятьдесят варваров взяли в плен; они вернулись за палисад, отстояв от славян ромейскую добычу...

VII

...Оставив Одисс (здесь и далее названия городов и укрепленных пунктов. — *Ред.*), [Петр] (полководец, брат императора. — *Ред.*) перешел в области, расположенные левее, и, прибыв в Мар-

киануполь, приказал тысяче [воинов] двинуться впереди войска. И вот они натолкнулись на шестьсот славян, везших большую добычу от ромеев: они, [славяне], разорив Залдапу, Акис и Скопис, гнали теперь несчастных назад в качестве добычи. Все трофеи были у них собраны на огромном множестве повозок. Как только варвары увидели приближающихся ромеев, а затем были ими замечены, они принялись убивать пленных. Из пленников-мужчин были убиты все, способные носить оружие. Поскольку варвары не могли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок, в середине обвода поместив детей и женщин. Ромеи, приблизившись к гетам — таково древнее имя этих варваров, — не решались сойтись с ними врукопашную: они боялись дротиков, которые варвары со своего укрепления метали в коней. Тогда ромейский командир по имени Александр на родном языке ромеев приказал им сойти с коней и встретить военные опасности лицом к лицу. И вот они, спешившись, подступили к укреплению, стреляя и отражая бросаемые стрелы. Таким образом, битва затягивалась для обеих сторон, и тогда один ромей бросился вперед, вскочил на повозку, связанную с остальными укреплениями и охранявшую варваров, а затем, встав на ней, принялся разить мечом [всех], кто приближался. Тут варвары оказались перед неумолимой бедой, ромеи с этого момента начали разрушать варварское укрепление. Отчаявшись в спасении, варвары вырезали оставшихся плен-

ных. Ромеи, совершив победный натиск, перебили находившихся в укреплении варваров, но с трудом и слишком поздно.

На другой день победители сообщали стратигу о случившемся. На пятый день стратиг прибыл на это место и, увидев дела рук передового отряда, воздал ему дарами за подвиги...

Петр, не вынеся упреков, содержащихся в письме автократора... снялся с лагеря и, сменив четыре стоянки, прибыл в места нахождения славян. Но на десятый день автократор Маврикий отправил брату императорское послание, [требуя] остаться во Фракии, ибо Маврикий узнал, что полчища славян готовы обрушиться на Византий. Поэтому стратиг двинулся к крепости Писту, затем прибыл к Залдапе. На второй день он пошел к городу Ятрус и, наконец, миновав крепость Латаркий, разбил лагерь у Нов. А местные жители, услышав, что предстоит прибытие стратига, вышли из города и, встретив его с большими почестями, просили Петра стать вместе с ними участником праздника [в честь] мученика Луппа; а канун праздника мученика Луппа был именно в этот день. Стратиг отвечал, что не может оставаться на [целый] день в этом месте из-за спешности своего похода. Но горожане, усилив настояния, неотступными мольбами заставили стратига принять участие в празднике.

<...> На четвертый день Петр отправил тысячу воинов разведать врага. Они натолкнулись на десять сотен болгар. Поскольку между ромеями и

хаганом был мир, варвары двигались беззаботно, ромеи же в соответствии с приказом стратига пустили в ход против варваров дротики. Булгары прислали парламентеров, отказываясь от битвы и убеждая ромеев не нарушать мира. Экзарх отряда переправил послов к стратигу, стоявшему в восьми милях от этого места. Петр, отвергнув миротворческие доводы, велел передовому отряду предать варваров мечу.

<...> Стратиг... приказывает войску переправиться через реку, не считаясь с возможностью того, что там окажутся враги. Когда [первая] тысяча перешла реку, варвары ее полностью уничтожили. Узнав об этом, стратиг сделал так, чтобы группы [воинов] переправлялись не рассеянно, но все вместе, — ведь, пересекая реку в малых количествах, они становились бессмысленной жертвой врага. Когда ромейское войско было таким образом приведено в порядок, варвары выстроились на берегу реки. Ромеи же стали засыпать варваров копьями с лодок. Те не смогли устоять под тучей выпускаемых [по ним] стрел и оставили берег осиротевшим. Тогда же погиб и их таксиарх... (военачальник. — *Ред.*) Пирогаст: пораженный стрелой в бок, он умер, ибо рана оказалась смертельной. Как только пал Пирогаст, враги обратились в бегство, ромеи стали хозяевами речного берега. Затем они принудили к бегству толпы варваров и учинили большую резню, но не могли долго продолжать преследование из-за отсутствия коней и вернулись в лагерь.

На следующий день проводники, ведшие войско, окончательно заблудились, так что воинов охватила жажда. Беды продолжались. Не перенеся отсутствия воды, ромеи утоляли жажду вином. Несчастье длилось и на третий день. И все войско погибло бы, если бы какой-то захваченный варвар не сказал, что всего в четырех парасангах находится река Иливакия. Так ромеи к утру достигли воды. И вот одни, преклонив колени, жадно тянут ее губами, другие черпают пригоршнями, иные наполняют из потока сосуды.

Чудеса святого Димитрия Солунского

...Действительно величайшим чудом из великих чудес было... другое. Когда... славяне на свою гибель коварно задумали и изготовили защитное оружие и приспособления для нападения на город (Фессалоники. — *Ред.*) — один придумывал новые неизвестные машины, другой делал, изобретая, новые мечи и стрелы, — они соревновались друг с другом, стараясь казаться более сообразительными и более усердными в помощи племенным вождям. Был среди них один из этого народа славян, умевший достойно держать себя, дельный и разумный, а также благодаря его большому опыту сведущий в сооружении и устройстве боевых машин. Он просил самого князя дать ему разрешение и помощь, чтобы соорудить ве-

ликолепную башню из крепко соединенных бревен, поставить ее, искусно укрепив, на колеса или какие-нибудь катки. Он хотел покрыть ее свежесодранными шкурами, установить сверху камнеметы и оковать с двух сторон в виде... меча. Сверху же, где зубцы, будут ходить гоплиты. Она была бы в три этажа, чтобы в ней помещались лучники и пращники, — словом, соорудить такую машину, с помощью которой, как он утверждал, они обязательно возьмут город.

Когда архонты славян, удивленные описанием странного сооружения, о котором рассказано, отнеслись с недоверием к его словам, они повелели изобразить на земле устройство указанной машины. Мастер же, который изобрел это сооружение, ничуть не поколебавшись, воспроизвел изображение машины на земле. Убедившись наконец в том, какой ужас она должна вызывать, они охотно дали много юношей: одних рубить лес для основы, других, опытных и сильных, для его отделки, третьих, искусно обрабатывающих железо, дляковки, четвертых в качестве воинов и мастеров по изготовлению метательного оружия. И было огромное стечение помогающих [в строительстве] упомянутой машины. Когда же они один за другим собрались для этого дела и наконец работа должна была начаться, тогда заступник и защитник всех славный Димитрий, заботливо предвидящий будущее, явился тому, кто намеревался строить машину, и, ударив по лицу рукой, лишил рассудка и памяти. Так что тот сразу стал убегать от своих.

Они вернули его для работы, но он опять убежал еще дальше. И чем ближе они хотели подойти к нему, тем дальше он уходил от них. Потеряв таким образом разум, он жил в труднопроходимых горах, как дикий зверь, без одежды, избегая всех людей и скрываясь. Поэтому в конце концов работа над этой сложной машиной была оставлена.

Упомянутый же мастер по-прежнему оставался в пустыне, пока подготовка осады не была остановлена [заботами] мученика. И тогда изобретатель этой машины, придя наконец в себя, рассказал всем, как ему явился мученик. Когда он начал работу, он увидел какого-то огненного мужа в прекрасных одеждах, который ударил его рукой по щеке. И с тех пор он потерял рассудок и память, всех принимал за мученика и убегал. Он снова увидел его, и тот вернул его из пустыни и сказал ему, чтобы он не боялся, а шел в город искать его. [Мастер] пошел и стал искать святого чудотворца, спасителя отечества и нашел его. И когда понял, что именно он воспрепятствовал [созданию] этой машины, сразу же искренне уверовал в Бога и святого мученика Димитрия и был удостоен пречистого крещения, возвестив всем о вышесказанном чуде.

И вновь помощь явилась по заступничеству градолюбца. Когда все славяне со Стримона и с Ринхина наконец немного успокоились, сложив оружие, они грабили мореплавателей, посланных в царственный город, чтобы доставить урожай с островов, от Узкого моря (имеется в виду, по видимому, пролив Босфор. — *Ред.*) и из мест око-

ло Париона и Проконесса, и, забирая в плен вместе с кораблями тех, кто находился в таможне, с множеством судов уходили домой к [своим] «мешкам». Тогда повелитель всего, венчанный Христом наш василевс (царь. — *Ред.*), видя, что враги проявляют упорство и дерзость не только по отношению к нашему городу, но также осмеливаются нападать на самих правящих, приказал своему христолюбивому воинству выступить в поход против [славян] со Стримона через Фракию и [земли] напротив нее, причем не тайно или скрыто, но известив их о наступлении. Узнав [об этом], [славяне] заняли теснины и укрепленные места и вооружились для сопротивления ромейскому войску. Они просили о всяческой военной помощи у разных варварских союзных [им] князей.

Но и на этот раз... могучий мученик вместе с другими святыми вооружился и возвысил победами ромейское войско над славянами. Они перебили в засадах, которые устроили сами [славяне], более сильных из них и видных, а также гоплитов. И побежало все варварское племя, а некоторые, тайно проникнув в наш богохранный город, побуди при этом [горожан] выйти к находившимся вблизи их хижинам и взять припасы, так как из-за несказанного страха и избиения, которое там было, семьи, оставив все, бежали [в глубь] области. И можно было видеть мертвых [славян] и бегущих горожан, вместе с женами и детьми, направляющихся в хижины, расположенные вокруг Литы и других ближайших мест, и уносящих [от-

туда], взвалив на плечи, хлеб, овощи, другие припасы и прочее для пропитания, шли безоружные и, как обычно... в пути и в жару полуодетые. И то, что они задумали против нашего города, промысл свыше по [предстательству] мученика обратил на них.

Послав туда войско для борьбы со славянами, правивший нами справедливо и благочестно отправил сюда корабли с хлебом еще до того, как мы его попросили. И тогда как правители и в этом случае бездействовали от страха из-за того, что они вывезли отсюда хлеб, и еще не были с позором разоблачены и обманывали, говоря, что и пяти тысяч [модиев] хлеба совершенно достаточно для города, вышеупомянутый государь наш по Божию внушению приказал отправить нам шестьдесят тысяч [модиев] хлеба. Когда вместе с отправкой хлеба и других припасов отплыли и суда для их охраны, варвары, доведенные до крайности, заговорили наконец о мире...

Патриарх Никифор

III

Он] (вождь племени булгар Куврат. — Ред.) заповедал никогда не отказываться от совместной жизни друг с другом, чтобы благодаря добрым взаимоотношениям уцелело все находящееся под их властью. Они же, сочтя пустяком отеческие

наставления, по прошествии недолгого времени разлучились друг с другом, отделив каждый свою часть народа. Первый сын по имени Баян, в согласии с завещанием отца, остался в прадедовской земле вплоть донныне, второй же, называемый Котрагом, перейдя через реку Танаис, поселился напротив них. Четвертый, перейдя реку Истр, располагается в Паннонии, находящейся ныне под аварами, став в подчинение местному племени. Пятый же, обосновавшийся в Равеннском Пентаполе (на адриатическом побережье Италии с городами Анкона, Римини и др.— *Ред.*), оказался данником ромеев. Наконец, третий брат, по имени Аспарух, переправившись через реки Днепр и Днестр, поселился около Истра, достигнув места, удобного для жительства, называемого на их языке Оглом, недоступного и непреодолимого для врагов. Спереди оно защищено и благодаря труднопроходимости [края], и из-за того, что является болотистым. Сзади же оно окружено, как стеной, неприступными обрывами. Итак, поскольку народ таким образом разделился и раздробился, племя хазар из глубин так называемой страны Верилии (предположительно Северный Дагестан. — *Ред.*), так как оно жило вблизи сарматов, нападало отсюда [на соседей] с величайшей безопасностью и достигло, подвергнув набегу все это, пространств земли над Евксинским Понтом и [самого] моря. Вместе со [всем] этим сделав и Баяна подвластным себе, оно принудило [его] к уплате дани.

А Константин (византийский император. — *Ред.*), когда узнал, что народ, уставивший шатрами Истр, принялся разорять в набегах места, соседние с державой ромеев, выступил — в целях обороны — против этого народа, переправив во фракийскую область тяжеловооруженное войско, а также снарядив флот. Булгары же, увидев скопление и всадников и судов, а также будучи поражены внезапностью и неожиданностью [нападения], бежали в свои укрепления, оставаясь там четыре дня. И так как ромеи не имели возможности сразиться с ними из-за труднопроходимости места, те, придя в себя, стали смелее. Василевс же, пораженный болезнью — болями в ногах — и сильно страдавший, отплыл в город Месиврию для лечения (там находились целебные горячие источники. — *Ред.*), приказав архонтам и войскам осаждать укрепления и делать все возможное для отражения [враждебного] народа. Но разнес слух, что василевс бежал. Приведенные этим в замешательство [воины] поспешно бежали, хотя никто [за ними] не гнался. А булгары, видя [это], стали [их] упорно преследовать, и кого бы из войска [ромеев] ни настигали, убивали, а большинство же ранили. Переправившись через Истр, [они пришли] к так называемой Варне близ Одисса и расположенного выше внутреннего пространства. Видя надежность и безопасность места, [огражденного] со всех сторон и благодаря реке и благодаря труднопроходимой местности, они здесь раскинули шатры. Они завладели и близлежащими народами славян и по-

ставили одних из них охранять все соседствующее с аварами, а других — стеречь все близкое к ромеям. Когда же они укрепились и увеличились [в числе], они стали опустошать деревни и городки во Фракии. Василевса же вынудила необходимость, видя это, заключить договор о выплатах им.

IV

Вместе с тем он (император Юстиниан II. — *Ред.*) нарушил и установившийся с булгарами мир (упомянутый выше договор. — *Ред.*). Переведя во фракийские земли конные войска, он тотчас выступил против славян. Совершив поход вплоть до Фессалоники, он захватил много тамошних славянских племен, одних войной, а других — обещаниями... Из них набрал войско до 30 тысяч народа, и народ, который вооружил, стал именовать избранным войском... Опираясь на них, он осмелился разорвать мир, заключенный его отцом с саракинами (сарацинами. — *Ред.*).

Феофан Исповедник

XX

Когда же они (булгары во главе с Аспарухом. — *Ред.*) овладели также из находящихся поблизости славянских племен так называемыми «Семью родами», они поселили северов от перед-

ней теснины Верегава к районам на восток, а в район к югу и западу, вплоть до Аварии, — остальные «Семь родов», находящихся под пактом (Аспарух пришел к соглашению с представителями семи славянских племен о сотрудничестве. — *Ред.*). Итак, когда они распространились в этих местах, они возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением крепости и деревни и порабощать их. Вынужденный этим, василевс замирился с ними, согласившись, к стыду ромеев, по множеству грехов [их], предоставлять им ежегодную дань. Ведь удивительно было слышать и далеко и близко живущим, что всех сделавший своими данниками — и тех, кто на востоке и на западе, севере и юге, — был побежден этим мерзким новоявленным племенем.

XXI

Юстиниан нарушил... с булгарами утвержденный мир, расстроив оказавшиеся урегулированными его отцом установления, и повелевает [затем] переправить во Фракию кавалерийские фемы (конные отряды. — *Ред.*), желая поработить и болгар, и славинии (славян. — *Ред.*).

В этом же году (688/89. — *Ред.*) Юстиниан выступил в поход против Славинии и Булгарии. Булгар, встретившихся случайно, он отбросил, дойдя в набеге до Фессалоники, а что до великих полчищ славян, то одних он подчинил войной,

других же как перебежчиков водворил в краях Опсикия, переправив у Авидоса. Остановленный же на пути при возвращении булгарами в тесной клисуре (по мнению ученых, или в теснинах Родопских гор, или в устье реки Рендина. — *Ред.*), он едва сумел пробиться после резни его войска и многочисленных ранений [от врагов].

Папа Григорий I

I

Григорий — Каллинику, экзарху Италии. Наряду с тем, что вы сообщили мне о победах над славянами, знайте, что великой радости преисполнен я оттого, что подателю сего спешащие с Капрского острова (небольшой остров в Истрии. — *Ред.*) соединиться со святой церковью направлены вашим превосходством к святому Петру, князю апостолов.

II

Григорий — Максиму, епископу Салонскому (имеется в виду г. Салоны в Далмации. — *Ред.*). Прибыв в город Рим, общий сын [наш] пресвитер Ветеран нашел меня столь ослабевшим от подагры, что я никак не мог сам ответить письмами твоей братской милости. По поводу же народа славян, кото-

рый сильно вам угрожает, я весьма сокрушаюсь и тревожусь. Сокрушаюсь оттого, что уже, вместе с вами, претерпеваю. Тревожусь, ибо через истрийский вход они начали уже вторгаться в Италию.

Фредегар

I

...**В** год 40-й царствования Хлотаря человек по имени Само, по рождению франк, из округа Санского, увлек с собой многих купцов [и] отправился торговать к славянам, прозываемым винидами. Славяне уже начали восставать против аваров, прозываемых гуннами, и царя их хагана. Виниды уже издавна были «бефульками» («бефульки» — «бычки», «волопасы» и одновременно бастрюки, то есть побочные дети. Судя по контексту, «бефульки» — подневольные воины. — *Ред.*) гуннов, ибо, когда гунны шли в поход против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то, поддержанные гуннами, они вновь обретали силы. «Бефульками» потому называли их гунны, что они шли впереди гуннов, образуя в сражении двойную боевую линию. Гунны каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе на ложе; сверх других

притеснений славяне платили гуннам дань. Сыновья гуннов, рожденные [ими] от жен и дочерей винидов, не выдержав, наконец, злобы и притеснения и отвергнув господство гуннов, как я упомянул выше, начали восставать. Когда виниды пошли походом против гуннов, купец Само, о котором я рассказал выше, отправился с ними в поход; и там столь большая доблесть проявилась в нем против гуннов, что было удивительно, и огромное множество их было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем; там он и царствовал благополучно 30 и 5 лет. Во многие битвы вступали против гуннов виниды в его царствование; благодаря его совету и доблести виниды всегда одерживали над гуннами верх. Было у Само 12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей.

III

••• Славяне, именуемые винидами, в королевстве Само в большом множестве убили франкских купцов и разграбили [их] добро; это было началом распри между Дагобертом (Дагобер I — франкский король с 629 по 639 г., представитель династии Меровингов. — *Ред.*) и Само, королем славян. И направил Дагоберт посла Сихария к Само, добиваясь, чтоб [тот] приказал дать справедливое возмещение за торговцев, которых его люди убили или у которых они незаконно отняли имущество. Само не захотел видеть Сихария и не позволил, чтобы

тот к нему явился, [тогда] Сихарий, одевшись, как славянин, предстал вместе со своими людьми перед взором Само [и] передал ему все, что было поручено. Но, как свойственно язычеству и гордыне порочных, ничего из того, что совершили его люди, Само не поправил, пожелав лишь устроить разбирательство, дабы в отношении этих и других раздоров, возникших между сторонами, была осуществлена взаимная справедливость. Сихарий, как неразумный посол, произнес слова осуждения, которые [ему] не было поручено говорить, и угрозы против Само, ибо Само и народ его королевства должны-де служить Дагоберту. Отвечая, Само, уже уязвленный, сказал: «И земля, которой владеем, Дагобертова, и сами мы его [люди], если только он решит сохранять с нами дружбу». Сихарий сказал: «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами». Само же возразил: «Если вы Богу рабы, а мы Богу псы, то пока вы беспрестанно действуете против Него, позволено нам терзать вас укусами». [И] выгнан был Сихарий с глаз Само.

Когда он сообщил Дагоберту, тот надменно приказал [собранное] со всего королевства австразийцев (Австразия — северо-восточная часть франкского государства Меровингов. — *Ред.*) войско двинуть против Само и винидов; когда тремя отрядами войско напало на винидов, также и лангобарды, за плату от Дагоберта, выступили в то же время как неприятели против славян. Славяне, со своей стороны, в этом и других местах приго-

товились; войско леманов с герцогом Хродобертом в [той] стороне, где оно вторглось, одержало победу. Лангобарды также одержали победу, и большое количество пленных из страны славян увели с собой алеманны и лангобарды. Когда же австразийцы окружили крепость Вогастисбург, где заперся внутри стен многочисленный отряд стойких винидов, и три дня сражались, то многие из войска Дагоберта были там же уничтожены мечом и оттуда бегом, оставив все палатки и вещи, какие имели, возвратились в свои жилища. Много раз после этого виниды вторгались в Тюрингию и другие области ради разорения Франкского королевства. Также и Дерван, князь народа сорбов, которые были из рода славян и уже издавна относились к Франкскому королевству, предался со своими людьми королевству Само. Победу же, которую виниды стяжали над франками, принесла не столько храбрость славян, сколько безрассудство австразийцев, так как они видели к себе ненависть Дагоберта и беспрестанно подвергались ограблению.

Бонифаций и Захария

II

Дражайшему и в любви Христовой прочих королей превосходящему, славной империей англов правящему, королю Этельбальду архиепископ

Бонифаций [и другие епископы шлют] непреходящий привет любви во Христе.

<...> Не только христиане, но даже язычники считают [это] (распутную жизнь. — *Ред.*) стыдом и позором. Ибо и язычники, истинного Бога не ведая, в силу самой природы соблюдают в этом деле то, чего требует закон и что изначально установил Бог, так как, блюдя брачные союзы с собственными женами, они карают развратников и прелюбодеев.

<...> И винеда, гнуснейший и наихудший род людей, со столь великим усердием блюдут взаимную супружескую любовь, что жена после смерти своего мужа отказывается жить. И достойной похвалы считается у них жена, когда она собственной рукой предает себя смерти и сгорает на одном костре со своим мужем.

III

Достопочтенному и святейшему брату епископу Бонифацию епископ (он же папа. — *Ред.*) Захария, раб рабов Божиих.

<...> Поскольку о славянах, населяющих землю христиан, подобает ли брать с них подать, спросил ты, брат (письмо Бонифация папе, за исключением небольшого фрагмента, не сохранилось. — *Ред.*). Здесь совета не нужно, ибо суть дела очевидна. Ведь если будут жить без подати, то когда-нибудь начнут считать эту землю своей собственной; если же станут платить подать, то будут знать, что у этой земли есть господин.

Павел Диакон

XII

...Страстно желая снискать себе славу победителя славян, он (Фердольф, герцог Фриульский; Фриульское герцогство входило в состав Лангобардского королевства. — *Ред.*) принес себе и фриульцам большой вред. Он дал вознаграждение некоторым из славян, дабы они своим наущением направили войско славян в эту страну. Так и случилось, а это было причиной гибели великого множества людей во фриульском крае. Славянские разбойники напали на пастухов и стада овец, которые паслись по соседству с ними, а из них угнали себе добычу. В погоню за ними пустился правитель той местности, которого на своем языке называют «скульдахиз» («принуждающий к исполнению повинностей». — *Ред.*), муж знатный, могучий духом и силами, однако настичь этих разбойников не смог. В то время как он возвращался назад, ему встретился герцог Фердольф. Когда тот спросил, что стало с теми разбойниками, Аргайт — ибо таково было его имя — ответил, что они убежали. Тогда Фердольф в негодовании сказал ему так: «Когда бы мог что-либо делать мужественно ты, который носит имя Аргайт, происходящее от «арга» («малодушный», «лишенный доблести». — *Ред.*)!» А тот ему, распаленный величайшим гневом, потому что был мужем отважным, ответил так: «Да будет на то Божья воля, чтобы я и ты, гер-

цог Фердульф, ушли из этой жизни не раньше, чем другие узнают, кто из нас больший арга».

И вот, когда они сказали друг другу эти низкие слова, через несколько дней случилось так, что войско славян, ради прихода которых герцог Фердульф давал вознаграждение, явилось с большими силами. Так как они разбили лагерь на самой вершине горы и добраться до них почти со всех сторон было трудно, то герцог Фердульф, прибыв с войском, начал обходить эту гору кругом, дабы, поднявшись по более пологим местам, он мог на них напасть. Тогда Аргаит, о котором мы говорили ранее, сказал Фердульфу так: «Вспомни, герцог Фердульф, как ты заявил, что я малодушен и никчем, и назвал низким словом «арга». Теперь же да сойдет гнев Божий на того, кто из нас доберется до этих славян последним». Сказав это, он повернул коня и по неровному склону горы, где подъем был труден, заспешил к лагерю славян. Фердульф же, считая позором, если не он сам нападет на славян в этом трудном месте, последовал за ним по всяким неровным, тяжелым и непроходимым местам, а его войско, стыдясь не пойти за герцогом, двинулось вслед за ним. Итак, увидев, что они идут против них по крутому склону, славяне мужественно приготовились и, сражаясь с ними больше камнями и топорами, чем оружием, почти всех их, сбросив с коней, уничтожили. И так благодаря не силе, а случаю одержали победу.

Там погибла вся фриульская знать; там пал герцог Фердульф; там и тот, кто его подстрекал, лишился жизни. Там из-за зла раздора и непредусмотрительности было разбито такое множество храбрых мужей, какое при одном только согласии и здравом решении могло бы сокрушить многие тысячи врагов. Там, однако, один из лангобардов по имени Мунихиз, ставший впоследствии отцом Петра, герцога Фриульского, и Урса, герцога Ченедского (Ченедское герцогство лежало к западу от Фриульского и тоже входило в Лангобардское королевство. — *Ред.*), единственный поступил отважно и мужественно. Когда его сбросили с коня и один из славян, тотчас напав на него, связал ему руки веревкой, он связанными руками вырвал из правой руки этого славянина копье и им же его пронзил, а затем, связанный, бросился вниз по неровному склону и спасся. Мы прежде всего затем вставили это в свою историю, чтобы [впредь] не случилось из-за зла раздора чего-либо подобного.

XV

Ратхиз, став наконец, как мы сказали ранее, герцогом Фриульским, вторгся (в 738 г. — *Ред.*) со своими людьми в Карниолу (теперь Верхняя Крайна, или Гореньско, в Словении. — *Ред.*), страну славян, и, убив большое множество славян, все у них опустошил. Когда же славяне там на него внезапно напали, а он не успел еще взять

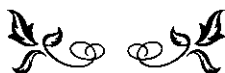
у оруженосца свое копьё, то первого, кто к нему приблизился, ударил палицей, которую держал в руке, и убил его.

Иоанн Ксифилин

Л поскольку Диоклетиан и Максимиан Геркулий добровольно оставили царствование (в 305 г. — *Ред.*), а власть досталась Максимиану Галерию, то некоторые из язычников со стороны Истра (ибо во множестве и под многими именами они поселились [там] — и гепиды, и мавританы, и скифы, и славяне (упоминание здесь о славянах исследователи расценивают как дань мифологии. — *Ред.*), и много прочих) — некоторые из них в эту пору легко перешли реку, потому что зимой она всегда накрепко замерзает и становится доступной, подобно земле, для продвижения людей и коней. Отсюда и до Фракии совершившие набег [язычники] бесстыдно разорили все селения. И немалые горести одолели авткратора, [заботящегося о том], чтобы теперь наконец дать им отпор и обратить вспять врага. Как и полагалось, он стал приготовляться и, спешно собрав подвластных ему всадников, выступил навстречу варварам... А главарем тех язычников был Мармарот. Он, как и подобало ему, намного превосходил подданных своих, не одним лишь почетом главаря, но и ростом, силой и испытанностью в походах. Кроме того, как то присуще варварам, он был отменно наделен дерзостью и надменностью.

Сирийский «Смешанный хроникон»

В 934 (623 г. н. э. — *Ред.*) г. напали славяне на Крит и другие острова, и там были захвачены блаженные из Кеннешрэ (греч. Халкис — город и монастырь в Сирии на р. Евфрат. — *Ред.*), из которых было убито около двадцати мужей (речь идет о клириках и монахах. — *Ред.*).

Содержание

СЛАВЯНСКИЙ МИР.....	7
Гей, славяне!.....	10
От Прикарпатья до Альп.....	18
Таинственные готы.....	26
Миф о Гиперборее.....	34
Люди и божества.....	44
Дети природы.....	52
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ.....	63
Поляне, древляне и другие.....	67
Соперник Перуна.....	78
С домом и дружиной.....	87
Зерна и плевелы.....	94
«Под свою руку».....	101
Невезучий князь.....	110
Секрет молодости.....	117
На подступах к Царьграду.....	124
Власть и вера.....	134
Строитель Руси.....	145
Ради единства.....	154
ЗА ГОРАМИ, ЗА МОРЯМИ.....	165
Мадарский всадник.....	170
Больше не хан.....	179
У трех морей.....	183

Труды и дни Иоанна Рильского	189
Добрый пастырь	196
Мнимая идиллия	200
Земля южных славян.....	207
МЕЖ ДВУХ ИМПЕРИЙ.....	217
Под знамена князя.....	220
По своим канонам	224
Крок и его дочери	229
С лаптями на престол.....	234
Благочестивый Вацлав	239
Гнездо польской государственности.....	244
Знак свыше	251
Будущее покажет.....	257
ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ИЗВЕСТИЙ О ДРЕВНИХ СЛАВЯНАХ	265
Повесть временных лет	269
«Поучение» Владимира Мономаха.....	275
Плиний.....	279
Тацит	280
Птолемей.....	280
Иордан.....	281
Прокопий Кесарийский.....	286
Маврикий Стратег	289
Феофилакт Симокатта	292
Чудеса святого Димитрия Солунского	298
Патриарх Никифор	302
Феофан Исповедник	305
Папа Григорий I	307
Фредегар	308
Бонифаций и Захария.....	311
Павел Диакон.....	313
Иоанн Ксифилин.....	316
Сирийский «Смешанный хроникон».....	317

Владимир Соловьев

**ДРЕВНИЕ
СЛАВЯНЕ**

I-X ВЕКА

Литературно-художественное издание

Владимир Соловьев

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ

**Таинственные и увлекательные истории
о славянском мире
I—X века**

Ответственный редактор *И.Н. Комарова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Корректор *Т.В. Соловьева*

Компьютерная верстка *Д.Н. Сорокина*

Подписано в печать 28.06.2011.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «КorinnaC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 12,29.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 7374.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, д. 15

Наш электронный адрес: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

Владимир Соловьев
ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ

Предыстория и ранняя история славянства восстановлена в течение столетий десятками ученых не только по свидетельствам современников, археологическим материалам, но и по сказкам, преданиям и легендам. В этой книге приоткрывается тайна происхождения общей семьи славянских народов, рассказывается о ее восточной, западной и южной ветвях.

При чтении этой книги далекое прошлое славянских народов оказывается вдруг неожиданно близким. Те стародавние века почему-то вовсе не кажутся глубокой древностью. Может быть, это оттого, что многое в раннесредневековой истории восточных, западных и южных славян отложилось в легендах и преданиях, сказках и былинах, уже хорошо знакомых читателю, особенно юному.

- Где и когда было первое упоминание о славянах?
- Что общего между мифом о Гиперборее и чудом-островом Буяном?
- Кем на самом деле является Баба-яга?
- Кто из князей восточных славян вымышленный, а кто настоящий?
- Почему иностранные очевидцы считали славян дикими и темными?

ISBN 978-5-227-02917-1

ЦЕНТРОЛИГРАФ®